

А. МАССЭ

Ислам

Восток

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

А. МАССЭ

И С Л А М

ОЧЕРК ИСТОРИИ

Перевод с французского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1962

HENRI MASSE,
L'ISLAM, 6-e éd.,
Paris, 1952

Перевод

Н. Б. КОБРИНОЙ и Н. С. ЛУЦКОЙ
под редакцией и с предисловием
Е. А. БЕЛЯЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ислам наравне с другими религиями в классовом обществе является очень важным социальным и политическим фактором. Идеологи и пропагандисты ислама совместно со служителями мусульманского религиозного культа применяют разнообразные средства и приемы, чтобы наиболее эффективно воздействовать на умы, волю и чувства верующих-мусульман. Это воздействие должно примирить народные массы с теми общественными отношениями и политическим строем, которые установились в капиталистических и феодальных странах распространения ислама.

Эти страны, обычно называемые мусульманскими, занимают обширную территорию в Азии и Африке. Они простираются от побережья Атлантического океана до Гималаев, Тянь-Шаня и Алтая.

Помимо арабских стран, Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана, к мусульманскому миру относится Индонезия. В ряде других государств мусульмане составляют религиозное меньшинство, иногда очень влиятельное экономически и активное политически. В европейских странах такие меньшинства имеются в Албании, Югославии и Болгарии. В Азии мусульмане живут также в Индии (45 млн.) и КНР (10 млн.). В нашем столетии ислам наиболее интенсивно распространяется в странах тропической Африки, куда он начал проникать из Египта и Магриба еще в средние века. В настоящее время почти все население Эритреи и Сомали — мусульмане, в Эфиопии они составляют 30—40% населения. В Западной Африке насчитывается около 25 млн. мусульман, из них в Нигерии — более 14 млн.

В СССР ислам, представляющий собою, как и все другие религии в этой стране, отмирающий пережиток

прошлого, распространен в Средней Азии и Казахстане, в Азербайджане и Дагестане, а также в Татарской и Башкирской АССР. В нашей стране верующие-мусульмане, как правило, наряду со всеми гражданами — участники строительства коммунистического общества, а мусульманское духовенство лояльно относится к Советской власти. Не следует игнорировать, однако, отрицательного значения религиозных пережитков в сознании и быту верующих. Последователь любого религиозного учения (в том числе и мусульманин) не только бесплодно тратит время на выполнение религиозных обрядов, но и полагает, что реальная земная жизнь — это подготовка к будущей (на самом деле не существующей) загробной жизни. Поэтому верующий не в состоянии всецело отдаться труду во имя дальнейшего развития того передового общества, в котором он живет. Религиозные праздники отвлекают верующего от созидательного труда, а жертвоприношения и взносы в пользу духовенства причиняют трудящемуся материальный ущерб, иногда довольно значительный. К потере времени и средств приводит также посещение мазаров и других объектов паломничества. Кроме того, доверчивого верующего иногда обирают различные святоши, бездельники и шарлатаны — дервиши и бродячие муллы, прикрывающиеся религией.

До окончания второй мировой войны некоторые зарубежные мусульманские страны были колониями и полуколониями империалистических держав. Победа СССР в этой войне и образование мировой системы социализма помогли многим странам Востока, в числе которых были и мусульманские государства, в деле достижения политической независимости и суверенитета.

В независимых мусульманских государствах Азии и Африки ислам продолжает служить сильным средством воздействия на верующих. Этим средством пользуются стоящие у власти представители господствующих классов — национальная буржуазия в одних странах и феодалы — в других. Реакционные феодальные группировки, не порвавшие связей с империалистическими кругами колониальных держав, используют ислам как средство для дезориентации и запугивания народных масс. С этой целью пускается в оборот насквозь ложное представление о «коммунистической опасности», якобы угро-

жающей исламу и мусульманскому миру, о вымышленном «советском империализме», будто бы стремящемся поработить мусульманские народы.

В то же время некоторые мелкобуржуазные мусульманские идеологи и проповедники выступают с изобретенными ими фантастическими концепциями об исламе как некоей форме социализма и даже коммунизма. Возникновение ислама в VII в. н. э. они пытаются изобразить в виде социальной революции, в результате которой в мусульманских странах якобы установился совершенный социально-экономический строй, не нуждающийся ни в каких изменениях. Пропаганда подобных превратных представлений об исламе ведется с определенной целью: отвлечь трудящиеся массы мусульман от борьбы за коренное переустройство общества.

Империалисты, потерпев жестокое поражение в борьбе с национально-освободительным движением в Азии и Африке (в том числе и в мусульманских странах), вынуждены отказаться от открытых форм господства и порабощения в этих странах. Теперь, в целях сохранения своего влияния и восстановления господства в бывших колониях и зависимых странах, они применяют различные методы, в том числе используют ислам как средство воздействия на исповедующие его народы.

С этой целью некоторые государственные деятели в Западной Европе и США часто выступают в роли «покровителей» и «защитников» ислама. Превратности межимпериалистической борьбы США, Англии, Франции и ФРГ в мусульманских странах сопровождаются пропагандой, в которой эти державы изображаются «друзьями» ислама, всегда готовыми защитить исповедующие его народы от якобы наступающего на них «агрессивного коммунизма».

Такое многостороннее значение ислама в послевоенное время вызвало резкое повышение интереса к его прошлому и настоящему. Показателем является оживление научной деятельности исламоведов в Западной Европе и США. В последнем десятилетии зарубежные исламоведы и специалисты по истории мусульманского Востока неоднократно собирались на научные конференции и симпозиумы, специально посвященные изучению проблем ислама (например, конференция в Льеже и Спа в 1953 г., симпозиум в Бордо в 1956 г., созывавшие-

ся на средства, полученные из США). Исламоведческие темы занимали значительное место в работах послевоенных международных конгрессов востоковедов в Париже в 1948 г., Стамбуле в 1951 г., Кембридже в 1954 г. и Мюнхене в 1957 г. Немало докладов на исламоведческие и близкие к исламоведению темы было прочитано и на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г., хотя в структуре этого конгресса и отсутствовала специальная секция под названием «ислам».

Помимо публикации научно-исследовательских трудов в странах капиталистического Запада в последнее время выпускается довольно много научно-популярной литературы по исламоведению. Она представлена несколькими десятками работ, авторы которых со собственных им буржуазных методологических и политических позиций стремятся дать представление об историческом развитии и современном состоянии ислама. Некоторые из этих работ написаны крупными и известными представителями современного зарубежного востоковедения.

Из исламоведческой научно-популярной литературы работу проф. А. Массэ можно считать наиболее интересной для советских читателей. В ней привлекает наше внимание богатое конкретное содержание, дающее представление не только о догматике и обрядности ислама, но и о мусульманском праве.

Анри Массэ, профессор Парижского университета и бывший директор Школы живых восточных языков в Париже, принадлежит к числу выдающихся современных французских востоковедов. По своей основной специальности он — иранист, уже несколько десятилетий занимающийся изучением средневековой (классической) и новой персидской литературы, а также культуры, быта и фольклора народов Ирана. Он составил «Персидскую антологию (XI—XIX вв.)», занимался исследованием творчества великих иранских писателей Саади, Фирдоуси и Джами, собирал материалы о верованиях и обычаях иранского народа и устные народные произведения. Продолжительные занятия проблемами иранистики привели этого исследователя в тесное соприкосновение с различными вопросами исламоведения. Результатом накопления сведений в этой области и явилась работа «Ислам», содержащая обильный и разно-

образный познавательный материал. Первое издание вышло в 1930 г., а шестое, с которого сделан настоящий перевод на русский язык, появилось в 1952 г.

По своей методологии и научным установкам проф. А. Массэ — типичный идеалист. В соответствии со своим мировоззрением он придает исключительное значение роли исторических личностей, не обращая должного внимания ни на социальную среду, ни на эпоху, породившие того или иного деятеля. Так, при изложении проблемы возникновения ислама он изображает арабского пророка Мухаммеда, по сути говоря, единственным создателем этой религии, хотя и сообщает интересные сведения о доисламских верованиях и культуре у арабов и об иноземных (иудейско-христианских) влияниях на их религиозные представления. Чуждый стремления к социологическому анализу, он ограничивает свое внимание идеологической стороной исторических явлений. Влияние же он рассматривает как внешнее механическое воздействие, не учитывая потребностей среды, подвергшейся и поддавшейся этому влиянию в соответствии с этими потребностями.

В своей книге А. Массэ пользуется результатами научных изысканий двух наиболее крупных представителей буржуазного исламоведения. Первый из них — венгерский исламовед и арабист, профессор Будапештского университета Игнац Гольдциер (1850—1921) — в ряде монографических трудов подверг серьезной критике установившиеся концепции и взгляды и создал новые возможности для углубленного изучения основных проблем исламоведения. Но будучи историком-идеалистом, он рассматривал историю ислама как эволюцию идей, не связывая их с социально-экономическими явлениями.

Второй из них — голландский исламовед Христиан Снук Хюргронье (1857—1936) — был не только крупным ученым, но и деятелем, связанным с колониальной администрацией в Индонезии (которая тогда называлась Голландской Индией). Последнее обстоятельство не могло не сказаться на некоторых его суждениях, в которых он принижал историческую роль колониальных народов, исповедующих ислам.

В данной работе А. Массэ заметно также влияние (особенно в главе I) известного исламоведа Анри Ламменса (1862—1937), профессора католического Универ-

ситета святого Иосифа в Бейруте, активного миссионера и члена ордена иезуитов. Хороший знаток арабских источников, выдающийся эрудит, обладавший к тому же литературным талантом, А. Ламменс в своих научных трудах весьма квалифицированно и тонко проводил антимусульманские тенденции христианского миссионерства. В его исследованиях, посвященных периоду начального ислама и времени господства Омейядов (661—750), проявляется самая бесшабашная модернизация исторических фактов и социально-экономических отношений. Это одна из характерных черт, свойственных реакционным представителям новейшей буржуазной историографии.

Под непосредственным влиянием А. Ламменса автор данной работы сообщает без всяких оговорок о наличии «банков» (стр. 25), «конституции» (стр. 26) и «торговых фирм» (стр. 27) в доисламской Мекке в VI—VII вв., когда у арабов только еще происходил процесс разложения первобытнообщинных отношений и становления классового общества. Еще более странное впечатление производят представления автора о каком-то фантастическом «социализме» того времени. Так, он совершенно необоснованно усматривает «социалистические тенденции» (стр. 29) в предписании Корана совершать молитву и подавать милостыню. Применяя слово «революция», в сущности, к любому восстанию и даже бунту, автор считает «социальной революцией» усиление податной эксплуатации покоренного населения (стр. 64) или соприкосновение мусульман-завоевателей с разными иноземными идеями и институтами. Совершенно бессодержательным (поскольку он не подтвержден ни одним фактом) выглядит «социализм» у исмаилитов и Фатимидов (стр. 145—146). Карматы же представлены в виде «вульгарных коммунистов» (стр. 146). На самом же деле эти сектанты пытались восстановить общинный строй на той его стадии, когда все члены общины совместно владели рабами. Следует сказать, что такое неуместное и никчемное употребление социальных терминов характерно для очень многих представителей современной буржуазной историографии, и автор только отдает дань научной моде. Советского читателя подобные термины в данной работе не могут ни смутить, ни сбить с толку, так как под ними не кроется никакого

конкретного содержания. Равным образом под названием «гражданская война» автор понимает междоусобную борьбу феодалов.

Гораздо серьезнее следует отнестись к некоторым встречающимся у автора частным проявлениям несостоятельных антинаучных расистских концепций, тоже широко распространенных в современном буржуазном востоковедении. Эти концепции восходят к сочинениям Э. Ренана (1823—1892) и Ж. Гобино (1816—1882), которые до сих пор популярны и даже авторитетны для многих зарубежных буржуазных востоковедов, особенно для французских. Дикие расистские взгляды и суждения двух названных писателей давно уже опровергнуты востоковедами, но пока еще не изжиты окончательно в буржуазной научной и публицистической литературе. Это мы наблюдаем и в данной работе, автор которой местами склонен афишировать «арийский» или «индоевропейский гений», приписывая ему, видимо, особые заслуги и ведущую роль в истории развития человечества. Между тем под выражением автора «арийская реакция против семитского гения» (стр. 52) следует понимать отнюдь не борьбу двух рас или национальностей, а освободительное движение народов Ирана против иноземного арабского господства. Равным образом «несокрушимость индоевропейского гения» (стр. 190) в лице иранского народа является условной и относительной и во всяком случае ничем не отличающейся от этнической стойкости многих других народов. Наконец, совершенно несостоятельно приписывать семитским народам какую-то особую «склонность к пророчеству» (стр. 132). Известно, что пророки выходили не только и не большей частью из среды евреев и арабов: их было много и среди иранцев, индийцев, китайцев и других народов. Конечно, явно необоснованно представление о непреложном интеллектуальном превосходстве иранцев (как арийцев) над арабами (как семитами), что давно уже опровергнуто научным востоковедением. Столь же устаревшим и ненаучным является представление об извечном соперничестве между Ираном и Тураном (стр. 57, 185). Как в древности, так и в средние века между иранцами и тюрками наблюдалась не только вооруженная борьба, но и мирное сотрудничество и всестороннее взаимодействие, способствовавшие развитию экономики и культуры. Столь же несостоя-

тельными являются представления автора о какой-го прирожденной склонности берберов Северной Африки к религиозным новшествам (стр. 54) и о стремлении североафриканцев к перемене мест (стр. 55). В действительности же восприимчивость берберских масс к различным сектантским учениям служила идеологическим выражением их борьбы против иноземного господства и классового угнетения. Наконец, можно еще заметить, что слово «партия» автор применяет к любой общественной группировке, а «либерализмом» (стр. 30, 35, 49, 52) считает нечто противоположное клерикализму или узкому правоверию.

Следует учитывать также, что местами при изложении содержания мусульманской религиозной мифологии А. Массэ пользуется такими литературными приемами, которые обычно применяются при описании исторических фактов и реальных явлений. Наконец, к числу недостатков данной работы относится ее хронологическая ограниченность: автор завершает изложение истории ислама эпохой феодализма и почти ничего не сообщает о тех изменениях, которые претерпел ислам в новое и новейшее время, когда в ряде мусульманских стран стали устанавливаться капиталистические отношения.

Русский перевод книги А. Массэ снабжен постраничными примечаниями, указателями и терминологическим словариком. Все цитаты из Корана даны в переводе Г. С. Саблукова.

Можно надеяться, что издаваемая в русском переводе книга крупного французского востоковеда, содержащая ценный конкретный познавательный материал, окажется полезной для наших читателей, интересующихся проблемами востоковедения.

Е. А. Беляев

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА

Начало ислама, который в наши дни исповедуют более 240 млн. человек¹, относится к VII в. н. э., когда Мухаммед выступил с проповедью этой религии в Аравии. Прежде чем приступить к изложению биографии этого великого человека, необходимо остановиться на существенных особенностях Аравийского полуострова и его населения. Такое исследование убедит нас в том, что Аравия совсем не была склонна замыкаться в гордом одиночестве и с давних пор была открыта для внешних влияний, а следовательно, почва для совершенной Мухаммедом религиозной и политической революции была подготовлена соответствующими обстоятельствами.

Аравия. Аравия, которую арабы называют «Джазират аль-араб» — «полуостров арабов» (сокращенно «Аль-Джазира»²), а персы и турки — «Арабистан», представляет собою плоскогорье, окаймленное с запада и юга вулканическими горами и отлого спускающееся к Персидскому заливу и долине Евфрата. Аравия по территории равна примерно четвертой части Европы. По природным условиям ее делят на две части: Тихаму (прибрежные районы) и Неджд (центральное плато, окруженное пустынями).

В Западную Аравию входят две основные области: Хиджаз и Йемен. Хиджаз («преграда»), прибрежная

¹ По более точным данным, к середине нашего столетия мусульман насчитывалось более 365 млн. (см. L. Massignon, *Annuaire du Monde musulman*, Paris, 1955).

² Арабское слово «джазира» значит «остров», т. е., по понятиям средневековых арабских географов, пространство суши, окруженное со всех сторон водой — морями или реками.

зона между Красным морем и горами, тянется от Синайского полуострова до области, лежащей к югу от Мекки. В самой северной части Хиджаза (от Синая до Тебука), в скудном и засушливом крае, жили в древности набатей, которые захватили в свои руки торговлю в этих местах. Одна дорога (мы увидим, как она важна) проходит вдоль Красного моря от Акабского залива к Медине, пересекая русла нескольких сезонных речек. Ясриб (впоследствии — Медина) расположен на вулканической почве между двух харр (залитых лавой пустынь), на плодородных, издревле возделываемых землях (основной культурой здесь была финиковая пальма). К северу от Медины высится гора Оход, место одного из первых сражений Мухаммеда. От Медины до Мекки можно дойти в два дня. Южнее среди гор стоит Таиф, бывший в древности цветущим городом, а теперь ставший дачным местом для жителей Мекки; здесь произрастают европейские культуры. На границе Хиджаза с Йеменом горная цепь расширяется: самую плодородную, восточную часть Хиджаза (Сарат) населяет племя кахтан, которое считается родоначальником всех племен Йемена.

Йемен, «страна, лежащая справа», т. е. южная или «счастливая» страна («Счастливая Аравия»), славился во все времена своим богатством и плодородием земель (основная культура — кофе). Его бесчисленные развалины говорят о блистательном историческом прошлом, последние следы которого хранит еще древняя столица Сана. Исследователями Йемена были после Нибура и Форскаля французы Арно и Жозеф Галеви, совершившие почти героическое путешествие, и затем Ландберг, описавший главным образом юг³.

Южный берег Аравии, «берег ладана» (культура дерева, из которого добывается ладан, приходит в упадок), называется Хадрамаут. Это горная страна, изоброжденная долинами; пустыни окружают ее, и жители

³ Нибур, Карстен (1733—1815) — датский путешественник и исследователь, участник научной экспедиции в Южную Аравию в 1763 г., автор книги «Описание Аравии». Форскаль — датский натуралист, участник той же научной экспедиции в Южную Аравию. Галеви (или Алеви), Жозеф (1827—1917). Арно, Томас-Жозеф — французский врач, в 1843 г. посетил Йемен, где открыл развалины Мариба.

без сожаления покидают родину в поисках заработков. Здесь, как и в Йемене, встречается множество древних развалин. На востоке лежит область Махра, которая славится своими верблюдами — мехари.

На юго-востоке лежит Оман, тоже горная страна, с очень плодородными почвами; вдоль всего его побережья расположено много портов. Отсюда пошли те арабские лодчаны, имена которых вписаны в историю мореплавания. Маскат стал столицей вместо древнего Сохара, названного одним арабским географом «дверью в Китай».

Наконец, вдоль Персидского залива тянется низменная страна Бахрейн, называемая в наши дни Лхасой (Аль-Хаса), страна пиратов и ловцов жемчуга; ее богатство финиками вошло в поговорку. Она отделена от Западной Аравии обширными пустынями: с юга — Дахной, с севера — Нефудом. В Дахне («красной» — по цвету песка), занимающей пространство вдвое большее, чем Франция, совсем нет воды, но после зимних ливней в ней появляется зеленая растительность. Тогда бедуины (бадаун, люди бадии — «пустыни», в противоположность оседлым, людям хадара) поселяются здесь на три-четыре месяца вместе со своими стадами, голод и жажду которых утоляет сочная зелень. Когда жара заставляет их покинуть эти места, они возвращаются к границам пустыни. На севере Неджда лежит центральное плато, пересеченное впадиной Вади Румма, в которой местами проступает вода. Это пустыня Нефуд (множественное число от слова нафд — дюна), во всем схожая с Дахной: зелень в течение одного сезона покрывает ее красный песок, образующий то большие впадины, то нагромождения вокруг какой-нибудь скалы. Дальше к северу лежит Сирийская пустыня, изборожденная руслами дождевых потоков; она простирается до Евфрата, некоторые ее районы совершенно бесплодны.

Арабские племена. Как мы видели, в эти пустыни периодически приходят кочевники или, вернее, полукочевники со своими стадами — одnogорбыми верблюдами, козами, овцами. «Не будь у них верблюжьего молока, половина кочевников погибла бы от жажды» (Ламменс). Лошадь остается предметом роскоши, животным, почти немислимым в пустыне: ведь ей нужны ячмень и вода; лошадей разводят в Неджде и Йемене. К ослам,

используемым в прибрежных районах, бедуины относятся с презрением.

Каково же происхождение этих бедуинов, чьи потомки впоследствии составили войска ислама? Племенная организация всегда диктовала у них законы; до сих пор не выяснено, был ли тотемизм присущ этой организации. Основное ядро племени — семья с большим количеством сыновей; такая семья принуждала другие семьи признавать авторитет ее главы (шейха) и сплачиваться вокруг него. Человек, исключенный из племени за какую-либо провинность или преступление, оказывался в почти безвыходном положении (такой момент был и в жизни Мухаммеда), если ему не удавалось заручиться покровительством другого племени. Женщины в племени пользовались гораздо большей свободой, чем горожанки, но на них лежала вся домашняя работа. Мужчины же были заняты скотоводством, охотой, торговым обменом и набегами. Эти набеги (газв или реззу), известные с самой глубокой древности, заключались в нападении на соседнее племя, причем быстро угонялся скот, а зачастую — женщины и дети: за них потом брали выкуп. При таких набегах всячески старались не проливать крови, так как кровопролитие было чревато серьезными последствиями⁴. Этот врожденный вкус бедуинов к захвату добычи делал их весьма опасными для жителей прилегающих к пустыне земель. Так было в древности, так обстоит дело и в наше время. Кроме добычи от набегов, одним из основных источников дохода бедуинов было и остается право покровительства — пошлина, взимаемая ими с караванов, которые они сопровождали и нередко снабжали верблюдами. Горожане тоже должны были платить за проход через территорию племени (право «братства»). Такой же данью облагались жители придорожных районов, если они не могли оказать отпор бедуинам. С течением времени бедуины снова обратили в пустыню некоторые земли, освоенные и возделанные оседлым населением (это наблюдалось, например, в Ираке).

По библейскому преданию, арабы происходят от Авраама: живущие на севере — через Исмаила, живущие на юге — через Кахтана. С этим преданием совпа-

⁴ Оно обычно вело к кровной мести.

дает действительно существующее деление арабов на племена северные (низариты или маадиты) и южные (йемениты). Это деление не может быть строгим, так как, особенно у йеменитов, бывали миграции, вызываемые засухой, а может быть, и все усиливавшимся высушением почвы, повлекшим за собой изменение климата. По-видимому, йеменитов заставил покинуть свою страну недостаток воды, так же как по противоположной причине, гонимые усиливавшимися ливнями, ушли из Гватемалы на Юкатан (Юнтингтон) майя. Можно, как мы увидим, допустить, что эти миграции были вызваны экономическими причинами. Во всяком случае можно рассматривать их (миграции) как основной фактор антагонизма, возникшего между жителями севера и юга и существовавшего при жизни Мухаммеда между жителями Мекки (низаритами) и Медины (йеменитами).

Племена севера, названные по имени легендарного предка (Низара, или Маада), подразделяются на две основные группы: раба и модар, переселившиеся еще до возникновения ислама в Ирак, где память о них сохранилась в названиях областей в бассейне Евфрата: Диар-Раба и Диар-Модар. От этих двух групп произошло множество племен: к одному из них, к племени курейш, живущему и по сей день близ Мекки, принадлежал Мухаммед.

На юге группа кахтан (одно из ее племен носит еще и теперь это название) разделяется на группы химьяр и кахлан. Из кахлан в числе других племен вышли племена лахм, кинда, гассан.

Эти группы племен, действительно, ввели Аравию в историю.

Царства Южной Аравии. Начиная с III тысячелетия до н. э. в вавилонских надписях встречается упоминание о царстве Маган. Под этим названием угадывается Маан (или Маин), царство, охватывавшее, быть может, всю Южную Аравию. В этих же надписях упоминается царство Мелух, в котором можно узнать Амалек, царство амалекитов.

К гораздо более позднему времени относятся чисто арабские памятники. Надписи Южной Аравии, древнейшие из которых датируются 800 г. до н. э., можно разделить на две большие группы, различающиеся по диалекту: минейские надписи царей Маана (собранные

Ж. Галеви в районе Сана и Глазером в районе Катабана) и сабейские надписи царей Сабы. Древнейшие сабейские надписи совпадают по времени с последними минейскими надписями. В истории Южной Аравии можно назвать три больших царства: минейское, сабейское, химьяритское (гомериты классических авторов).

Своим развитием эти царства Южной Аравии были обязаны богатству почвы («страна благовоний»), а также торговому пути из Индии в Сирию, пролежавшему вдоль аравийского побережья. Упадок начался с того времени, когда в результате успехов мореплавателей был освоен путь через Индийский океан и Красное море⁵. Быть может, вследствие этого пришла в упадок и приносившая стране плодородие система искусственного орошения, следы которой удалось открыть. Возможно, именно в этом запустении кроется объяснение упомянутых выше переселений, и не следует приписывать их только изменению климата.

К тому же химьяриты, населявшие побережье Красного моря, подвергались постоянным нападениям эфиопов. Начальная дата переселения семитов в Эфиопию точно не установлена, по всей вероятности, это — V в. до н. э. Результатом этого переселения было образование Эфиопского царства, основанного Аксумской династией и возникшего незадолго до Химьяритского и, несмотря на жесточайшие политические распри, сохранившегося до наших дней. К концу V в. н. э. в Химьяритском царстве были распространены как иудаизм, так и христианство. Царь, исповедывавший иудейскую религию, преследовал своих подданных — христиан, а те искали помощи у аксумитов, обращенных в христианство еще за сто лет до описываемых событий. Аксумиты не упустили возможности осуществить свои политические замыслы: они вторглись в Йемен, из которого сами происходили, и завоевали его. Этой страной стали управлять наместники эфиопского царя. Так продолжалось до того дня, когда один из потомков химьяритов, тщетно просивший помощи у Византийской империи (Византия не могла выступить против христиан-аксумитов), получил войско от Иранской империи Сасанидов, естественного врага Византии. С помощью этого войска

⁵ Освоение этого пути началось в I в. до н. э.

эфиопы были изгнаны. Впрочем, для Южной Аравии это означало лишь перемену хозяина: она сделалась иранской сатрапией. История ее была закончена.

Царства Северной Аравии. Как отмечалось, среди племен Южной Аравии были лахм, гассан и кинда. Эти племена переселились на север и создали там совершенно иную цивилизацию, более позднюю и непосредственно связанную с Иранской и Византийской империями. Для защиты своих границ от нападений жителей пустыни обе империи содержали гарнизоны, но, так как они сами были не в состоянии постоянно поддерживать порядок, им пришлось договориться с арабскими племенами. Это привело к быстрому усилению династий Лахмидов и Гассанидов. Осев на окраинах Сирийской пустыни, они стали резервом подсобных сил: первые — для Сасанидов Ирана, а вторые — для византийцев, т. е. вели почти непрерывные войны между собой.

Начальный период существования Лахмидского царства представляется туманным и окружен легендами. Столицей царства была Хира (в окрестностях Куфы, неподалеку от древнего Вавилона). Значительную часть оседлых жителей Хиры составляли «ибад», т. е. христиане, способствовавшие просвещению бедуинов; со временем Хира стала культурным центром. Первый из лахмидских царей, известных истории (его гробница была вскрыта), умер в 328 г. Союз Лахмидов с персами-зороастрийцами не помешал первым обратиться в несторианство. Династия существовала до конца VI в. — до того времени, когда возникла вражда между лахмидским царем и его сюзереном — Сасанидом; тогда вассала сменил иранский наместник. Спустя несколько лет арабы блистательно взяли реванш в сражении при Зу-Каре (близ Куфы). Это было знаменательное, чреватое многими последствиями сражение, не менее значительное, чем битва при Каннах или при Пуатье, так как в тот день арабы ясно увидели, что их могущественные соседи отнюдь не являются непобедимыми. Руководители арабо-мусульманских завоеваний припомнят об этом в свое время.

Гассаниды, так же как и их родичи и противники Лахмиды, приняли христианство (монофизитского толка). В противоположность Лахмидам они не имели постоянной территории, занимали Финикию, Палестину и

часть владений древних набатеев; излюбленным местом их пребывания была область, лежавшая к югу от Дамаска. Под влиянием Византии они по сравнению с Лахмидами достигли более высокой ступени цивилизации. Как и у Лахмидов, их история изобилует легендами. Однако точно установлено, что в 529 г. император Юстиниан назначил одного из Гассанидов начальником арабских племен в Сирии, дав ему звание филарха и патриция (самый высокий сан того времени).

Наибольший расцвет Гассанидов и Лахмидов наблюдался в VI в. Борьба между ними усилилась, и к концу века та и другая стороны начали проявлять признаки крайней измотанности. Распри происходили между Сасанидами и Лахмидами и между византийским императором и Гассанидами. Мусульманское завоевание показало, что подлинной мощи династий не существовало уже в течение многих лет.

Третьим южным племенем, переселившимся на север, было племя кинда. Но оно задержалось в Центральной Аравии и в конце V в. основало там царство. Сначала Киндиты, жившие по соседству с Лахмидами, совершали на них успешные набеги. Но в 529 г., когда Гассаниды достигли апогея своего развития, Лахмиды перешли в наступление и нанесли Киндитам решающий удар. При всей своей эфемерности царство Киндитов представляется наиболее значительным из трех северных царств. Два других царства играли второстепенную роль. Племя кинда первым среди арабских племен попыталось «объединиться под предводительством общего вождя» (Гвиди)⁶. Для осуществления идеи централизации не хватало религиозного элемента. Он вскоре был внесен Мухаммедом.

Арабское язычество. Какую же религию исповедовали арабы до ислама? Надписи, встречающиеся в Южной Аравии, показывают, что поклонение луне, мужскому божеству, одержало верх над поклонением солнцу, женскому божеству. Боги Ассар, Син, Накрух напоминают вавилонских богов Иштар, Сина, Макру, не говоря уже о множестве других божеств, среди которых есть одна богиня-мать по имени Лат (или Илат). Последняя встре-

⁶ Гвиди, Игнацио (1844—1935) — итальянский семитолог и эфиптист.

чается и у арабов северо-запада, в частности в Хиджазе, вместе с Ваддом, Уззой, Хубалом и другими божествами, упомянутыми в Коране (71, 22—23, 53, 19—20) ⁷. Не стоит подробно останавливаться на языческих верованиях, но некоторые их особенности следует отметить. В Южной Аравии («стране благовоний») в честь богов сжигали на алтарях благовония. Нет ничего невозможного в предположении, что греки заимствовали у южных арабов через их торговцев ладаном Аполлона, Гермеса и Латону (*греч.* — Лето, *араб.* — Лат), не говоря уже о дополнительных буквах их алфавита.

Сведения о религиозных верованиях юга почерпнуты нами почти целиком из надписей. О религии же северо-запада нам говорят не только надписи, но и свидетельства (правда, несколько сомнительные) некоторых мусульманских писателей. В частности, основной чертой религии в Хиджазе и Неджде представляется культ бетилов (семитское «бейт-эл» — «жилище бога». Ср. Бытие, 28, 18—19; Левит, 26, 1; Числа, 33, 52) ⁸ — стоямя поставленных камней (по-арабски «нусуб»), подобных менгирам ⁹. Последователи этого культа бетилов периодически устраивали процессии, — вероятно, весной и осенью, — обходили вокруг бетила, прикасаясь к нему, чтобы получить часть той силы, которая была заключена в нем. Два таких камня сохранились до сих пор в священной ограде мекканского храма: «черный камень» и «макам Ибрахим». «Не приходится говорить ни о семейном культе, ни о ларах, домашних божествах. Араб до хиджры признавал только общественные формы религии, редкие проявления которой вполне удовлетворяли его неглубокое религиозное чувство» (Ламменс). Бетилы часто встречаются парами (Исаф-Наила, Лат-Узза) — дуализм, которому ислам противопоставит свой строжайший монотеизм. Были бетилы, стоявшие постоянно на определенных местах, и передвижные. В последнем случае они сопутствовали племени и в сражении играли роль палладия; над ними воздвигали балдахин и

⁷ Здесь и далее полужирные цифры обозначают суры, а светлые — стихи Корана.

⁸ Полужирные цифры обозначают главы, светлые — стихи соответствующей книги Библии.

⁹ Менгиры — продолговатые неотесанные камни, поставленные вертикально.

перевозили их на верблюде, считавшемся по свидетельству тех же текстов, священным; вокруг этого балдахина прорицатели и в особенности пифии, сестры еврейских предсказательниц били в барабаны и выкрикивали заклятья в форме «садж» — «рифмованные фразы с размеренными ритмами, с резкими, стремительными ассонансами; поток сплетающихся в запутанный узор заклинаний» (Ламменс). Против этого «саджа», против этих бьющих в тамбурины женщин с развевающимися волосами выступит со всей строгостью ислам: Мухаммед осудит «садж» как язык демонический, он не разрешит ни священников, ни процессий, кроме паломничества, он ограничит свободу женщин.

Наряду с культом бетиллов существовал культ мертвых, в особенности предков. Никогда бедуин не проезжал мимо места погребения, не прибавив камня или ветви к той груде, которая уже покрывала могилу (не было большего несчастья, чем умереть вдали от своего племени). Этот обычай сохраняется и в наши дни. Обычно погребение умершего сопровождалось жертвоприношением. Приносили в жертву верблюда: подрезали ему сухожилия и оставляли погибать на могиле. От этого обычая Гассаниды не освободились даже после принятия христианства. Подобный факт может служить ярким свидетельством живучести пережитков язычества, особенно при халифах Омейядах, сомнительное правоверие которых подвергалось частым нападкам.

Верили ли бедуины в бессмертие души? По-видимому, религиозное чувство было значительно сильнее у южных арабов, чем у северных. И все же последние допускали, что смерть не влечет за собой немедленного отделения души от тела. Они представляли себе умершего «сладко спящим в своем сумрачном обиталище и обладающим еще в течение некоторого времени неким полусознанием... Своими песнопениями и пронзительными выкриками женщины как бы хотят удержать душу, стремящуюся скорее освободиться от своей смертной оболочки. Мужчины же обещают им не откладывать мести» (Ламменс).

Действительно, состояние войны было непрерывным в Аравии, и бедуины-язычники считали кровную месть (сар) своим религиозным долгом. Кровная месть играла значительную роль в «скромном комплексе понятий (дин

аль-араб), дававших пищу убогой религиозной и нравственной жизни арабов до хиджры». В кровной мести заключался жизненный принцип: она совершалась не для удовлетворения слепого инстинкта, а по велению религиозного чувства, для того чтобы возместить ущерб, понесенный семьей, основной единицей общества. Этому долгу, столь же непреложному, как дуэль нового времени, будет противопоставлено незадолго до признавшего его в конце концов ислама право выкупа за пролитую кровь (дия). Этот выкуп представляет собой в Коране лишь смягченную форму священного права — древнего возмездия семитов.

Таким образом, основу сознания доисламских бедуинов составлял дух рода или, точнее, религия семьи — чувство, порождавшее все тенденции, из которых возникло состояние джахилийи, что означает «грубость» и даже «дикость», в противоположность хилму, состоянию человека, руководствующегося разумом и моралью. Однако у бедуина-язычника было свое понятие морали, но в форме мурувва (*virtus*), включавшее в себя одновременно и смелость и великодушие: смелость — для защиты своего племени, великодушие — по отношению к врагу (за исключением кровной мести); широкое гостеприимство (угощение едой и вином), оказываемое тому, кто, попросив о нем, становится неприкосновенным; верность данному слову, что, впрочем, не мешало бедуинам быть неисправимыми должниками, как нам известно из некоторых их поэм. Однако голод часто толкал на жестокости этих «пожирателей ящериц и саранчи». Девочек, эти «лишние рты», зарывали живыми в землю (но разве не топили девочек на том же основании в Китае менее ста лет тому назад, несмотря на императорские указы?)

О джахилийи мы узнаем главным образом из поэзии. Да, именно эти кочевники и являлись основоположниками арабской литературы. В то время как диалекты юга исчезли без возврата, диалекты севера породили язык, ставший языком Корана, язык, которому суждено было сыграть во всех странах ислама ту же роль, какая на Западе принадлежала латыни. Этот арабский язык в процессе своего нормального развития проявился прежде всего в поэтических произведениях, которые в меру их правдивости дают нам сведения об общественной

жизни бедуинов. Кроме того, «именно поэты передали кочевникам домусульманского периода мудрые изречения, имевшие значение почти священных текстов и служившие им сводом морали и религиозных верований. У Мухаммеда были свои основания принижать значение поэтов. Ведь Коран будет стремиться занять место этих моралистов и теологов джахилии. Ему это удастся не без труда» (Ламменс). Впрочем, как мы увидим, Мухаммед будет опираться на горожан, а не на обитателей пустыни. Его проповедь единого бога, противопоставленная многобожию кочевников, будет звучать в городах. Нужно ли по этому поводу напоминать о формуле Ренана¹⁰ — «пустыня делает человека монотеистом», чтобы показать, что она совершенно неприложима к Аравии?

Иноземные влияния. Если в начале VII в. в пустыне еще и удерживалось язычество, то Тихама, район оседлым населением, подвергалась всесторонним внешним влияниям. На севере посредниками служили Лакмиды и Гассаниды. С давних пор в Йемене и особенно в Хиджазе обосновались христианские и еврейские общины. Самой значительной из христианских общин была община в Неджране, а евреи — купцы и особенно земледельцы — благоденствовали в Хейбаре и Ясрибе (будущей Медине). Те и другие приходили в соприкосновение с Меккой, городом, имевшим большое значение, так как он был построен вокруг источника воды, основного условия жизни в этом краю постоянных затяжных засух.

Кроме источника воды (колодец Земзем), в Мекке было еще и святилище — Кааба; через Мекку проходил важный караванный путь. Все это сделало ее местом больших языческих ярмарок, где собирались как горожане, так и бедуины в священный период, когда временно прекращались набеги и вражда. Другая большая ярмарка устраивалась в Указе: «пустынные места оживали во время ежегодного торжища, купцы раскидывали свои палатки, бедуины выступали со своими только что составленными поэтическими произведениями» (Лам-

¹⁰ Ренан, Эрнест (1823—1892) — французский востоковед и историк религий, сторонник и защитник расистской концепции о преимуществе «арийцев» над семитами.

менс). Значит, на этих ярмарках происходили поэтические состязания, как на больших олимпийских играх в древней Греции.

Ярмарка в Указе, как и в Мекке, была связана с культом бетила. Указ являлся торговым центром района, главным городом которого был Таиф. Этот город был расположен на возвышенности, у которой кончались караванные пути, шедшие от Персидского залива через Неджд. Но в экономическом отношении Таиф отставал от Мекки, имевшей то преимущество, что она была ближе к Сирии и к морю. Кроме того, в конце VI в. усилились войны между Ираном и Византией, противники ослабляли друг друга и тем самым невольно подготавливали торжество ислама. Этот кризис, закрывший для купцов дороги Передней Азии, ускорил упадок Пальмиры и Хиры. Именно тогда иранцы, с трудом сдерживаемые византийцами, искали для себя новых возможностей в Йемене, где им сулил большие выгоды захват транзитного торгового пути, шедшего с Дальнего Востока к Средиземноморью. Они повторяли, таким образом, политику Августа, стремясь расширить связи через Красное море, в то время как парфяне владели путем по Евфрату. Позднее, когда первые мусульманские завоеватели войдут в Месопотамию, положение, как мы увидим, сделается обратным, к невыгоде Аравии. Но она возьмет реванш при аббасидских халифах, когда из-за гражданских войн путь Евфрат — Сирия станет малопроездимым.

Итак, в начале VII в. мы видим полный расцвет рынков Западной Аравии, где находился узел дорог между Индией, Ираном, Вавилонией, Эфиопией, Сирией и Палестиной. Караваны перевозили самые разнообразные товары: кожи, драгоценные металлы, благовония из Аравии, золотой песок и слоновую кость из Африки, ткани, оружие, зерно и растительные масла из Сирии; шелка из Китая (не говоря уже о торговле черными рабами из Эфиопии). Даже женщины, например Хадиджа, первая жена Мухаммеда, вкладывали деньги в эту торговлю, приносившую богатство Хиджазу.

Не боясь повторений, скажем: проповедь Мухаммеда будет обращена к людям, давно порвавшим со своей дикой отгороженностью и испытывавшим на себе военные, политические, торговые и религиозные влияния. Следует

остановиться на религиозных влияниях, чтобы лучше понять пути возникновения ислама. Несомненно, «Мекка была центром объединения финансистов и дельцов; все они, будучи курейшитами, были искусны в счете и ведении дел» (Вельхаузен). Сам Мухаммед начнет с торговли, которая оставила заметные следы в языке Корана. Но наряду с курейшитами торговлей занимались евреи и христиане. Каково же было их положение в Хиджазе?

Евреи и христиане. Социальная сплоченность представляется значительно более крепкой у евреев, нежели у христиан. Христиане принадлежали к различным церквям, соперничество между которыми ослабляло их и подготавливало благоприятную почву для мусульманского завоевания. Это — несторианские церкви Ирана и Эфиопии¹¹, церковь Армении, церковь Египта, раздираемая расколом. К тому же христиане Мекки — мелкий люд: искатели приключений, старьевщики, виноторговцы, чернорабочие. Жили они в дальних кварталах города, в то время как дома старых семей были сосредоточены вокруг храма; словом, христиане были одиночками, неспособными образовать подлинную общину.

Евреи же, наоборот, производят впечатление организованной силы, постоянного объединения, совершенно отличного от разбросанности христиан. У них не было разнобоя в религии, их религиозная иерархия и культ были строго регламентированы. В Мекке они жили тоже в предместьях, но имели земельные владения и капиталы в Ясрибе. Когда Мухаммед уйдет из Мекки в Ясриб, недоброжелательное отношение арабов этого города к еврейской плутократии, возможно, найдет свое выражение в приеме, который он там встретит. Более того, — и об этом следует сказать уже здесь, — развитие его учения несло на себе отпечаток такого положения вещей: пока он жил в Мекке, иудейско-христианские легенды, вошедшие впоследствии в Коран, набросаны лишь слабыми штрихами. В Медине же, где он пришел в соприкосновение с могущественной еврейской общиной, этих легенд в ходе божественного откровения ему становится все больше. Именно тогда Мухаммед сделал Авраама (отец Исаиила, прародителя северных арабов)

¹¹ Эфиопы были и до сих пор остаются монофизитами.

основателем Каабы и учредителем паломничества в Мекку. Это основная идея, одна из тех, которые породили ислам, так как она установила подлинную независимость новой религии по отношению к язычеству и иудаизму.

В Коране Авраам фигурирует несколько раз, снабженный определением «ханиф» (например 3, 89; 6, 79, 162). Этим словом, взятым из эпохи, предшествовавшей Мухаммеду, видимо, обозначали людей, которые, не исповедуя ни христианства, ни иудаизма, стремились к религии более свободной от догматов и обрядов, к высшему единобожию. Мухаммед не проводит четкого различия между иудаизмом и христианством; он относится с уважением к обеим этим религиям, обладающим богооткровенными книгами. Позднее он открыто отбросит и то и другое вероучения, чтобы прийти к единобожию, основной, изначальной религии, по отношению к которой все другие религии являются лишь ее видоизменениями. В единобожии нашли свое окончательное выражение религиозные мечтания таинственных ханифов, если действительно следует считать их предшественниками Мухаммеда ¹².

Мухаммед. Детство и юность. В весьма оживленной и пестрой обстановке в Мекке, где лихорадка торговли и банков не могла заглушить смутных грез религиозных людей, родился Мухаммед. Событие это произошло между 570 и 580 гг. (примерная датировка его рождения, признанная традицией). Его биографии основаны на смутных намеках, разбросанных в Коране, и на сире — компилятивном труде, начатом арабскими историками, в конце VII в. Можно сказать, что легендарная сира частично изменила личность Мухаммеда: хотя пророк не раз заявлял, что он — самый обыкновенный человек, сира ввела в его биографию элементы сверхъестественного, так что ее можно сравнить с биографиями Моисея и Иисуса. Таким образом, Мухаммед стал образцом совершенства, несмотря на свои слабости, которые он сам признавал раньше всех. Несколько лет тому назад востоковеды приступили к критическому рассмотрению сире. Вот в основном то, о чем в ней говорится.

¹² Учение ханифов, несомненно, предшествовало исламу и оказало влияние на него. Доказательством могут служить некоторые мекканские, так называемые рахманские, суры Корана.

Детство Мухаммеда не было счастливым: он совсем не знал своего отца Абдаллаха; шести лет он лишился матери Амины, затем спустя года три-четыре умер его дед Абд аль-Мутталиб. Тогда его взял к себе дядя Абу Талиб. Семья Мухаммеда принадлежала к аристократии Мекки, к племени курейш, делившемуся на десять родов. Происхождение этого племени совершенно неизвестно. По преданию, более или менее близкому к легенде, Мекка была первоначально занята племенем джурхум, а во время переселения южных племен племя хузаа остановилось на территории Мекки и через несколько лет вытеснило джурхумитов. Тогда-то и появились курейшиты — полупастухи, полуразбойники, кочевавшие в окрестностях Мекки и промышлявшие тем, что сдавали в наем своих верблюдов и сопровождали караваны.

Один из них — Кусай — собрал воедино раздробленные части своего племени и прочно утвердился в городе. Он восстановил там культ, который при его предшественниках пришел в упадок, провозгласил настоящую конституцию, установил постоянное местопребывание правительства в здании (дар ан-надва — дом собрания), построенном по соседству с храмом. Востоковед Каэтани¹³ справедливо сравнивает роль Кусая с ролью Тезея или Ромула. Он осуществлял функции, которые стали привилегией курейшитов и основой их богатства — руководство паломниками и питание их, хранение военного знамени, командование экспедициями. Его старшего сына Абд ад-Дара сменил младший, Абд Манаф. У Абд Шамса, старшего из четырех сыновей Абд Манафа, родился сын Омейя, родоначальник халифов Омейядов; второй сын, Хашим, был прадедом пророка.

Таковы основные факты, которые можно извлечь из всей массы легенд и преданий. Итак, по своей родословной Мухаммед был связан с основателем города. Несмотря на столь знатное происхождение, он в молодости

¹³ Каэтани, Леоне (1869—1935) — итальянский исламовед, автор «Очерков восточной истории» и «Летописей ислама». Он разработал теорию последовательных эмиграций (выселений) семитских народов из Аравии вследствие изменения климатических условий в ней. Последнюю волну семитских эмиграций представляли, по его мнению, арабы, выселившиеся со своего родного полуострова под знаменем ислама.

вел трудовую жизнь, на что есть намек в Коране: «Не сиротой ли он (аллах) нашел тебя и приютил. Не блуждающим ли он нашел тебя и на прямой путь поставил. Он нашел тебя бедным и обогатил» (93, 5—7).

Потомки Хашима были бедными, и в Мекке господствовали потомки Омейи. После долгих лет, в течение которых он, по всей вероятности, сопровождал караваны, Мухаммед, быть может, благодаря доброй славе, которую заслужил, поступил в услужение к вдове (или разведенной жене) Хадидже, которая управляла торговой фирмой. Совершая путешествия по поручению Хадиджи, он встретился в Сирии с одним христианским монахом. Существует немало мусульманских преданий о беседах Мухаммеда с монахами (Сергием, Бахирой, Нестором). В этих легендах мусульмане стремились показать, что христиане рано разгадали пророческую сущность Мухаммеда. Однако в Коране бесспорно более четко проступает еврейское, чем христианское, влияние.

Однако, не принимая сказания слепо в том виде, в каком оно передано арабскими историками, следует указать на странные соответствия, недавно установленные Тором Андре: многие места Корана напоминают древнесирийские религиозные тексты; более того, эсхатологические стихи Корана, которые относятся к наиболее древним, странно похожи на некоторые места из проповедей святого Ефрема, знаменитого деятеля восточно-христианской церкви — по горячей страстности их сравнивали с проповедями Иеремии (см. Gaudefroy Demombynes, *Revue de l'histoire des religions*, 1927). С другой стороны, к влиянию сабиев, о которых говорится в Коране, надо прибавить возможность влияния самаритян (см. EI, art. «Samaritains») ¹⁴.

Следовательно, нет ничего невозможного в том, что беседы Мухаммеда с каким-либо монахом заставили его задуматься над тайной потустороннего мира. Но это откровение было задержано женитьбой 25-летнего Му-

¹⁴ «Энциклопедия ислама» («Encyclopédie de l'islam») — специализированное издание, содержащее сведения по географии, истории, литературе и религиям стран распространения ислама и народов, исповедующих эту религию (Лейден, 1908—1934, т. I—IV и дополнительный). Издавалась параллельно на немецком, английском и французском языках. В 1954 г. начало выходить второе издание отдельными выпусками. К 1961 г. вышел I том (далее—EI).

хаммеда на Хадидже, которая была намного старше его. Это событие было значительным во многих отношениях: когда Мухаммед будет потрясен своими первыми откровениями, Хадиджа окажет ему доверие; деньги Хадиджи поддержат его в начале борьбы. Поэтому можно сказать, что на первом этапе ислама влияние Хадиджи было решающим. Наконец, от Хадиджи родилось единственное дитя Мухаммеда, продолжательница его рода, болезненная и меланхолическая Фатима, которая как жена Али стала родоначальницей бесчисленных потомков пророка (хасанидских шерифов и хусейнидских сейидов). Пока была жива Хадиджа, Мухаммед не брал другой жены — доказательство авторитета, каким она у него пользовалась.

Мухаммед. Откровение и первые пророчества. Семейное счастье не отвлекало Мухаммеда от его религиозных занятий. Неизвестно, как часто он предавался этим занятиям в Мекке и во время поездок по торговым делам. Если верить преданию, то он постоянно удалялся в пещеру в окрестностях Мекки. Такое обыкновение возникло у него или стихийно, или под влиянием отшельников. Как бы то ни было, после нескольких лет душевного смятения Мухаммед услышал голос, который он принял сначала за голос злого духа. Но этот голос становился все отчетливее, и Мухаммед, поддерживаемый Хадиджей, мало-помалу успокоился.

Какой же характер имели эти первые откровения? Можно составить себе представление о них по самым древним и в то же время самым прекрасным сурам Корана. Читая некоторые стихи, представляешь себе, что они были написаны ночью (особенно суры 73 и 74). В этих текстах Мухаммед не является посланником аллаха в полном смысле слова: бог избрал его хранителем своих наставлений; Мухаммед получает их только при посредстве духа, в котором он видит сначала ангела Исрафила, а затем — архангела Гавриила (Коран, 53, 9—11; 81, 19—21). Только позднее Мухаммед становится в Коране «предостерегателем» (мунзир) и «посланником» (расуль).

Из другого стиха явствует, что Мухаммед не спешил сообщать своим близким о ниспосланных ему откровениях (Коран, 10, 17). Наконец, он решился проповедовать, следуя велению, полученному им свыше (Коран,

96). Выступая против языческого многобожия, он провозглашал единого бога. Кроме того, своим современникам, возлюбившим земные блага, он предсказывал воскресение из мертвых, за которым последует страшное наказание (Коран, 96, 8; 102; 92, 14—18).

Представление об этом наказании остается неясным; то ли это конец света (со временем он станет не таким неизбежным), то ли катастрофа, подобная той, которая уничтожила легендарные народы арабской или еврейской древности. Что же нужно для того, чтобы обеспечить себе спасение? «Им заповедано было поклоняться только богу, служа ему искренно и усердно, совершать молитву, давать очистительную милостыню» (Коран, 98, 4); «Кто щедр и богобоязлив,... тому откроем легкий путь к легкому» (92, 5—7). Вечное блаженство очень сдержанно описано в Коране (88), в противоположность мукам, ожидающим отверженных.

Это пророчество с социалистическими тенденциями должно было воспротивиться против Мухаммеда не только богатых купцов Мекки, но и многочисленный персонал, состоявший при Каабе и живший за счет жертвоприношений и паломников. К тому же Мухаммед облачал свои мысли в короткие фразы с прерывистым ритмом, отмеченные ассонансами. Такие стихи в какой-то, хоть и не полной мере, напоминали садж языческих прорицателей, и современники не замедлили отождествить его с ними. Ответом на эти обвинения были многие стихи Корана (напр., 81, 22 и 69, 41).

Первым после Хадиджи уверовал в Мухаммеда, как гласит предание, его двоюродный брат Али, сын Абу Талиба. Но молодость Али умаляла ценность его обращения. Гораздо большую роль сыграло обращение Абу Бекра, именитого купца, питавшего к Мухаммеду привязанность, которую ничто не могло поколебать. К тому же пророк обрел очень надежную опору в своем приемном сыне Зейде (его имя, превращенное Вольтером в «сеид», вошло во французский язык). Но кроме членов своей семьи, Мухаммед собрал вокруг себя лишь мелких людей, веру которых могло поколебать враждебное отношение курейшитов. Эти обездоленные новообращенные, по совету Мухаммеда, эмигрировали в Эфиопию, где негус разрешил им поселиться до наступления лучших дней. Внезапное обращение Омара, энергичного че-

ловека, оказавшего впоследствии большое влияние на судьбы ислама, не помешало окончательному расколу между партией курейшитов и сторонниками нового учения. В довершение несчастий умерли Хадиджа и Абу Талиб. Мухаммед, покинутый своей семьей и своим племенем (что было еще хуже), попытался найти поддержку в Таифе, но был изгнан оттуда. Только благодаря заступничеству одного курейшита он получил возможность вернуться в Мекку.

Хиджра. Как раз в то время он встретил купцов из Ясриба (Медины). Сами того не сознавая, они уже были подготовлены своими тесными связями с евреями к восприятию единобожия, а их враждебное отношение к жителям Мекки заставило их поддержать Мухаммеда. Между 610 и 620 гг. несколько жителей Медины, будущие ансары («помощники»), встретились с Мухаммедом в уединенном месте и принесли ему клятву верности. Так Мухаммед стал вождем партии, одновременно религиозной и политической. Предание приписывает Аббасу, дяде Мухаммеда и родоначальнику аббасидских халифов, ведущую роль в этой встрече. Затем клятва была повторена. Мухаммед, полагавшийся на честность мединцев, отправил вслед за ними нескольких своих учеников, остававшихся с ним в Мекке. Сам он переселился последним, и его отъезд был менее трагическим, чем принято думать. Этот день, точнее эта ночь, дата которой — 26 июля 622 г. — была установлена позднее, стала началом мусульманской эры. Это — хиджра — «переселение», а не «бегство». Мекканские верующие, отправившиеся в Медину раньше Мухаммеда, стали мухаджирами («переселенцами»). Для Мухаммеда период страданий закончился.

Мухаммед в Медине. До сих пор Мухаммед и его приверженцы придерживались оборонительной тактики. Но скоро началось наступление. «Войте с теми, которые не веруют в бога... дотоле, покуда они не будут давать выкупа за свою жизнь, обессиленные, уничтоженные» (9, 29). Таков стих Корана, вскрывающий почти в такой же мере экономический, как и религиозный характер войны, которой в недалеком будущем предстояло вспыхнуть между Меккой и Мединой.

Но первоочередная задача заключалась в необходимости объединить все разнородные элементы мединско-

го населения: местных жителей — арабов и евреев, мухаджиров из Мекки, мединских ансаров. Два основных племени Медины — аус и хазрадж — разделяло старое соперничество. Политический ум Мухаммеда, столь же яркий, как и его религиозный дух, проявился в драгоценном (так как его считают подлинным) документе — уставе мусульманской общины. В нем заявляется, что отныне мухаджиры и ансары составляют единую общину, что в эту общину входят также евреи и язычники, сохраняющие при этом свою религию.

Таким образом, в Медине не стало отдельных родов, исчезли противоречивые интересы, взамен образовался единый народ, готовый защищать свой город и обращаться со всеми спорными вопросами к аллаху и его посланнику Мухаммеду. Нет нужды подчеркивать значение этого акта, основанного на древних обрядах братимства и сливавшего в одно нераздельное целое переселенцев из Мекки и жителей Медины, мусульман и немусульман. «Мухаммед был, вероятно, первым из своих соотечественников, выказавшим стремление основать религиозное братство не на узах крови, но он не смог использовать все возможности, которые несет в себе этот принцип. Концепция ислама как мировой религии возникает лишь во времена халифата» (Ламменс).

Предотвратив таким образом надвинувшуюся было опасность этнической розни, Мухаммед мог продолжать свой труд создателя законов религии. Нужно было, с одной стороны, искоренить по мере возможности языческие обычаи (мы увидим, что Мухаммед был вынужден сохранить многие из них, главным образом для паломников); с другой стороны, он должен был выработать ритуал новой религии. Так шаг за шагом были установлены правила совершения омовений, призыва к молитве, молитвы, поста. Первая мечеть была построена вскоре после прибытия Мухаммеда в Медину.

Но все эти решения, которыми он утверждал свою власть, не замедлили восстановить против него евреев, боявшихся лишиться своего финансового превосходства. По правде говоря, их вражда не выражалась открыто. Поэтому Коран называет их «лицемерами». Мухаммед, желая играть роль посредника между столь различными элементами мединского населения, пытался сначала привлечь к себе евреев. Его сношения с ними дали ему

возможность ознакомиться с Ветхим заветом, и, действительно, в частях Корана, относящихся к тому времени, заметно отражение этого. Мы уже видели, как искусно он присоединил к исламу праотца Авраама. Но как раз в стихах Корана, воспроизводящих сказания Ветхого завета, встречаются ошибки. Евреи в полном сознании своего превосходства, уверенные в том, что дар пророчества остается привилегией Израиля, высмеивали эти ошибки. Кроме того, они пытались разжечь вражду между местными племенами. Это была серьезная угроза авторитету Мухаммеда. Он порвал с евреями, считая их своими врагами, и стал ждать возможности нанести им удар (ср. Коран, 5, 82—85).

Явным признаком этого разрыва было изменение направления лица молящегося: со времени хиджры Мухаммед придерживался еврейского обычая, и мусульмане молились, обратив лицо в сторону Иерусалима; но через 16—17 месяцев после хиджры Мухаммед, почитая Авраама как основателя Каабы, отказался от Иерусалима в пользу Мекки. Старая арабская традиция одержала, таким образом, верх над преходящим влиянием иудаизма. Это изменение направления лица молящегося соответствовало изменению политики Мухаммеда, и ему уделено значительное внимание в Коране (2, 136 и след).

Итак, со 2-го года хиджры Кааба стала жизненным центром ислама. Идея, которую мы уже отмечали как основную, позволяла Мухаммеду указать верующим-мусульманам точную цель — Мекку. Он побуждал их к захвату религиозной столицы, а заодно и к установлению гегемонии в торговле, которую оспаривали у них курейшиты. Так начался период набегов, почти ничем не отличавшихся от столкновений языческих времен. «Пророк! Поощряй верующих к битве: если будет у вас двадцать человек стойких, они победят двести...» (Коран, 8, 66). Это — явный намек на недостаток храбрости у жителей Мекки: они прибегали к помощи эфиопских наемников, более дисциплинированных, чем бедуины.

Наиболее уязвимым пунктом у мекканцев были их караваны. И Мухаммед задался целью парализовать мекканскую торговлю — совершенно так же, как несколькими столетиями позднее производили нападения вар-

варийские корсары¹⁵. После нескольких неудачных попыток люди Мухаммеда разграбили караван в один из священных месяцев. Такое нарушение мира в священные месяцы взволновало всю Медину. Но божественное откровение оправдало совершивших нападение: «...война во время него (священного месяца) — великий грех, но уклоняться от пути бога, не веровать в него и в запретную мечеть, изгонять из нее посещающих ее — еще больший грех перед богом» (Коран, 2, 214). Перипетии борьбы позволили Мухаммеду, используя соответствующие откровения, установить основные законоположения: раздел земель, военной добычи, имущества умерших, условия, которые ставятся побежденным.

Подробное описание его походов, в большинстве случаев приводивших к небольшим стычкам, было бы утомительным. Однако некоторые его военные предприятия имели серьезные последствия, и о них следует упомянуть.

Во 2-м году хиджры, в середине месяца рамадана, Мухаммед одержал над мекканцами победу при Бедре, источнике пресной воды и рыночном пункте, расположенном в том месте, где дорога в Медину соединялась с главным караванным путем. Узнав, что большой караван направляется из Мекки в Сирию и что караван ведет Абу Суфьян, именитый купец и глава партии, враждебной мусульманам, Мухаммед решил остановить караван. Мекканцы, разгадав его намерения, выслали для защиты каравана наспех собранные соединения, но те обратились в бегство, ставшее причиной поражения и истребления беглецов. Мухаммед вместе с Абу Бекром оставался в безопасном месте. Он впервые должен был разделить добычу между победителями и сделал это при помощи откровения (Коран, 8, 42).

Мекканцы в течение следующего года готовились к реваншу: им нужно было не только отомстить за унижение, но и расчистить путь для караванов. Они стали лагерем у горы Оход и, совершая набеги на посеы, вынудили мединцев выйти из города. Сначала перевес был на

¹⁵ Варварийские корсары — североафриканские пираты, нападавшие на европейские торговые корабли в Средиземном море, а иногда совершавшие набеги с моря на побережья Испании, Франции, Италии и даже Англии в XVI—XVIII вв.

стороне мединцев, но курейшит Халид, будущий крупный деятель мусульманских завоеваний, обратил их вспять. Мухаммед оказался в кольце и был ранен. Однако курейшиты прекратили преследование у стен Медины. Они не посмели напасть на город, и их победа не была закреплена.

Мухаммед, желая сразу положить конец унынию, охватившему его людей, нашел в себе силы продолжать походы. Кроме того, Коран поднял дух нерешительных (3, 137 и сл.). При возвращении из одного похода Аиша, любимая жена Мухаммеда, дочь Абу Бекра, отставшая от колонны и затем приведенная одним молодым мусульманином, дала пищу злословию. После колебания, длившегося несколько дней, Мухаммед посредством откровения доказал невиновность своей молодой жены (24, 11). Али, мнение которого он хотел узнать, высказался за развод, что навлекло на него, как мы увидим далее, неутолимую ненависть Аиши. Еще одно откровение (33, 37) позволило пророку сочетаться браком с Зейнаб, с которой его верный Зейд поспешил ради этого развестись.

В 5-м году хиджры над мусульманами нависла новая опасность. После разрыва с евреями Мухаммед постепенно вытеснил их из Медины. Найдя приют в Хейбаре, они убедили своих единоверцев создать в союзе с мекканцами и другими племенами коалицию против Мухаммеда. Абу Суфьян принял на себя командование сильным войском, в которое входили отличные воины — наемники из Эфиопии (ахабиш). Мусульманам нечего было и думать о сражении с ними. Тогда мусульмане решили построить крепость: вокруг Медины был вырыт ров (предание приписывает инициативу его создания Сальману, одному иранцу, обращенному в ислам). Не ожидавшее этого войско коалиции окружило город. Но недели через три недостаток продовольствия и раздоры (быть может, результат искусной дипломатии Мухаммеда) заставили их снять осаду. Мухаммед окончательно одержал верх. И он понял это: считая ненужным ускорять ход событий и вести прямую войну с мекканцами, он все же поддерживал боевую готовность своих людей постоянными набегами. Затем на 6-м году он принял серьезное решение: отправиться в Мекку, используя для этого священные месяцы. Неподалеку от этого города

он остановился в пункте, называемом Худейбия. С той и другой стороны были высланы представители и было заключено соглашение. Во исполнение его курейшиты в следующем году на три дня покинут Мекку, и Мухаммед войдет в нее со своими верующими. Таким образом, внешне он как будто уступил своим противникам, но в действительности он вел с ними переговоры, как равный с равными. Это было большим дипломатическим успехом, хотя мусульмане, вернувшиеся в Медину, не посетив Каабы, были разочарованы.

Обеспечив себе спокойствие со стороны курейшитов, Мухаммед решил покончить с евреями. Он уже расправился с евреями в Медине, воспользовавшись рознью между их племенами. Но сильная позиция Хейбара по-прежнему угрожала Медине. Потребовался целый месяц, чтобы уничтожить небольшие форты, которые окружали Хейбар. Это упорное сопротивление повлекло за собой жестокую кару: евреи лишились права собственности на свои земли, и до самого их изгнания из Аравии халифом Омаром они были лишь арендаторами у победителей. Предание гласит, что одна еврейка попыталась отравить Пророка, вследствие чего его здоровье было расшатано на долгие годы. Но возникает вопрос, не было ли вызвано это периодически повторявшееся нездоровье малярией, часто наблюдавшейся в Хейбаре и Медине.

Худейбийское соглашение запрещало мусульманам нападать на мекканские караваны. Поэтому мединцы стали искать удачи в районах, прилегающих к Сирии. Была организована настоящая экспедиция. На этот раз речь шла о нападении на арабские племена Заиорданья, подчинявшиеся Византии. Дал ли Мухаммед этот приказ по доброй воле? Было ли у него желание искушать судьбу, перейдя естественные границы Аравии? Во всяком случае ни он, ни самые близкие его сподвижники не приняли участия в этой экспедиции, закончившейся неудачей. При Муте, близ Мертвого моря, войско Зейда было разбито наголову, сам он был убит; Халиду удалось привести в Медину остатки этого войска.

Это поражение, происшедшее вдали от Медины, не поколебало авторитета Мухаммеда. Уже некоторое время он вел переговоры с Абу Суфьяном, «совершенным образцом либерализма, политической системы, приня-

той впоследствии династией Омейядов» (Ламменс). Мухаммед даже женился на дочери Абу Суфьяна. Эта женитьба, по всей вероятности, была совершена с политической целью, как и другие заключенные Мухаммедом браки, например с Хафсой, дочерью Омара, или Аишей, дочерью Абу Бекра. Абу Суфьян, явившийся в Медину под предлогом возобновления Худейбийского соглашения, обещал своему зятю подготовить капитуляцию Мекки. Впрочем, после похода, успеху которого помешал ров вокруг Медины, Абу Суфьян удалился от дел, а брак его дочери с Пророком связывал ему руки. Поэтому, воспользовавшись распрей между племенами, Мухаммед двинулся на Мекку и вступил в нее без боя в 630 г. Он обещал даровать амнистию мекканцам и, возможно, заверил их, что не поселится в Мекке. Став господином Каабы, он, по прошествии двух недель, отправился обратно в Медину.

Сдача Мекки не помешала бедуинам образовать через некоторое время мощную коалицию. Тогда жители Медины и Мекки впервые объединились против общего врага. Но одно внезапное ночное нападение внесло смятение в их ряды, и если бы не поддержка Аббаса, который уже несколько раз помогал Мухаммеду, этот день стал бы роковым для мусульман. Подчинение бедуинов повлекло за собой покорение жителей Таифа и ряда племен. Будучи чисто политическим, такое подчинение не всегда совпадало с обращением покоренных в веру победителя. «Арабы говорят: мы веруем. Скажи: вы не уверовали, а говорите: мы приняли ислам; вера еще не вошла в сердца ваши» (Коран, 49, 14). Кроме того, Пророк должен был в то время выступать в качестве посредника между мекканцами и ансарами, завидовавшими друг другу, что могло быть началом длительной неприязни.

В 631 г. во главе сильного войска Мухаммед двинулся по направлению к Сирии, быть может, с намерением отомстить за убитых при Муте. Но он не пошел дальше Тебука, расположенного у границы с Византией и ограничился несколькими набегами на побережье Красного моря. Историки назвали этот 9-й год хиджры «годом посольств»: посольства к Мухаммеду посылались племенами, подчинявшимися мусульманам. Мощь Мухаммеда укреплялась с каждым днем.

В 10-й год хиджры (632) Мухаммед совершил свое первое и единственное паломничество в Мекку. В самом деле, до того он довольствовался частичным паломничеством (умра), совершаемым не в то время, которое предназначается для хаджа — паломничества в полном значении этого слова. Предпринимая хадж, он выслал впереди себя своего представителя, может быть для того, чтобы не возглавлять группы паломников, из которой он пока еще не мог исключить язычников. О таком исключении было объявлено в 632 г. в одном стихе Корана (9, 28), который в то же время успокаивал мусульман относительно тех экономических последствий, какие это исключение могло повлечь.

Это паломничество Пророка получило название «прощального». Мухаммед вернулся в Медину. Он чувствовал себя очень утомленным, и усталость все возрастала. Через три месяца он умер от плеврита (8 июня 632 г.).

Невозможно вынести суждение о таком человеке в нескольких строках. Если взять весь его жизненный путь в целом, мы увидим нервную и мятежную натуру, душу, всегда охваченную загадочным смятением. Затем его концепции кристаллизуются вокруг единого бога и реальности загробной жизни — верований, которые он благодаря своей чистосердечной набожности, дивному дару красноречия и упорству внушил в конце концов всем, кто окружал его. Впоследствии к дару пророчества присоединились его таланты государственного деятеля — дипломата и воина. Мухаммед не был революционером. Наоборот, «он предпочитал вести переговоры, преобразовывать, приспособлять и в конечном счете присоединять» (Ламменс). Он умел выжидать благоприятный случай и мог бы сказать: «Время и я». Конечно, когда он умирал, ислам не охватывал еще всей Аравии, но был прочно утверждён в Хиджазе. Благодаря религиозному и политическому гению Мухаммеда, способному объединять людей, арабы, познав самих себя, вышли из состояния невежества и анархии и были готовы к тому, чтобы решительно занять свое место в истории цивилизации.

АРАБСКОЕ ГОСПОДСТВО

Первые четыре халифа. Пророк не оставил наследника мужского пола. Его сыновья умирали в детском возрасте; только одна из его дочерей, Фатима, жена Али, дала ему двух отпрысков — Хасана и Хусейна. Вокруг вопроса о наследнике Мухаммеда возник острый политический кризис — мединцы и мекканцы боролись за первенство. Образовалось много партий. Но Омар укротил все страсти, принес присягу Абу Бекру и привлек на его сторону большинство. Таким образом была устранена опасность раскола. Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда, одним из первых принявший его учение, мог бы использовать свои преимущества. Однако он проявил нерешительность, погубившую его впоследствии, и не сумел организовать своих сторонников. Но ведь и у Абу Бекра были немалые заслуги: он доказал свою верность Пророку, оставшись при нем во время эмиграции мусульман в Эфиопию, был его спутником во время хиджры (ср. 9, 40: «Они были только вдвоем»); его дочь Аиша стала женой Мухаммеда. В военных походах Абу Бекр, несмотря на свой миролюбивый характер, всегда был рядом с Пророком. Последний доверял ему важные дела: сначала — сопровождать в Мекку первых паломников-мусульман в 9-м году хиджры (631), затем, когда он был уже смертельно болен, — руководить вместо него молитвой. Последнее обстоятельство особенно способствовало тому, что Абу Бекр стал халифом. К тому же возникает вопрос: не рассчитывал ли Омар править за спиной уступчивого старика?

В халифате Абу Бекра, в действительности, правил триумвират: Абу Бекр, Омар и Абу Убейда (сподвиж-

ник Пророка и испытанный воин). Положение было критическим: над основанной лишь на личном авторитете Мухаммеда, только рождавшейся империей нависла угроза распада: одни бедуины решительно отвергали ислам, другие отказывались платить налог или держались весьма подозрительно. Перед триумvirатом стояла двойная задача: с одной стороны, в области внешней политики следовало продолжать набеги на пограничные районы Сирии, что должно было подготовить не только завоевание этой страны, но и исламизацию арабских племен, задолго до Мухаммеда живших на византийской территории и игравших роль невольных пособников иностранного проникновения в Аравию: с другой стороны, внутри необходимо было вести дипломатические переговоры с ненадежными племенами и осуществлять карательные операции против отступников и разбойников.

Кроме того, как это бывает после смерти крупного проповедника, в различных пунктах Аравии появились лжепророки и даже одна пророчица. Один из таких пророков оказал яростное сопротивление в Йемене, завоевание которой, стоившее немалых усилий, открыло путь в область Бахрейна, подчиненную Ирану. Заняв военной силой Бахрейн, арабы пришли в непосредственное соприкосновение с иранцами в районе Евфрата. Была умиротворена и Южная Аравия (Оман, Хадрамаут).

Итак, за два года халифата Абу Бекра (632—634) ислам стабилизировался в Аравии и началось завоевание Сирии и Ирака.

Абу Бекр совершенно определенно указал на Омара, как на своего преемника, чего, впрочем, и ждали мусульмане. Десятилетнее правление Омара было для ислама периодом победоносной экспансии и прочной организации. Когда он умер (в 644 г.), Ирак, Сирия, Египет и Киренаика были завоеваны и управлялись арабскими наместниками. Если Мухаммед был вдохновенным законодателем и основоположником национального и религиозного единства, то Омар осуществил экспансию ислама. Столь же простой и суровый, как Мухаммед и Абу Бекр, он и после своих блистательных побед оставался таким же, напоминая некоторых императоров-воинов древнего Рима. Соединяя в себе черты завоевателя и правителя, он обладал не только энер-

гией, но и умением использовать обстоятельства, людей и их религиозный энтузиазм. «Его основной, неоспоримой заслугой было то, что он не дал одержать верх сепаратистам; он сумел подготовить установление более прочного государственного порядка при Омейядах» (Ламменс). И ему же следует приписать в основном организацию сил, точнее, освоение завоеванных стран. Во время его правления была введена по совету Али датировка корреспонденции по хиджре (счет был начат с 17 или 18-го года).

Завоевание Сирии было облегчено тем, что Византия, истощенная войной с Ираном, была вынуждена отменить кредиты, необходимые для вербовки наемников в сирийские пограничные войска. Война шла два года (634—636) без перевеса на чьей-либо стороне. Затем византийцы были разбиты в сражении на Ярмуке. Сирия была навсегда потеряна ими. Несколько городов еще продолжали бесполезное сопротивление; последний из них капитулировал в 640 г.

Победа на Ярмуке открыла арабам путь в древнее Лахмидское царство, находившееся на иранской территории. Так началось завоевание Ирана. И здесь опять основным условием успеха арабов была рознь в стане противника. Страна была ослаблена политической и религиозной нетерпимостью старой династии Сасанидов, истощена годами длившейся войной с Византией, кавказские хазары и тюрки из Бактрии постоянно нападали на нее.

Первая победа при Кадисии (637 г.) отдала под власть арабов Халдею и Ассирию¹ — семитские провинции Иранской империи. Но арабы на этом не остановились; вторгшись в пределы собственно Ирана, они одержали при Нехавенде в 642 г. вторую решающую победу. После этого окончательное завоевание Ирана было лишь вопросом времени. Под игом арабских правителей Иран все же не отказался от своих национальных особенностей, доказав свою жизнеспособность на всем протяжении истории. Но своего политического возрождения ему пришлось ожидать четыреста лет. Толь-

¹ Бактрия — область в древней Средней Азии, расположенная к северу от Гиндукуша и по среднему течению Аму-Дарьи. Халдея и Ассирия — Южное и Северное Двуречье.

ко тогда появятся в Иране местные династии, которые, сменив утомленных арабов, будут защищать подступы к империи халифов от набегов тюрок — новый эпизод в вековой борьбе Ирана и Турана².

В год битвы при Нехавенде арабы, захватив район Мосула, дошли до столицы Армении и разграбили ее.

Омар поручил управление Сирией омейяду Муавии, сыну влиятельного Абу Суфьяна. Это назначение было началом карьеры Муавии, будущего основателя династии. Муавия предложил создать флот, — все необходимое для этого легко могли поставить прибрежные города Сирии. Халиф Омар отверг это новшество, и только при его преемнике Муавия смог снарядить военные корабли. Его флот в течение ряда лет не давал покоя византийцам, крейсируя по Эгейскому морю.

Раньше высказывалось мнение, что назначение Муавии послужило косвенной причиной завоевания Египта: главнокомандующий сирийской армией Амр, недовольный тем, что Муавия сменил его, в 640 г. внезапно двинулся на Египет во главе своих войск, несмотря на запрещение халифа. В действительности же арабы и здесь спешили использовать анархию, царившую у их соседей. Египет раздирали религиозная борьба, его раздражали придирчивость и мелочность византийских правителей, проводивших ту же политику, что и Сасаниды в Иране. Амр, захватив Пелусиум, подождал подкреплений, а затем одержал победу при Гелиополисе, которая открыла ему доступ в предместья и крепость Вавилона (Старого Каира). Долина Нила подпала под владычество арабов. После отчаянного сопротивления в 642 г. капитулировала Александрия. Спустя четыре года византийцы неожиданно ворвались в нее³, но арабы приступом вторично взяли город (сожжение библиотеки по приказу Омара следует считать легендой). Египет был окончательно завоеван. В то же время Амр занял Киренаику.

² Туран — неопределенное и расплывчатое название, применявшееся к территориям в Центральной и Средней Азии, населенным тюркскими племенами и народностями; обычно противопоставлялся названию и понятию Иран.

³ Византийские корабли ворвались в гавань Александрии, и высаженный с них десант вытеснил арабский гарнизон из города.

В 644 г. Омар был убит одним иранцем-христианином. Перед смертью этот халиф успел назначить шесть человек, которые должны были решить вопрос о его преемнике. Али, зять пророка, был отвергнут из-за его непримиримости и прямолинейности: он хотел восстановить ислам в том виде, в каком он существовал при Мухаммеде, не считаясь с происшедшими с тех пор изменениями. Поэтому выбор остановился на другом зяте пророка омейяде Османе, человеке пожилom и не обладавшем энергией, менее всего способном продолжать дело Омара.

Однако толчок, данный Омаром, был настолько силен, что завоевания систематически продолжались: набеги в Малой Азии и на острова Эгейского моря, постепенный захват Армении, последние операции в Иране, рейды в Северную Африку. Но эти далекие походы становились все более трудными, а добыча — не столь обильной, как раньше. Покоренные народы принимали ислам не по религиозному убеждению, а для того, чтобы платить меньше налогов. У самих арабов появился вкус к роскоши, с которой они познакомились в завоеванных странах. Все это создало крайне затруднительное финансовое положение, и Осман, занятый главным образом раздачей земель своим родственникам, не умел его выправить. В провинциях происходили беспорядки, политические волнения сочетались с религиозными распрями. Все старания Османа установить окончательный текст Корана не могли умерить неприязни, которую он внушал суровым правоверным. Один из самых почитаемых сподвижников Пророка стал произносить проповеди — сначала против упадка нравов, а затем против Османа и Омейядов и заявил, что только Али и его сыновья обладают правом быть наследниками Пророка. Осуществления этого права требовал в Египте один обращенный в ислам еврей из Йемена. В то же время проявилась благочестивая реакция, осложненная политическими махинациями, которыми руководила Анша, еще молодая вдова Мухаммеда, снедаемая желанием играть существенную роль в государстве.

Эти махинации вызвали беспокойство в войсках. Осман обратился за помощью к сирийским воинам, преданным его семье (невольно вспоминаются Людовик XVI и армия монархов), — его обвинили в измене

и убили ударом сабли в его доме (в 656 г.). Итак, в правление Османа возникла, с одной стороны, первая гражданская война, а с другой — идея законности династии, воплощенная в семье Али.

Тогда Али был избран халифом, но не единогласно: его поддерживали египтяне, но понадобилось немало дней, чтобы убедить жителей «святых городов»⁴ и Ирака признать его власть и отказаться от своих кандидатов — Тальхи и Зубейра, принадлежавших к числу первообращенных мусульман (Зубейр был племянником Хадиджи, супруги Пророка). Гораздо более серьезные последствия имел отказ Муавии, двоюродного брата Османа и правителя Сирии. Назревал опасный по своим последствиям конфликт между старшей и младшей ветвью Курейшитов.

Нужно было действовать быстро и решительно. Но Али все погубил своими проволочками и примиренческими настроениями. В начале декабря 656 г., через пять с лишним месяцев после своего избрания, он выступил во главе своих войск из Медины, в которую ему уже не пришлось вернуться, и двинулся в Басру. Становилось совершенно необходимым окончательно подавить Тальху и Зубейра, которые объединились с Аишей под предлогом мести за Османа. В действительности же Аиша мстила Али за старую обиду: в свое время он советовал Пророку развестись с ней, к тому же она была свояченицей Зубейра. В жестоком бою были убиты оба эти соперника Али. Аиша, захваченная в плен, была отправлена в Медину.

Это первое сражение между мусульманами получило название «битвы верблюда», так как в этом сражении участвовала Аиша, восседавшая на верблюде, в защищенном броней паланкине. «Мы видим здесь священного верблюда и куббу; но место бетила занимала Аиша, „мать верующих“... Этот обычай сохраняется поныне в современных войнах бедуинов пустыни; на священном верблюде всегда восседает самая знатная молодая девушка племени; допустить, чтобы она попала в руки врагов, — верх бесчестия» (Ламменс).

Победитель Али стал повелителем империи, но империя была разделена надвое Сирией, цитаделью Омейя-

⁴ Т. е. Мекки и Медины.

дов. Войска Али заняли Куфу и Ктесифон (древнюю столицу Сасанидов), перешли Евфрат у Ракки и встретились с войсками Муавии в долине Сиффин. Муавия приказал воздвигнуть своеобразное святилище — большую, покрытую тканиями куббу, перед которой сирийцы поклялись сражаться насмерть. Ламменс видит в этом пережиток палладия, свидетельство живучести языческих обычаев, в особенности у Омейядов.

После трех месяцев незначительных стычек, прерываемых для переговоров, Али получил перевес в решительной битве. Но военачальник Амр (завоеватель Египта) спас Муавию, прибегнув к военной хитрости: он приказал сирийцам прикрепить к копьям листы Корана, чтобы показать, что они взывают к божьему суду. Сопратники Али принудили его согласиться разрешить дело третейским судом, и это погубило его. Его немедленно покинули сторонники военных действий. Эти фанатики возненавидели его с такой же страстью, с какой они раньше были ему преданы. Они удалились к границам Месопотамии и Ирана. И в то время, когда представитель Али, навязанный ему его приближенными, почтенный, но бессильный старец, стал жертвой подлого обмана, подстроенного представителем Муавии, эти отколовшиеся выбрали нового халифа из своей среды. История дала им название хариджиты (от арабского слова хараджа — выйти, восстать). Те же, кто остался верным Али, называются шиитами (от арабского слова шиа — сторонники).

Положение Али становилось трагическим. Он оказался между двух огней. С одной стороны, Муавия заставил сирийцев провозгласить себя халифом после комедии суда, приведшей к низложению Али. С другой стороны, хариджитский антихалиф вовлекал войска Али в сражения в районе Ктесифона. Али пошел на хариджитов и истребил их в бою, но многие из них рассеялись по Ираку и Ирану, где быстро распространялось их учение, впоследствии дошедшее до Северной Африки. В дальнейшем потери множились: жители Куфы покинули Али, Египет перешел к Муавии. После двух лет борьбы против непрерывных вторжений Омейядов в Аравию и Месопотамию Али был убит хариджитами.

Мнения о его роли и характере до сих пор расходятся. Одни считают его героем, другие — самым обыкно-

венным человеком. Во всяком случае, он был посредственным политиком, как и все члены его семьи. Его погубил пацифизм, как он привел к гибели и многих других.

Вследствие своей несговорчивости и непрактичности он допустил, чтобы его отстранили от дел. Но образ рыцаря без страха и упрека, идеальный характер, который приписывает ему предание, обрушившиеся на него несчастья (не говоря уже о трагической гибели его потомков), — все это создало ему ореол мученика. Поэтому не приходится удивляться, что шиитский ислам считает его святым, в то время как мистики окружают любовью, а некоторые еретики в свое время доходили до обожествления его.

Как бы там ни было, потомки Абд Шамса⁵, на короткое время отодвинутые на задний план потомками Хашима, снова оказались у власти. Это было торжество мекканской аристократии: сирийская партия окончательно заменила принцип выборности халифа принципом династического наследования, воплощенным в Омейядах.

Если, бросив взгляд в прошлое, мы рассмотрим эволюцию халифата при его первых четырех представителях, четырех «праведных» (рашидун) халифах, то увидим при Абу Бекре стабилизацию Аравии и подготовку завоеваний; при Омаре — победоносную экспансию; при Османе — закрепление завоеваний, распространение роскоши и ослабление власти халифа; при Али — дальнейшее ослабление власти, гражданскую войну, породившую религиозный раскол, прекращение внешней экспансии и, быть может, в подражание византийской и иранской монархиям — утверждение династической идеи в исламе.

Династия Омейядов. После смерти Али его иракские приверженцы провозгласили халифом его сына Хасана, человека, не обладавшего никакими способностями (возможно, больного чахоткой), который думал только об одном — как бы побольше сорвать с Муавии за свое отречение от прав на халифат. Он удалился в Медину и умер там в молодом возрасте.

⁵ Т. е. Омейяды, члены рода омейя; к роду хашим принадлежали Мухаммед и Али.

Первой, очень существенной реформой Муавии был перенос столицы из Медины в Дамаск, где он долго был правителем, входил в соприкосновение с византийской администрацией и перенимал ее опыт. Этот перенос столицы наносил решающий удар партии Алидов, на стороне которых была Медина. Около девятнадцати лет Муавия правил как абсолютный властелин, восстановив моральное единство арабского мира. Он вернулся к своей идее морского могущества и даже дерзнул напасть на Византию. Его терпимость по отношению к христианам обеспечивала ему непоколебимую верность Сирии. Еще при жизни он назначил своим наследником сына Язида. Выборность халифа уже не существовала.

Однако вступление на престол Язида не обошлось без кровопролития. Младший брат Хасана — Хусейн, живший при Муавии в изгнании в Медине, откликнулся на зов сторонников своей семьи, на который до тех пор никак не реагировал. Покинув Мекку, чтобы соединиться с ними в Куфе, он подвергся преследованию омейядских всадников и был окружен у Кербелы. Десять дней Хусейн, сопровождаемый небольшим отрядом, надеялся, что случай выручит его. Командующий халифским войском, по-видимому, намеревался заставить его сдаться без боя, отрезав доступ к Евфрату. Но и по прошествии десяти дней Хусейн не согласился сдаться. Завязалась битва. Четырехтысячное войско халифа легко справилось с маленьким отрядом Хусейна. Последний пал под ударами своих многочисленных противников. Это событие, само по себе не имевшее особого значения, имело бесчисленные политические и религиозные последствия: у шиитов появились первые мученики.

После смерти Хусейна халифу Язиду пришлось бороться с гораздо более опасным претендентом — Абдаллахом, сыном Зубейра, того самого двоюродного брата Пророка, который с такой настойчивостью оспаривал халифат у Али. Сразу же после смерти Хусейна Абдаллах провозгласил себя халифом в Мекке и вскоре был признан всем Хиджазом. Войска Язида победили мединцев, сторонников этого антихалифа, и смело двинулись на Мекку. Осада этого города, во время которой была подожжена Кааба, длилась уже более двух месяцев, когда пришло известие о смерти халифа Язида. Южная Аравия, Ирак и часть Сирии сейчас же признали Абдал-

лаха халифом. Остальные страны мусульманского мира остались верными Омейядам, несмотря на невысокие достоинства двух наследников Язида⁶. Его третий преемник Абд аль-Малик⁷ оказался в весьма трудном положении. Три претендента оспаривали у него халифат: Мухаммед, прозванный «сыном ханифитки» (ставленник Алидов), Наджда (ставленник хариджитов) и Абдаллах, сын Зубейра. Но Абд аль-Малик восстановил власть Омейядов: снова был завоеван Ирак, причем брат Абдаллаха был убит в одном из сражений, а сам Абдаллах погиб с оружием в руках при взятии Мекки халифским войском в 692 г. Так закончилась попытка старой партии вернуться к власти. При Абд аль-Малике и его преемнике в империи благодаря деятельности высокоодаренного министра Хадждаджа снова воцарился порядок и возобновились войны с Византией. Однако в конечном счете этот человек, талантливый воин и администратор, сослужил плохую службу Омейядам, так как возбуждал ненависть своим тираническим характером.

Затем халифы быстро сменяли один другого в течение первой половины VIII в., если не считать долгого правления Хишама⁸ — завоевателя и весьма посредственного администратора. Из всех этих халифов был и один святой — Омар II: он стоял за справедливость и милосердие даже по отношению к противникам. Остальные — Сулейман, Язид II, Валид II — любители искусств или наслаждений, вызывали только недовольство своих подданных и способствовали упадку династии, несмотря на всю значительность завоеваний, сделанных их военачальниками.

Экспансия, на короткое время приостановленная при Али, с прежней силой возобновилась при Омейядах. Мы видели, что Муавия создал морской флот. По суше тоже совершалось все больше походов на восток и на запад. Можно сказать, что Омейяды унаследовали от Сасанидов борьбу с Византией. На востоке арабы уже в 661 г. достигли Герата, а оттуда их войска дошли до Инда, пройдя через Афганистан. Начиная с 674 г. они

⁶ Это были его малолетний сын Муавия II, бывший халифом в течение нескольких месяцев, и его сородич Мерван I (683—685).

⁷ Халиф Абд аль-Малик правил с 685 по 705 г.

⁸ Халиф Хишам правил в 724—743 гг.

совершали нападения на Трансоксиану⁹ и в конце концов в 711 г. захватили эту страну. В то же время они заняли Армению. Покорить Анатолию им не удалось. Менее чем за сорок лет ислам достиг своих предельных границ: окраин Китая и долины Инда.

В западном направлении завоевания были не менее значительными. В то время берберские племена Северной Африки практически уже не зависели от Византийской империи. Они делились на три основные группы: ловата на востоке (Триполитания, Джерид, Ор); санхаджа на западе (котама в Кабилии, масмуда на побережье Марокко и носящие покрывало санхаджа в Сахаре); кочевники зената, часть которых была сосредоточена в районе Тлемсена. И здесь вражда, разделявшая санхаджа и зената, сыграла на руку арабским завоевателям.

В Ифрикийе, восточной части Северной Африки (название Магриб обозначает западную ее часть), две первые кампании были простыми набегами, во время которых арабы столкнулись с византийцами. Но в третью кампанию византийцев сменили берберы. Чтобы сдержать их, арабский военачальник Окба основал в 670 г. Кайруан, штаб завоевателей. Тот же военачальник после неслыханного набега, приостановленного лишь на атлантическом побережье Марокко, попал в засаду. Наконец, в 697 г. халиф Абд аль-Малик, увидев, что политическое положение упрочилось, стал серьезно готовиться к походу на Карфаген. Город был взят и razoren, затем отбит византийцами и снова оставлен ими через год. В то время в Оре берберы организовали сопротивление, по преданию возглавленное легендарной Кахиной. Но опять арабам сослужила службу разобщенность их противников, и им удалось соединить с военной экспансией религиозную. Прошло много лет, и берберы, по старой своей привычке к перемене религии принявшие ислам и увлекаемые перспективой захвата военной добычи, стали лучшей опорой арабов при завоевании Испании. После набегов на Южное Марокко арабы захватили Танжер и Балеарские острова.

⁹ Трансоксиана, или Трансоксания,—область между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей; известна в арабско-персидской географии под названием Мавераннахр.

Испания, занятая вестготами, была христианской скорее на словах, чем на деле. Порабощенный феодалами и епископами народ жаждал освобождения. В роли освободителей предстали арабы. Рабы и крепостные купили себе освобождение ценой обращения в ислам и облегчили задачу завоевателей: арабская конница одержала верх над христианской пехотой, и взятие Толедо в 712 г. прозвучало похоронным звоном готскому владычеству.

С 721 г. арабы начали предпринимать набеги по ту сторону Пиренеев. Королевство Меровингов агонизировало подобно готской монархии в Испании. Арабы, остановленные Эвдом на Гаронне, повернули в долину Роны и опустошили ее в 725 г. Спустя семь лет их всадники пересекли Гасконь, взяли Бордо и помчались на Пуатье, откуда их отбросил Карл Мартелл (через сто лет после смерти Мухаммеда). В 737 г. он опять обратил их в бегство в битве у Нарбонна.

Несмотря на это поражение, военная экспансия арабов не прекратилась. Их империя в то время достигла вершины своего величия: она простиралась от Атлантического океана до Инда, от Каспия до Нильских порогов. Политическое величие омейядских халифов тоже достигло своей вершины за несколько лет до того, как развернулась эта предельная территориальная экспансия. Их могущество достигло зенита при Абд аль-Малике (конец VII в.). Их деятельность в основном была направлена к централизации. Так же как Мухаммед умел сплавить разнородные элементы в примитивной общине, Омейяды объединили в огромной империи те народы и религии, которые только что боролись между собой; они были носителями идеи государственности и воплотили ее. Но для осуществления такой задачи был необходим либерализм, в одно и то же время политический, религиозный и интеллектуальный. Такой либерализм всегда проявляли Омейяды: Абу Суфьян жил в добром согласии с христианами и евреями, его потомки женились на христианках, назначали пенсии ораторам и поэтам, среди которых встречались и христиане, и люди, насквозь проникнутые языческими традициями (не говоря уже о музыкантах, певцах и певицах). Они незаметно подпали под очарование цивилизации древней Сирии. Этот либерализм не мог заставить их забыть,

что они — наместники основателя религии. Но все же он шокировал верующих, не изменивших суровому духу первого периода: мрачная Медина осуждала Дамаск, подобно тому как в XVI в. Женева осудит Рим¹⁰.

В политическом отношении Медина была столицей арабского государства, а Дамаск стал столицей мусульманской империи. Но слишком обширна и пестра была эта империя, чтобы ее единство стало прочным. Чем дальше раздвигались ее границы, тем резче выступало несоответствие между массой покоренных народов и небольшим числом завоевателей. К тому же, убедившись, что обращение в ислам уменьшает налоговые поступления, Омейяды начали препятствовать этому. Они стали угнетать покоренные народы, разорять их непосильными налогами, обращаться с ними, как с низшими, тогда как эти народы были наследниками древних цивилизаций и любили напоминать об этом (националистические движения шуубийя). Наконец, к глухому ропоту присоединилась агитация, которую вели хариджиты и шииты. Их активная и искусная пропаганда ускорила падение династии Омейядов.

Шииты начали по-настоящему вести свою пропаганду после смерти благочестивого халифа Омара II в 720 г. Но сторонникам Алидов суждено было еще раз потрудиться для других, и это они слишком поздно заметили. Уже с давних пор потомки Аббаса, дяди Пророка, приобрели уважение мусульман своей достойной жизнью. Все усиливавшаяся оппозиция против Омейядов мало-помалу привела Аббасидов к мысли свергнуть этих халифов и занять их место.

Преданные агенты были разосланы из Сирии в разные области. Особенно благоприятную почву они нашли в Хорасане, где некоторые группировки иранцев, считавших себя намного выше арабов, не могли примириться с порабощением. Кроме того, потомкам Аббаса посчастливилось получить неожиданную помощь со стороны шиитов. Такая позиция шиитов объясняется следующим: сторонники семьи Али, стремясь вернуть ее к власти, искали союзников; их разобщенность должна была, как это всегда бывает, сослужить службу Аббаси-

¹⁰ Имеется в виду деятельность Жана Кальвина (1509—1564).

дам. Действительно, шииты делились на две партии: имамиты, стоявшие за сына Хусейна (мученика Кербелы), держались в стороне от аббасидской пропаганды; другая же партия — хашимиты, стояла за сводного брата Хусейна, прозванного «сыном ханифитки», а затем, после его смерти, за его сына Абу Хашима (отсюда и название партии). В 716 г. Абу Хашим умер (возможно, он был отравлен) и завещал свои права претендента на престол правнуку Аббаса Мухаммеду ибн Али. Глубокий раскол в партии шиитов стал орудием аббасидской пропаганды. Эта пропаганда активно продолжалась, несмотря на смерть Мухаммеда ибн Али. Двое его сыновей пожали плоды его усилий благодаря помощи одного из своих представителей, ловкого и энергичного Абу Муслима, иранца по происхождению. Черные знамена Аббасидов выстроились против белых знамен Омейядов. Через два года первый Аббасид был провозглашен халифом в мечети в Куфе, а последний Омейяд потерпел непоправимое поражение. Его родственники подверглись преследованию и беспощадному истреблению. Но одному из них удалось бежать в Испанию, где в 754 г. он основал династию.

Аббасиды. Аббасидская династия существовала пять веков (750—1258). Омейяды установили арабское господство. Аббасиды же (двое из них, самые выдающиеся, были рождены от персиянок) — династия скорее мусульманская, нежели арабская. Ей было необходимо поддерживать равновесие между арабами и иранцами, которые привели ее к власти. Это была трудно достижимая гармония, но все же ее добились в течение полувека благодаря гению Мансура и Бармекидам, династии министров иранского происхождения. Затем вспыхнула гражданская война между сыновьями Харуна ар-Рашида. Одного из них поддерживали арабы, другого — иранцы, в течение нескольких лет добивавшиеся преобладания.

Иранское влияние заставило перенести резиденцию халифов из Дамаска в Багдад и изменило характер управления государством. Аббасидский халифат выглядел как новое воплощение сасанидской монархии. Иранское влияние сказывалось не только в придворном этикете и костюмах, оно проникло также в искусство и в литературу.

Впрочем, проявлялось не только иранское влияние: аббасидская цивилизация представляла собою очень сложное явление. До Аббасидов (по крайней мере насколько можно судить по дошедшим до нас памятникам) арабская литература почти целиком состояла из произведений поэзии и ораторского искусства. Но благодаря либерализму первых Аббасидов люди умственного труда из покоренных стран сблизились с арабами, и неожиданно из школ и монастырей, где она укрывалась, вышла на свет древняя греческая наука. Всем известно, какой глубокий след оставил в Азии эллинизм со времени походов Александра. Начиная с IV в. произведения греческих философов и ученых переводились несторианами на сирийский язык, их изучали главным образом в Сирии и Месопотамии. Кроме того, давало о себе знать и индийское влияние, которое проникало через иранские общины Бактрии и Согдианы (Афганистан)¹¹, соприкасавшиеся с буддистами.

Некоторые достижения эллинистической, арамейской и индийской культур быстро распространялись среди арабов, благодаря переводчикам, которым в этом деле в VIII—IX вв. принадлежала главная роль. Иранское же влияние представляется менее глубоким, чем склонны были полагать некоторые исследователи, особенно, если говорить об арийской реакции против семитского гения. Иранское влияние сказалось, в частности, в поэзии, которая изменила свой характер. Кроме того, иранцы давали арабам, еще не искушенным в тонкостях мышления, возможность познать величие науки и силу диалектики. Одним словом, они выступали в роли популяризаторов. В те времена в Багдаде происходило нечто сильно напоминающее наше Возрождение XVI в. Деятельность иранцев напоминала работу итальянцев, приехавших во Францию при Франциске I.

Этому расцвету духовной жизни сопутствовала экономическая деятельность. Багдад служил посредником между Западом и Дальним Востоком. Багдадцы открывали торговые конторы в Индии и даже в Китае. Заметим, что эти торговые сношения не влекли за собой обязательного обращения в ислам. Если исламизация

¹¹ Большая часть территории этих двух древних областей входила не в состав Афганистана, а Советской Средней Азии.

Мадагаскара, вызванная иммиграцией арабов, прибывших с берегов Персидского залива, произошла в VII — IX вв., то в Индонезию и некоторые районы Китая ислам проник значительно позднее. В Индонезии ислам, утвердившись на Суматре, только во второй половине XIII в. начал вытеснять индуизм (он устранил его почти полностью в XVII в). Началом проникновения ислама в Китай можно считать тот день, когда войско танского императора было разбито арабами на р. Таласс в 751 г. в одном из решающих исторических сражений. Впоследствии китайские императоры были вынуждены призвать арабских наемников на помощь против своих восставших подданных.

Из пяти веков аббасидского халифата только первый (век Мансура, Харуна ар-Рашида и Мамуна ¹²) действительно являл подлинное величие и процветание, был прекрасным периодом истории. «Люди будут вечно мечтать о нем» (Ренан). Затем выявились недостатки государственного строя: империя была слишком обширной, и в ней уже наблюдались признаки распада. Кроме того, халиф, чувствуя, как светская власть постепенно ускользает от него, старался усилить свою духовную власть, а это вело к религиозной нетерпимости. К тому же он очень рано начал разделять, чтобы властвовать, и, не доверяя окружавшим его арабам и арабизированным иранцам, встревоженный многочисленными восстаниями шиитов и хариджитов, сформировал для себя личную охрану из наемников-тюрок, с которыми арабы встретились в Средней Азии. Эти наемники (совершенно так же как наемники в Карфагене и Византии) не замедлили стать хозяевами положения. С середины X в. халиф, уже утративший фактическую власть, превратился в «ленивого короля», при котором «эмирами эмиров» (амир аль-умара), напоминающими мажордомов при Меровингах, состояли то персы, то турки.

Конечно, такое ослабление центральной власти вскоре повлекло за собой политическую децентрализацию. С 755 г. Испания, сохранявшая верность последнему из Омейядов, отпала от халифата с приходом к власти Аббасидов. Когда принц-беглец Абд ар-Рахман сумел примирить противоречивые стремления партий (арабов,

¹² Годы правления этих халифов 754—775, 786—809 и 813—833.

берберов и местных уроженцев), Кордовский эмират имел немало успехов, то выступая против христиан, то преодолевая внутренние разногласия. В 912 г. появился великий правитель Абд ар-Рахман III. Вернув под свою власть провинции, утраченные его предшественниками, он восстановил политическое единство и финансы Кордовского государства, а в 929 г. принял титул халифа. В правление Хакама II, крупного мецената, Кордова сделалась соперницей Багдада. Мусульманская Испания в X в. достигла блестящего расцвета. Но это был преходящий расцвет, так как в конце столетия уже начался упадок, который ускоряли междоусобная борьба, вторжения христиан и религиозная нетерпимость. Напрасно гениальный министр Ибн Абу Амир аль-Мансур (Альманзор западноевропейских историков) старался сохранить политическое единство Испании. Незадолго до его смерти, в начале XI в., страна распалась на полдюжины мелких государств, с которыми христиане в дальнейшем легко справились.

Еще до прихода к власти Аббасидов берберы Северной Африки, снова поддавшись своей склонности к религиозным новшествам, отреклись от правоверных догматов и восторженно приняли еретическое учение хариджитов, которое напоминало им учение циркумцеллионов¹³ и отвечало их демократическим тенденциям. Это движение, одновременно религиозное и национальное, возникло в Марокко около 740 г. и распространилось затем на всю Северную Африку и даже на некоторые районы Испании. Аббасиды, хотя и вели кровопролитную борьбу, все же не могли воспрепятствовать образованию мелких независимых династий: Рустемидов в Тахерте, являвшемся образцом хариджитского государства, Мидрадитов в Сиджилмасе; Бену Ифрен в Тлемсене; Идрисидов — в Фесе. Вскоре Аббасиды потеряли всю Северную Африку. С 800 г. халиф уступил своему наместнику провинцию Ифрикийю (Тунис и часть департамента Константины) в качестве наследственного ленного владения, с условием выплаты ежегодной дани. Это было замаскированным отказом халифа от своих владений. Этот наместник и династия Аглабидов, которой он

¹³ Циркумцеллионы — участники революционного движения рабов и колонов в Северной Африке в IV—V вв.

положил начало, в будущем разошлют флоты к берегам Италии, Франции, Сардинии и направят в определенное русло вечное стремление к перемене мест, владевшее их беспокойными подданными. Они затратят полсотни лет на покорение Сицилии, страны с многовековой цивилизацией, где объединится гений Греции и Рима с гением Востока. В горниле этой цивилизации сплавятся в одно гармоническое целое стремления мусульман и христиан.

В Египте в VIII в. Тулуниды, правители, фактически независимые от Багдада, подготовили приход к власти Ихшидидов и Фатимидов. Последние посягали не только на политическую, но и на религиозную власть халифа. Подобно Аббасидам они утвердились у власти с помощью целой армии тайных агентов и при содействии шиитов — Фатимиды использовали одну из шиитских сект. Неопределенность их родословной (по их утверждению, они происходили от Али и Фатимы), почти героический характер их первых военных предприятий, энергия и быстрота, с которой они свергли Аглабидов и завоевали Ифрикийю, а затем через 60 лет основали в Каире еретический халифат, ставший опасным соперником Багдадского халифата, — все это придает этой династии какое-то таинственное обаяние. Мы увидим в дальнейшем (гл. V), какое воздействие окажут Фатимиды на религиозную эволюцию ислама.

Уже лет двадцать прошло с тех пор, как Идрис — несомненный потомок Али — ввел шиизм в Марокко, основав там династию. Идрисидский шиизм был ограничен пределами Западного Магриба. Под влиянием деятельности Фатимидов Северная Африка стала шиитской совершенно так же, как до того она была хариджитской. Миссионер Абу Абдаллах, установив в Мекке связи с берберами, подготовил возвышение Фатимидов так же, как когда-то Абу Муслим подготовил возвышение Аббасидов, и так же, как Абу Муслим, он впоследствии заплатил жизнью за то беспокойство, которое испытывал его повелитель, зная о силе его влияния. Повелитель Абу Абдаллаха, Убейдаллах, изгнанный из Египта Аббасидами, отправился искать счастья в Магриб. Мидрадитский правитель Сиджильмаса бросил его в тюрьму. Но преданный ему Абу Абдаллах сверг Аглабидов, изгнал Рустемидов из Тахерта, освободил из тюрьмы своего господина и возвел его на трон Агла-

бидов в Тунисе (910 г.). В течение долгих лет после этих событий Северная Африка представляла собою арену ожесточенного поединка между хариджизмом и шиизмом. К 960 г. шиизм одержал победу. Возник не только религиозный, но и политический конфликт между берберскими племенами. Борьба племен котамы и санхаджа, приверженцев Фатимидов, против зената, сторонников кордовских халифов Омейядов, напоминает борьбу Лахмидов, поддерживавших иранцев, против Гассанидов, ориентировавшихся на Византию.

Державшие под своей властью мусульманский Запад Фатимиды обратили взоры на Восток, о котором они всегда помышляли. В 969 г. Египет, до того отражавший их нападения, был без труда завоеван и на два столетия стал, хотя бы официально, шиитским. После этого завоевания центр империи Фатимидов переместился. Оставив преданных им берберов санхаджа на страже Северной Африки, Фатимиды двинулись на Сирию. Их господство в этой стране было неустойчивым, и в 1076 г. они были вытеснены оттуда тюрками-сельджуками.

В конце X в. империя Фатимидов включала в свой состав, с одной стороны, Египет и Сирию, а с другой — острова Средиземного моря и Северную Африку вплоть до Атлантического океана. Но так продолжалось очень недолго. Вскоре Северная Африка освободилась от них, так же как она ранее сбросила иго халифов Аббасидов. С перенесением столицы Фатимидов из Туниса в Каир власть их над берберскими правителями стала слабеть. В 972 г. наместник в Тунисе отказался подчиняться их власти и основал династию Зиридов; другая династия, Хаммадидов, водворилась в Алжире, в районе Бужи в 1007 г.; на западе берберские племена враждовали между собой, пользуясь ослаблением власти Идрисидов; одновременно с этим мусульманская Испания, как мы видели, распадалась на мелкие государства (рейес де таифас).

Одно событие, экономические и политические последствия которого трудно переоценить, нанесло последний удар Северной Африке: это — нашествие бену-хилаль и бену-сулейм. Около 1050 г. фатимидский халиф, видя, что Зириды в Тунисе отказались от шиизма и вновь обратились в суннитское правоверие, внезапно бросил на запад распущенные разбойничьи племена бену-хи-

лаль и бену-сулейм, которые, переселившись из Аравии, причиняли беспокойство Фатимидам в Верхнем Египте, куда они были высланы. Эти племена опустошили Триполитанию и через два года вступили в Тунис. Зириды и Хаммакиды не сумели объединиться и тщетно пытались приостановить это вторжение. Тунисские города стали добычей авантюристов. Последние иногда основывали на захваченной территории княжества. Так благодаря племени бену-хорасан началось возвышение города Туниса. Зириды, не имея сил для борьбы, укрепились в одном из своих городов. Так же поступили в начале XII в. Хаммакиды, когда их дни были сочтены: в 1148 г. сицилийские норманы, хозяйничавшие на Средиземном море, изгнали их из последнего убежища. До тех пор арабы в среде берберов представляли собою нечто вроде олигархии. Нашествие бену-хилаль несколько усилило арабов Северной Африки в количественном отношении, но зато увеличило политическую и религиозную неразбериху. А главное, нашествие подорвало экономическое благосостояние Северной Африки, которая после того находилась в состоянии упадка в течение нескольких столетий.

А теперь, вернувшись на столетие назад и обратив взгляд на Восток, мы увидим, как развернулась еще одна борьба. В то время как в Африке против арабского господства восстали берберы, на противоположном конце мусульманского мира ему угрожала непрерывно возрастающая опасность со стороны тюрок. Вновь вспыхнула вековая борьба Ирана с Тураном, затихшая было в те времена, когда Сасаниды, по владениям которых проходил торговый путь с Дальнего Востока в Византию, вынуждены были охранять свои границы сначала от эфталитов из Туркестана, а затем — от тюрок, пришедших с Алтая. Эту роль маркграфов, префектов пограничных провинций цивилизации возьмут на себя начиная с X в. династии, возникшие в Восточном Иране. Первые правители — Тахириды и Саффариды, с IX в. ставшие независимыми от Багдада, были кондотьеры, которые выкраивали себе владения в Хорасане, Сеистане и Фарсе. Но благодаря Саманидам возродилось национальное чувство иранцев: из своих трансоксианских земель они пошли войной в глубь Киргизии, затем, обеспечив себе спокойствие с востока, завоевали весь

Восточный Иран. Многие города Хорасана и Трансоксианы стали центрами искусства и науки; культ арабского языка не мешал расцвету иранской литературы, создавшему вечную славу ее покровителям—Саманидам.

Между тем на западе Ирана быстро возвысилась другая иранская династия — Буиды. В течение пятнадцати лет эти бывшие правители провинции заняли Западный Иран, неся с собой шиизм, и утвердились при багдадском халифе, от имени которого стали фактически править страной. Между ними и Саманидами началась война за преобладание. Она длилась полвека. Саманиды, ослабленные войной и вынужденные защищать свой трон от постоянных посягательств военной олигархии, последовали примеру багдадских халифов: они обратились за помощью к тюркам. Эфиопы на службе у мекканцев в VII в., тюрки, берберы и негры, соперничество которых залило потоками крови Багдад и Каир, — всегда и всюду, на всем протяжении истории ислама повторялось это опасное применение наемных войск, напомиравшее использование швейцарцев при дворах европейских монархов. Одному из этих тюрков, бывшему рабу, Саманиды поручили править Хорасаном. Когда его сместили, он ушел в Афганские горы и там заложил основы империи в Газни. Конец Саманидов был близок: в 999 г. последний представитель этой династии был изгнан из Хорасана Махмудом, великим деятелем новой династии Газневидов.

Махмуд к концу своего правления завоевал не только Восточный Иран, но и часть Индии, где он ввел ислам. Как ревностный правоверный, он просил инвентуру у багдадского халифа. Выступая поборником ислама против кашгарских тюрков и Сельджукидов, угрожавших его границам, он смог лишь ненадолго отсрочить нашествие своих братьев по крови (см. гл. VI настоящей книги). К счастью, иранская цивилизация объединит все эти столь различные элементы: *Persia capta ferum victorem capiet.*

Итак, к середине XI в. мусульманский мир оказался дезорганизованным. В нем царил религиозный разброд: правоверные сунниты были вынуждены защищать свое вероучение, с одной стороны, в Ираке и Египте, где шиизм, даже ослабевший, все еще угрожал им, а с другой — в Испании, которую захватывали христиане.

Раздробленность привела к политической децентрализации мусульманского мира. Ни один из множества мелких властителей не обладал достаточной силой, чтобы установить гегемонию. Но на двух окраинах этого одряхлевшего мира зарождались молодые, готовые вступить в действие силы: турки Сельджукиды, изгнав из Багдада Буидов в 1055 г., восстановили политическое и религиозное единство на Востоке, Альморавиды же, выходцы из Сахары, быстро сделали то же самое на Западе. Так, после пяти веков арабского господства начался период великих нашествий, которые переместили центр тяжести в странах ислама (см. гл. VI). На пороге этой новой эры уместно рассмотреть характерные черты ее первого периода.

Условия арабской экспансии. Многие факторы благоприятствовали арабским завоеваниям.

Прежде всего это то обстоятельство, что почва для завоеваний нередко была подготовлена внутренними раздорами. Мы видели, что арабов встречали чуть ли не как освободителей копты Египта и сирийцы, для которых было счастьем сбросить византийское иго. В Иране и Испании правители также были чужды народу. Арабы же ограничились тем, что несколько изменили существовавший до них административный аппарат, мучивший население мелкими придирками, сделали его более гибким, но не упразднили. Они прежде всего сохранили государственных чиновников, особенно специалистов по финансам, которые продолжали ведать налогообложением. Налоги ведь приносили плоды, дававшие халифу возможность обеспечить верность своих войск.

Вторым фактором была широкая свобода инициативы, какую даже самые властные халифы предоставляли своим командующим армиями. В правление Османа и многих Омейядов завоевания следовали одно за другим почти без участия халифа.

Многими военачальниками, по крайней мере в период первых завоеваний, руководила искренняя вера. Но трудно допустить, чтобы все они, особенно после халифа Омара, не помышляли о личной выгоде. Неужели, например, Муавия вовсе не помышлял о своих интересах во время сирийской кампании? Неужели Амр, при своем внезапном вторжении в Египет, не предвидел возможности превратить эту страну в свое наместничество?

Подобный же вопрос можно задать и в отношении других завоевателей, действовавших, например, в Северной Африке и Испании.

Эти военачальники, у которых, возможно, были скрытые мысли о личной выгоде, вели за собой невежественных и суровых солдат, в большинстве своем непоколебимо веровавших в то, что обещала священная книга: того, кто умрет за веру, ждет вечное блаженство. Это был неиссякаемый источник моральной силы для бойцов и власти для тех, кто ими командовал. Но, конечно, это не исключало того, что в войсках встречались стяжатели, шедшие на войну ради удовлетворения своих унаследованных от язычества грабительских инстинктов.

Наконец, эти войны вовсе не были случайными, как это может показаться с первого взгляда. Мы видели, как искусно пользовались арабы то рознью в стане своих противников, то их минутной слабостью (как это было, например, на сирийской границе). Эти арабские полчища не были лишены военного опыта и дисциплины. Довольно устойчивая военная традиция постепенно сложилась у этих людей, отцы которых сражались в рядах Лахмидов и Гассанидов против старых армий Ирана и Византии. Для халифов, возможно, было выгодно снаряжать своих подданных в походы, чтобы удалять их из столицы и победами и военной добычей укреплять их приверженность исламу.

Священная война (джихад) и положение покоренного населения. Распространение ислама с оружием в руках являлось религиозным долгом. Война считалась справедливой, если она была предпринята с целью обратить людей в истинную веру. Мы были бы недалеко от истины, если бы сказали, что священная война стала одной из основных обязанностей каждого исповедующего ислам. Если Коран, с одной стороны, советует приводить людей на путь божий «мудрыми добрыми наставлениями» (например, 16, 126), то, с другой стороны, мы находим в нем указание относительно истребления «неверных» (47, 4) и сражений на «пути божьем» (2, 245). По-видимому, Мухаммед не предвидел всех последствий священной войны. Тем не менее та концепция, которая должна была стать руководящей (непрерывная борьба с немусульманами до тех пор, пока они не покорятся исламу), утвердилась вскоре после его смерти. Теореги-

чески, священная война есть долг, обязательный для всех мусульман мужского пола, свободных, здоровых телом и духом и имеющих все, что нужно для выступления в поход. Однако не каждый верующий должен был лично участвовать в войне: если в ней участвовало некоторое количество мусульман, этого было достаточно, чтобы все считали долг исполненным.

Каковы же правила священной войны? Ее обязательно нужно вести против народов, населяющих соседние с исламом территории. Иначе говоря, речь идет о превращении во владения ислама (дар аль-ислам) того, что считается территорией войны (дар аль-харб). Между двумя этими крайними понятиями имеется промежуточное, являющееся предметом споров: это территория, население которой платит дань в казну ислама по договору (дар ас-сульх).

До начала военных действий нужно предложить «неверным» обратиться в истинную веру. Если они дадут согласие, они сейчас же будут приняты в общину (умму) и получают те же права, что и мусульмане, но за веротступничество они караются смертью. В случае их отказа от обращения возможны два пути: либо спор решается вооруженной борьбой между ними и мусульманами (завоевание путем применения силы — анва); либо они уплачивают налог за то покровительство, которое им окажут мусульмане (завоевание путем капитуляции — сульх).

В первом случае (завоевания путем применения силы) уже на самом первом этапе установилось различие между движимым имуществом, захваченным в бою (ганима — добыча), и движимым и недвижимым имуществом, в частности землями, не захваченными в бою, а полученными после завоевания (фей). Четыре пятых добычи распределялись между непосредственными участниками сражения, конники получали большую часть, чем пехотинцы. Остающаяся пятая часть считалась «долей бога», согласно стиху, ниспосланному в откровении вскоре после битвы при Бедре: «Знайте, что из всего, что ни берете вы в добычу, — пятая часть богу, посланнику и родственникам его, сиротам, бедным, путешественникам...» (8, 42). Военнопленные являются частью ганимы, полная власть над ними передается главе мусульманской общины — има-

му. Он может обратить их в рабство, отпустить на волю или казнить.

Что же касается второго случая — завоевания путем договора, то сам Мухаммед различал, с одной стороны, завоевание идолопоклонников, а с другой — завоевание евреев и христиан, обладателей богооткровенных книг. Эти книги, несмотря на то что после Корана считались утратившими силу, все же давали евреям и христианам право считаться «людьми писания» (ахль аль-китаб), верующими в одного из пророков (ср., например, Коран, 5, 51: «Верующие в Евангелие должны судить по тому, что в нем ниспослал бог; те, которые не судят по тому, что ниспослал бог, те — нечестивы»). Тем самым Мухаммед даровал им после их подчинения право свободно отправлять их культ при условии уплаты подати. Кроме того, вскоре «людьми писания» стали считать сначала зороастрийцев, которых мусульмане впервые встретили в Бахрейне, затем самаритян в Палестине, а позднее, при халифе Мамуне (IX в.), — сабиев в Харране, которым удалось выдать себя за потомков легендарных сабиев Корана (например, 2, 50: «Истинно и верующим, и иудействующим, и назарянам, и сабеям, тем, которые веруют в бога, в последний день и делают доброе, — им награда у господ их...»). Позднее, в XIV в., эта веротерпимость была распространена на китайцев. Таким образом, эти взятые под покровительство люди были «людьми договора, обязательства» (ахль аз-зимма, или зимми). За исключением этих зимми, всем немусульманам, считавшимся материалистами (дахри) или идолопоклонниками, предоставлялся в принципе выбор между смертью и обращением в ислам. Но практически это различие исчезло довольно рано, и категории зимми стали относить всех тех, кто подчинялся налагаемым этим названием обязательствам (так было с некоторыми идолопоклонниками в Индии). Каковы же были эти обязательства?

В уплату за право свободно отправлять культ все жители мужского пола в завоеванных странах должны были вносить в казну ислама подушный налог (джизья), установленный Кораном за веротерпимость (9, 29): «Воюйте... с теми из получивших писание, которые не принимают истинного вероустава, доколе, покада они не будут давать выкупа за свою жизнь...» Размеры подати

устанавливались договором. Женщины, дети и старики, с которыми нельзя сражаться, освобождались от уплаты; рабы — также; монахи — в том случае, если они были бедны. Эта подать должна была выплачиваться деньгами, но можно было вносить ее и натурой (только не вином и не подохшими или не зарезанными, а убитыми каким-либо иным способом животными). Неплательщиков не полагалось подвергать телесным наказаниям, а надлежало заключать в тюрьму.

Зимми, находившийся под покровительством, платил за недвижимость (независимо оттого, арендована она или составляет его полную собственность) поземельную подать (харадж, возможно, от греческого «хорегия»). Впрочем, такая подать существовала и раньше в областях, подпавших под византийское или иранское господство. Уплачивали ее продуктами, которые затем мусульмане обращали в деньги с помощью своих уполномоченных.

Зимми должны были выполнять также ряд обязанностей и подвергаться некоторым ограничениям. Они вносили контрибуцию на содержание мусульманских войск, были обязаны носить особую одежду и отличительные знаки на ней (гийяр); им было запрещено ездить на лошадях и иметь оружие¹⁴, воздвигать новые здания религиозного культа и демонстративно совершать богослужения; их свидетельские показания не были действительными в мусульманском суде; в случае убийства за них не полагалось кровной мести, а только возмещение деньгами. Зато личность и имущество зимми, так же как у мусульманина, находились под защитой закона.

Термины — джизья и харадж, обозначавшие два вида податей, уплачиваемых зимми, вначале иногда употреблялись один вместо другого. Только впоследствии твердо установилось различие, и основным источником пополнения казны особенно после великих завоеваний Омара стал харадж. Омар распределил военную добычу между завоевателями. Но то ли для того, чтобы создать источник податей, то ли для того, чтобы воины не осели на завоеванных землях, он оставил обрабатываемые земли тем, кто ими пользовался раньше, установив по-

¹⁴ Эти ограничения были введены в IX в.

дать, которая продолжала взиматься и после обращения этих земледельцев в ислам. Но исламизация покоренного населения вызвала постепенное прекращение уплаты хараджа: со временем случаи перехода в ислам учащались, и власти силою обстоятельств были вынуждены разрешать новообращенным мусульманам, освободившимся от хараджа, платить налоги наравне с мусульманами-арабами. Мы знаем, что халифы Омейяды, за исключением благочестивого Омара II, обычно неблагосклонно смотрели на принятие ислама, так как в земледельческих районах это делалось чаще всего из материальных побуждений, а доходы казны уменьшались. Например, за период от Османа до Муавии доход от податей, получаемых с Египта, уменьшился вдвое вследствие обращения коптов в ислам.

Государственная казна (бейт аль-маль) была учреждена еще при жизни Мухаммеда. Тогда же были составлены списки населения и определено право отдельных мусульманских семей в зависимости от древности их рода получать доходы с завоеванных земель. Этим объясняется исключительное значение арабских родословных. В период завоеваний налоговый аппарат был значительно расширен. Это было нечто вроде социальной революции, которую правильно считают одной из причин убийства халифа Османа. Одним словом, доля бога (маль аллах) быстро превратилась в достояние общины (маль аль-муслимин). По примеру византийских и иранских учреждений было организовано государственное казначейство, которое, естественно, также должно было предрепевать эволюцию.

Теоретически государственной казной ведал имам, светский и духовный глава мусульманской общины, или его представитель. Источники доходов казны — это с одной стороны, джизья (подать за веротерпимость) и харадж (поземельная подать), уплачиваемые зимми (находящимися под покровительством), с другой стороны — закят (налог на нужды благотворительности), узаконенная милостыня, выплачиваемая мусульманами, называемая также ушр (десятина) в тех случаях, когда ее взимали с возделанных земель (негодные для обработки земли принадлежали имаму). Было еще два единовременных налога: во-первых, хумс (одна пятая часть) — налог на полезные ископаемые, клады и т. п.;

во-вторых, право фиска на долю наследства при отсутствии прямых родственников по мужской линии. Как увидим ниже, закят и хумс расходовались (по крайней мере, в теории) согласно установленным правилам.

Эти подати и налоги взимались правителями провинций, многие из которых до того были начальниками военных лагерей в тех же областях. Размах завоеваний требовал организации военных центров в различных частях империи. Историк Масуди¹⁵ перечислял в одном из своих сочинений семь основанных мусульманами городов (амсар), — это Басра и Куфа, заложенные в начале завоевания Ирана (первая — около 635 г.); Фустат (Старый Каир — около 640 г.); Рамла в Палестине и Васит в Ираке (начало VIII в.); Багдад, основанный халифом аббасидом Мансуром около 762 г.; Самарра, основанная Мутасимом около 835 г. Этот халиф, как сообщает Масуди, первым взял к себе на службу тюркских наемников. Он покинул Багдад, по всей вероятности, вследствие того, что жители этого города с трудом переносили присутствие этих иноземцев. Семь халифов были вынуждены избирать своей резиденцией Самарру, этот Авиньон халифов, имеющий большое значение для изучения мусульманского искусства.

В некоторых областях, в частности в тех, которые были завоеваны у византийцев, военная организация не была изменена. В Сирии, например, пять военных округов (джунд — легион), точно скопированных с византийских фем, получили известность под названиями Палестина, Иордания, Дамаск, Хомс и Киннасрин. Харун ар-Рашид организовал джунд в Киликии.

Административное устройство. Руководство священной войной и управление завоеванными территориями были обязанностями халифа в силу его положения.

Халиф должен был принадлежать к племени курейш. Он был неограниченным властелином. Восставать против него значило восставать против аллаха, — так говорилось в священном предании. Он, по крайней мере в теории, был выборным. Пережиток этого положения сохранялся даже во времена наследственного халифата в форме присяги на верность, приносимой халифу при

¹⁵ Масуди (ум. в 956 г.) — арабский историк, географ и путешественник.

его восшествий на престол. Одним словом, халиф считался представителем (наибом) Пророка и охранителем закона (шариата), установленного богом.

Начиная с правления Омара титул «халиф» (точнее: халифа расуль аллах — заместитель посланника аллаха) носил духовный и светский глава общины. Позднее смысл слова был расширен, и «халифом» мог называться глава религиозного братства и даже чиновник (например, в Марокко).

В своем высоком звании «заместитель (халифа) Пророка», халиф выполнял обязанности, с одной стороны — верховного главнокомандующего армиями завоевателей (отсюда его титул «повелитель верующих» — амир аль-муминин, принятый Омаром), с другой — руководителя общественной молитвой (имам). Откровенно говоря, Омейяды (об этом не мешает напомнить еще раз) были скорее «повелителями верующих», чем имамами, хотя многие из них и имели обыкновение предстоять на общественной молитве. В их времена изучение религиозного закона было сосредоточено в Медине. Но после восшествия на престол Аббасидов центр этого изучения переместился из Медины в Багдад. В то время как Омейяд был преимущественно главой государства, Аббасид был монархом-первосвященником, который облачался в плащ Пророка (бурда, хирка) и не упускал случая, чтобы официально подтвердить свое родство с ним.

Но высокое положение отдаляло халифа не только от его подданных, но и от административного аппарата, что позволяло последнему действовать и развиваться вполне самостоятельно. Диваны (множественное число — дававин, откуда французское *douane* — таможня) вначале были податными регистрами, составлявшимися на греческом языке (в Сирии и Египте) или на пехлеви (в Иране), затем их стали переводить на арабский язык, и начиная с правления Абд аль-Малика они составлялись уже только на арабском языке. При Аббасидах диванами назывались органы управления финансами, халифскими земельными владениями, государственная канцелярия и т. д. Стал необходим посредник — везир для связи между этими различными учреждениями и государем. Этот институт везиров таил в себе зародыш упадка: халиф, полагаясь во всем на своего везира, утратил привычку к власти. По-видимому, это

превращение должности простого писца (катиба) путем придания ему обязанностей и преимуществ премьер-министра было проведено в пользу Халида, первого представителя знаменитой фамилии Бармекидов в правление халифа Мансура; сын Халида — Яхья, министр Харуна ар-Рашида, был облечен неограниченной властью и фактически правил империей в течение семнадцати лет.

Однако не следует представлять себе халифат как строго централизованное государство. Провинции сохраняли широкую административную и финансовую автономию, которой благоприятствовало улучшение работы почтового ведомства, заимствованного Омейядами у византийцев и иранцев. Начальники почтовых станций, назначаемые халифом или везиром, стали мало-помалу агентами разведки, и правителям провинций приходилось иногда остерегаться их.

Не только административным органам была полезна работа почты; торговля тоже получала от нее немалую выгоду. При Аббасидах Басра, например, стала не только средоточием деятельности богословов и философов, но и торговым центром. Сюда ввозились товары с Дальнего Востока (шелка, пряности, ценные породы дерева, изделия из слоновой кости). Предметами вывоза были изделия из стекла, финики, оружие, ткани, ковры, драгоценные украшения, и все это направлялось на Запад. Что касается морской торговли, то мы уже знаем, что корабли Аглабидов бороздили воды Средиземного моря. В IX в. флоты испанских Омейядов имели гавани для стоянок на берегах Франции, а корабли Аглабидов — на итальянском побережье. В восточной части Средиземного моря арабы вытеснили византийцев, став посредниками между Европой и Азией, хозяевами торговли, которую в конце концов парализовали этнические и политические распри.

Усиление полиции, созданной Омейядами, шло одновременно с развитием империи. К префекту полиции (сахиб аш-шурта, начальнику стражи, позднее называвшемуся вали) присоединился инспектор (мухтасиб), в обязанности которого входило наблюдение за дорогами, надзор за нравами, а также контроль за мерами и весами (сура 83 Корана предает проклятию мошенников). Наконец, халиф, подобно тому как он предоставил руководство молитвой провинциальному имаму, свою

судебную власть передал кади. Эти две функции то совмещались в лице правителя провинции, то поручались отдельным должностным лицам, назначаемым самим халифом. Кади должен был быть начитанным и честным человеком, очень хорошо знать своды законов того толка (мазхаба), к которому он принадлежал. Кроме ведения судебных дел, он должен был управлять имуществом несовершеннолетних и недееспособных и выморочным имуществом, — одним словом, разрешать все тяжбы, гражданские и уголовные. Но фактически судебные органы в мусульманском мире были всегда двойственными, светскими и духовными. Все те дела, которые не могли быть разрешены на основе канонического права, оказывались вне юрисдикции кади. Теперь уместно рассмотреть, на каких основах покоилось мусульманское право.

ОСНОВЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Коран

Коран — это Библия ислама. Что значит слово «коран»? Мусульманские ученые спорили о произношении, значении и смысле этого слова. Коран (кур'ан) происходит от арабского корня кара'а — «читать» или, чаще, — «произносить речитативом, декламировать». Коран — откровения, которые аллах ниспосылал Мухаммеду и которые Пророк затем излагал. Эта священная книга ислама называется иногда китаб (книга, библия) или зикр (предостережение).

Коран делится на 114 глав, или, по-арабски, сур. Это слово, происхождение которого неясно, первоначально, очевидно, значило «откровение», затем — «собрание нескольких откровений или отрывков из откровения». Слово «сура» встречается в некоторых стихах Корана, в которых неверующим предлагается сочинить одну или несколько равноценных сур (например, 2, 21; 10, 39; 11, 16), а также там, где аллах заявляет, что он подавал знамения (аят) посредством суры (24, 1); кроме того, это слово встречается в главе, предписывающей мусульманам идти на войну за своим Пророком (9, 87):

Впоследствии для удобства чтения вслух Коран был разделен на тридцать частей (джузов) или на шестьдесят частей (хизбов — разделов).

Число стихов Корана (6211) составляет примерно две трети стихов Нового завета. Коран стал бы намного меньше, если из него изъять многочисленные повторения, неизбежные и даже необходимые в подобном

произведении. Лэн-Пуль¹ довольно справедливо замечает: «Если отбросить еврейские сказания, повторения, призывы преходящего значения и личные требования, то речи Мухаммеда займут очень мало места».

Мухаммед и откровение. Какому источнику приписывал Мухаммед свои откровения? Он говорил, что этот источник — «небесная книга», «мать писания» (13, 39), доступная лишь тем, кто пребывает в состоянии чистоты. Сам Мухаммед познал лишь некоторые части этой книги, которые были ниспосланы ему на арабском языке.

Относительно того, каким образом осуществлялись эти откровения, Коран содержит лишь весьма смутные указания. Несомненно, Мухаммед никогда не высказывался ясно по этому вопросу. Точно установлено одно: аллах беседовал с ним через «духа», которого Мухаммед изображает в виде ангела и называет Гавриилом (Джабраилом). Этот дух ранее наставлял предшественников Мухаммеда: «Иисусу, сыну Марии, мы дали ясные указания и укрепили его духом святым» (2, 81 и 254). Что же касается самого Мухаммеда, то аллах повелел ему объявить неверным следующее: «Скажи: истинно, дух святой от господина твоего низводит его» (16, 104).

Вероятно, Мухаммед не сразу дал имя духу, наставлявшему его. В одном из наиболее красивых мест Корана (53) первого периода он говорит о том, что ему кто-то являлся, но не называет его. Только в одной из самых последних частей Корана он делает это (2, 91).

По преданию, Мухаммед слышал сначала какой-то гул. Затем у него начинался как бы приступ лихорадки: он бледнел, дрожал, просил, чтобы его укутали в плащ. Некоторые поздние историки — византийцы — говорили об эпилепсии. Возможно, Мухаммед страдал этой болезнью. Ведь известно, что в средние века и на Востоке и на Западе считалось, что такие больные одержимы каким-то духом. Мухаммед все чаще впадал в экстаз после первого откровения, которое произошло в месяце рамадане (ср. Коран, сура 97). Вот почему этот месяц впоследствии стал периодом поста.

Предание утверждает, что в начале своей пророче-

¹ Лэн-Пуль, Стэнли — английский востоковед,

ской миссии и еще ранее Мухаммед много постился и очень часто проводил ночи в молитве. Если этот факт (а его оспаривают) верен, то пост, ослабляя его силы, мог способствовать возникновению видений, которые являлись ему главным образом по ночам. Одно из самых известных видений — это ночное вознесение Мухаммеда. Во время его сна архангел Гавриил посадил его на сказочное животное, носившее кличку Бурак, нечто вроде кентавра женского пола. Бурак понесла его к Иерусалиму, Хеврону, Вифлеему, где он встретил Авраама, Моисея и Иисуса. Это вознесение стало излюбленной темой для мусульманских поэтов и миниатюристов. С ним связывают одно из приписываемых Пророку чудес: след (кадам шериф), запечатленный его ногой на скале у мечети в Иерусалиме в тот момент, когда он садился на Бурак. Такой же след верующие находят во многих других местах мусульманского мира.

Конечно, весь Коран не мог быть плодом экстаза, так как экстаз предполагает сильнейшее возбуждение, при котором говорят лишь отрывочными словами или фразами. Можно допустить, что даже самые древние части Корана подверглись впоследствии некоторым изменениям, но нельзя доказать этого неопровержимо. Тем не менее одной из основных черт Корана остается его отрывочный характер. Это бросающееся в глаза отсутствие композиционной целостности как раз и происходит от характера вдохновений Мухаммеда. Частые переходы от одной темы к другой объясняются тем, что откровения Мухаммеда вызывались главным образом нападками его противников в Мекке и политическими и им подобными обстоятельствами в Медине. Впрочем, в самом Коране (3, 5) мы находим четкое определение различия между стихами, смысл которых ясен, и стихами, могущими иметь различный смысл. Более того, некоторые откровения являлись отрицанием не только предписаний прежних религий, но и коранических стихов, прежде произнесенных Мухаммедом: «Когда мы отменяем какое-либо знамение (т. е. стих Корана) или повелеваем забыть его, тогда даем мы другое, лучшее трюго или равное ему» (2, 100). Одним словом, аллах не останавливался перед отменой ранее данных им предписаний. Эта особенность породила целую библиотеку комментариев к стихам отменяющим и стихам отмененным.

Но в глазах Мухаммеда его религия имела тот же источник, что иудаизм и христианство: все три религии исходят непосредственно из одной и той же небесной книги. Коран был ниспослан «на чистом арабском языке», и о нем упоминается (в виде предсказания) «в книгах древних писаний» (26, 195—196); он подтверждает законы Моисея, Евангелие Иисуса, псалмы Давида. Но Мухаммед, вне всякого сомнения, не был непосредственно знаком с этими священными книгами. Как Коран (7, 156, 158; 62, 2), так и предание изображают его неграмотным (умми), неспособным читать тексты священных книг. Это тождество ислама и предшествовавших ему религий Мухаммед безоговорочно провозглашал во время своего пребывания в Мекке. Но в Медине он смягчил категоричность этих утверждений. В тех частях Корана, которые относятся к этому второму периоду его жизни, говорится, что евреи получили только часть Писания и (что еще более важно) «переставляют слова сии из своих мест» (4, 48): «Знающие Писание! К вам пришел посланник наш; он ясно укажет вам многое из того, что скрыли вы из Писания, и отменит многое» (5, 18). Неоспоримо, что Коран косвенно отражает влияние многочисленных в тогдашней Аравии сект, вышедших из иудаизма и христианства.

Но в начале своей деятельности Мухаммед испытывал еще более сильное влияние арабского язычества, от которого он стремился освободиться. Самый стиль Корана, неправильный ритм его часто рифмующихся между собой фраз (в трех сурах некоторые стихи повторяются как рефрен), как мы видели, не лишен сходства с саджем, особой формой прозы, в которой рифмующиеся между собой слова повторяются через равные промежутки. Эта форма риторики предшествовала, по всей вероятности, правильному стихосложению (арабские историки сохранили несколько ее образцов). Но это — только кажущееся сходство, так как подлинный садж требует ритмической и гармонической точности, которой нет в Коране. Первоначально садж, позднее вновь появившийся в арабской литературе в сильно преображенном виде, был формой речи, применявшейся языческими кахинами. Арабское слово «кахин» сближалось с древнееврейским «кохен». Но это лишь поверхностная аналогия: кохен — жрец и богослов, а кахин по сво-

ей природе—прорицатель, гадатель. Прорицатель играл главную роль во времена арабского язычества. К нему обращались в наиболее важных случаях: советовались относительно войны, которой он иногда руководил, просили разрешить спор, помочь найти пропавших животных или вещи, обнаружить виновника преступления. Видения кахина, как полагали, исходили от нечистой силы, они были внушены демоном (джинном, шейтаном).

Но Мухаммед говорил уже не о демоне, а о некоем духе. Кахин выражался туманно, заклятиями. В самых древних частях Корана встречаются такие же заклятия.

Рифмованная проза, участие таинственного духа, часто повторяющиеся заклятия давали основание противником Мухаммеда считать его кахином, или, точнее, поэтом (шаиром), что по сути дела одно и то же, так как считалось, что вдохновение языческого шаира исходило тоже от лукавого. С другой стороны, понятно и то, что Мухаммед отрицал это (52, 29; 69, 42; 81, 22) и объявил себя врагом поэзии (26, 221 сл.), что не мешало ему использовать при случае талант поэтов.

Некоторые считали, что язык Корана— это народный язык, который впоследствии изменился, но такое мнение не выдерживает критики. Что же касается стиля Корана, то страстного, то спокойного, стиля скорее оратора, чем поэта, то он менялся в зависимости от периода, в который происходили откровения. Эти изменения позволили, как мы увидим ниже, установить, хотя и очень приблизительно, хронологию сур.

Установление текста Корана. Когда Мухаммед умер, ни один сборник текстов Корана не был еще окончательно составлен. Конечно, стихи, содержавшие некоторые первые откровения, не сохранились. Но очень значительные фрагменты были уже записаны на плоских костях, пальмовых листьях или камнях. Будущие священные города ислама были значительными торговыми пунктами, и жители их, конечно, умели читать и писать. Предание упоминает даже имена людей, которые якобы состояли при Пророке в должности писцов: Убейи ибн Кааб, Абдаллах ибн Абу Сарх, и, в особенности, Зейд ибн Сабит.

Заслуга составления первого сборника этих разрозненных текстов принадлежит преемнику Мухаммеда,

Абу Бекру или, вернее, Омару, который посоветовал Абу Бекру осуществить эту работу. В 11-м или 12-м году хиджры многие люди, знавшие наизусть стихи Корана, погибли на войне, которая велась против лжепророка Мусейлимы. Омар, опасаясь полной утраты священного текста, убедил (около 633 г.) Абу Бекра приказать собрать откровения. Сначала Абу Бекр не решался взяться за дело, о котором ничего не говорил ему Пророк. Но в конце концов он уступил и обратился к молодому Зейду ибн Сабиту, и тот собрал все то, что удалось ему найти из записанных фрагментов, и то, что хранилось в памяти сподвижников Пророка. Эти отрывки он объединил, переписал их на отдельные листки (сухуф) и вручил Абу Бекру.

Эта первая запись Корана, не получившая официального признания, была произведена по инициативе Абу Бекра и Омара. Через несколько лет, при халифе Османе, во время установления канонического текста Корана, она приобрела большое значение.

После смерти Абу Бекра эта первая запись Корана стала собственностью халифа Омара, который, по преданию, завещал ее своей дочери Хафсе, одной из вдов Пророка. По-видимому, можно утверждать, что сухуф в первоначальном их виде, как собрание материалов, отличались от редакции, произведенной Зейдом. Таким образом, использованные уже сухуф утрачивали свое значение и, очевидно, были вручены Хафсе просто в качестве сувенира.

Впрочем, эта редакция Зейда не была единственной. Другие обработки материалов приписывались четырем сподвижникам Мухаммеда: Убейи ибн Каабу, Абдаллаху ибн Масуду, Абу Мусе Абдаллаху аль-Ашари и Микдаду ибн Амру. В них встречались мелкие расхождения, о которых не стоило бы говорить. Но эти расхождения породили разногласия среди верующих: первая редакция была, по преданию, принята жителями Дамаска, вторая — Куфы, третья — Басры, а четвертая — Хомса. Начавшиеся споры создавали угрозу для единства ислама. По преданию, военачальник Худейфа посоветовал халифу Осману (около 650 г.) приказать установить окончательную редакцию Корана. Тогда Осман обратился к Зейду ибн Сабиту, автору первой обработки, и дал ему в помощь других курейшитов.

Есть основание предполагать, что, действуя таким образом, Осман преследовал не только религиозные, но и политические цели. Достигнув трудным путем верховной власти, он хотел укрепиться там, установив окончательный, не подлежащий изменению текст священной книги. Было сделано несколько списков Корана. Один хранился в Медине и стал эталоном, «имамом»; другие были разосланы, вероятно, в Куфу, Басру и Дамаск, где находились значительные арабские гарнизоны. Возможно также, что жители этих городов пользовались другими редакциями Корана, содержащими расхождения с каноническим текстом; другие редакции, по-видимому, были впоследствии уничтожены. Предание утверждает, что Осман сделал один список Корана своею собственной рукой. Если это так, то скорее всего речь идет о мединском списке. Но представляется более правдоподобным, что он предоставил этот труд Зейду.

По преданию, в этом официальном Коране было на две главы меньше, чем в редакции Убеи, и на две главы больше, чем в редакции Ибн Масуда. Кроме того, между списками существовали некоторые различия в орфографии и лексике.

Но встал и значительно более серьезный вопрос: не содержатся ли в османовской редакции апокрифические места?

Хариджиты, например, отвергли двенадцатую суру, заявив, что любовный тон повести об Иосифе и жене египетского вельможи делает ее недостойной святой книги. Они считали, что такого рода вдохновение не может исходить от аллаха. Но не говоря уже о том, что только часть этой суры посвящена любовной истории, она, по свидетельству устного предания, имелась в древнейших записях частных лиц. К тому же, по справедливому замечанию Нёльдеке², она и по языку и по стилю вполне соответствует другим частям Корана.

Шииты утверждают, что места, где шла речь об Али и его семье, были опущены по приказу Османа. В доказательство своих утверждений они указывают на бессвязность некоторых мест и считают, что подлинный текст Корана, тайно передаваемый каждым шиитским

² Нёльдеке, Теодор (1836—1930) — немецкий востоковед, автор монографии «История Корана» и многих других исследований.

имамом своему преемнику, в конце концов будет открыт, когда появится «скрытый имам».

Повторяем: несомненно, Коран в том виде, в каком он дошел до нас, не содержит всех откровений. Зато в нем обнаружено много дополнений разъяснительного характера и вставок (не имеющих серьезного значения), встречаются и перестановки фраз. Но не может быть и речи о какой бы то ни было фальсификации: она немедленно вызвала бы протесты правоверных. Да и самые ранние арабские историки хранят молчание по этому поводу.

Двадцать девять сур, из которых почти все относятся к периоду, непосредственно предшествовавшему хиджре, начинаются с отдельных букв. Эти буквы до сих пор приводят в смущение мусульманских и немусульманских толкователей Корана. Мусульманские ученые, сначала предполагавшие, что это сокращения каких-то слов, и искавшие в них смысл, потом стали считать их тайной, известной одному аллаху. Некоторые европейские востоковеды также считали их сокращениями. Другие видели в них инициалы имен первых владельцев тех списков, которыми пользовался Зейд. Заглавия сур были даны в более поздние времена, разбивка на стихи также была сделана позднее.

Не следует думать, что редакция Корана, выполненная по приказу халифа Османа, не претерпела дальнейших изменений. Основными причинами таких изменений являлись ошибки, допущенные переписчиками; заученные в старой редакции священные тексты, которые сохранялись несмотря ни на что в памяти профессиональных чтецов Корана; несовершенство и неточность арабского письма, в котором легко принять одни буквы за другие, а краткие гласные и вовсе не обозначаются (что, однако, не мешает сразу же распознавать, стоит ли, например, глагол в действительном или страдательном залоге и в каком он стоит лице, и следует ли удваивать ту или иную букву). Омейяды, которых мало заботили подобные религиозные вопросы, не стремились устранить источники расхождений. Между тем эти расхождения вызывали все большее беспокойство верующих. Наконец, в X в. н. э. после нескольких попыток был окончательно установлен официальный текст, подкрепленный авторитетом семи известных богословов, к

каждому из которых было приставлено по два опытных чтеца Корана. Тогда разногласия прекратились. В XI в. авторитет этих богословов, редакторов Корана, был признан почти всеми. Из принятых тогда семи способов чтения Корана сохранились два: один был выработан в Египте, другой — в Северной Африке. Во второй половине VIII в. было усовершенствовано арабское письмо путем введения знаков для обозначения гласных — сначала точек, затем черточек, что полностью устранило возможные ошибки при чтении.

Содержание и хронология Корана. Известно, что порядок расположения сур в Коране зависит от их размеров: самые короткие (и в то же время самые древние) суры находятся в конце Корана. Зейд и его сотрудники не могли исходить при этом из содержания стихов, так как отрывочный характер откровений мешал этому. Они не могли думать о хронологическом порядке расположения сур и стихов, так как время для его установления было уже упущено. Однако в этом расположении сур в порядке убывающей длины есть два исключения: во-первых, две последние суры (113-я и 114-я, те самые, которых не было в Коране Ибн Масуда) не являются самыми короткими; впрочем, они имеют совершенно особый характер; в сущности, это заклинания против злого духа; во-вторых, первая сура (фатиха — «открывающая») помещена в начале книги (хотя в ней всего лишь семь стихов) несомненно потому, что она имеет форму молитвы; ее обычно заканчивают словом «аминь», чего не делают по окончании чтения других сур; имеется указание как можно чаще читать ее (15, 87).

Этот искусственный порядок расположения сур, принятый Зейдом и его сотрудниками, не мог удовлетворить вдумчивые умы. Уже в раннем периоде толкователи заметили резкие различия в стиле отдельных частей Корана и усмотрели несколько беглых намеков на события из жизни Мухаммеда. Так встал вопрос о датировке сур.

Конечно, такая датировка должна была основываться на выяснении причин, вызывавших отдельные откровения, а для этого не хватало точных сведений. Тем не менее, сура 8-я кажется связанной с битвой при Бедре, 33-я — с войной у рва, 48-я — с соглашением в Худейбии, в суре 30-й встречается упоминание о поражении,

нанесенном византийцам иранцами около 614 г. Но таких данных очень мало, и все они относятся к мединскому периоду. Мусульманские толкователи всячески старались открыть в отдельных стихах Корана какие-нибудь намеки на исторические факты, но полученные ими результаты слишком часто оказывались спорными.

Поэтому непосредственное исследование стиля Корана представляется более надежным для установления хронологии его текста, чем предположения исторического характера. Некоторые арабские толкователи и раньше уже делали попытки в этом направлении. Самарканди, например, отметил, что мекканская и мединская группы сур имеют каждая свое особое выражение для обращения к верующим («О люди!» и «О верующие!»). Короче говоря, при классификации текстов Корана их можно разделить на две группы: мекканскую (до хиджры) и мединскую (после хиджры). Не будучи абсолютным, этот критерий дает определенные положительные результаты.

До хиджры. В преданиях содержится очень мало сведений о сурах первого периода. Хронологически факты жизни Мухаммеда не вполне установлены, особенно это относится к периоду, предшествовавшему хиджре. Ибн Хишам³, лучший биограф Мухаммеда, не приводит, собственно говоря, ни одной даты, что очень затрудняет точную датировку мекканских сур. Но некоторые идеи Корана относятся несомненно к этому первому периоду. Так, когда Мухаммед с жаром говорит о будущем воскресении из мертвых и существовании единого бога; когда он энергично заявляет, что он вовсе не поэт; когда он осуждает языческий обычай погребения заживо новорожденных девочек, — речь, несомненно, идет об откровениях, ниспосланных ему в Мекке. Попутно важно заметить, что на первых порах ведущей мыслью Мухаммеда было не единобожие, а близящийся страшный суд. Эта мысль, по всей вероятности, была заимствована им у христиан.

Основываясь на критериях, взятых из самого Корана, именно на его лексике и стиле, немецкий востоковед

³ Ибн Хишам (ум. в 834 г.) — арабский филолог, переработавший биографию Мухаммеда, написанную Ибн Исхаком в VIII в.

Г. Вейль⁴, а вслед за ним Т. Нёльдеке делят суры мекканских откровений на три группы.

1. В первую группу входят совершенные в литературном отношении суры. Возвышенный стиль, украшенный смелыми образами, короткие и очень ритмичные стихи содержат простые и в то же время строгие наставления. Смысл этих стихов зачастую неясен, особенно в тех случаях, когда делаются трудноуловимые намеки. Кроме того, в этой группе очень часто встречаются заклятия, основанные в большинстве случаев на явлениях природы, но многие из них также остаются загадкой. Эти заклятия призывают человека поразмыслить о своем спасении. Короткие, выражающие смятение чувств суры не все были поняты современниками Мухаммеда. Древнейшей из них считается сура 96.

2. Суры второй группы спокойнее, заклятия в них постепенно уступают место формуле: «Это — откровение аллаха!» или приказанию: «Говори!», с которым аллах обращается к своему Пророку. Предсказание о страшном суде отступает на задний план перед провозглашением единобожия: Мухаммед решительно порывает с идолопоклонниками. Суры становятся длиннее. В них встречаются некоторые, еще смутные указания относительно правил поведения и обрядов, намеки на предшествовавших Мухаммеду пророков.

3. Таких сказаний о пророках становится все больше в третьей группе мекканских сур, что является, по-видимому, смутным отражением легенд еврейской агады⁵. Такие сказания занимают примерно 1500 стихов, т. е. одну четвертую часть Корана. Они стремятся показать неверным, как в старые времена бог поражал людей, отказывавшихся внимать пророкам. Эта изобилующая повторениями третья группа сур, написанных уже не столь уверенным стилем и скорее риторических, нежели поэтических, — наименее примечательная часть книги, несмотря на то что легенды имеют фольклорный интерес. Заклятия, столь частые в более древних сурах, окончательно исчезают. Аллах часто обозначается словом рахман («милостивый»). В позднейших сурах это

⁴ Жил в 1808—1889 гг.

⁵ Агада — отрасль талмудической литературы, содержащая религиозно-этические представления и предписания.

слово исчезает. Один востоковед объясняет это следующим образом: Мухаммед, должно быть, опасался, как бы верующие не увидели в этом рахмане божество, отличное от аллаха. В худейбийском соглашении мекканцы, отказавшись от формулы, содержащей это имя, сохранили старую формулу: «Во имя твое, о аллах!»

Итак, первая группа сур поэтического тона соответствует первым четырем годам деятельности Мухаммеда; вторая группа, полупоэтического-полуриторического тона — пятому и шестому годам, и третья группа, риторического тона, содержит суры откровений шестого года до хиджры. Такова классификация мекканских частей Корана, принятая Нёльдеке. «Картины конца света и страшного суда, написанные яркими красками, призывы готовить себя к ним, оставив неверие и мирскую жизнь, повествования о судьбе древних народов и их отношении к пророкам, которые были посланы к ним, повествование о сотворении мира и чудесном создании человека для доказательства всемогущества бога и зависимости от него всякой твари, которую он может уничтожить и воскресить по своей воле, — таково содержание древнейших частей этой книги откровений» (Гольдциер).

После хиджры. Предписания появляются только в тех частях Корана, которые содержат откровения следующего за хиджрой периода. Эти суры мединского периода написаны религиозным и политическим законодателем, который должен был уже не проповедовать свою религию, а систематизировать религиозное учение и в то же время заложить фундамент нового общества. По стилю эти суры почти не отличаются от мекканских сур третьей группы, если не считать новых слов, введенных в различных предписаниях. По вопросу о последнем стихе откровений мнения разделились. Многие авторы сходятся на том, что это стих 5 суры 5.

Что же касается содержания, то в сурах имеются некоторые намеки на происходившие тогда события. Так, есть призыв должным образом уважать Пророка и его семью; восхваление тех, кто умирает на «пути божьем», выпады против «лицемеров», этих фарисеев ислама, и против христианской троицы (например, 4, 169: «Мессия Иисус, сын Марии, есть только посланник бога, есть слово его, низведенное им в Марию, есть дух

его... не говорите: троица... бог только есть единый». Действительно, Иисус появляется только в мединских сурах); встречаются также выпады против евреев. По поводу евреев следует напомнить, что в мекканских сурах Авраам выступает только в качестве одного из пророков, предшествовавших Мухаммеду, вне всякой связи с арабами. В мединских же сурах, после разрыва Мухаммеда с евреями, деятельность Авраама стала связываться непосредственно с арабами: согласно Корану, он со своим сыном Исмаилом создал не только мекканское святилище, но и чистую первоначальную религию, ту самую, которую стремится восстановить Мухаммед и которую исказили евреи и христиане.

Предписания по религиозным, гражданским и уголовным делам собраны главным образом в сурах 2, 4 и 5, насчитывающих более 500 стихов (примерно десятая часть Корана). Однако в мединских сурах нельзя найти какого-либо кодекса законов в полном смысле слова, и следует еще раз повторить, что вопреки получившему слишком большое распространение ошибочному мнению мусульмане не ведут судопроизводство по Корану. Не следует также думать, что мединские суры имеют исключительно законодательный характер. Некоторые стихи в них относятся к одним из наиболее красивых мест Корана (так, 2, 135 и сл.). Некоторые другие стихи совершенно ясно излагают религиозные верования и обязанности образцового мусульманина (например, 2, 172: «Благочестие не в том, чтобы вам обращать лица свои к востоку или западу, но благочестивы те, которые веруют в бога, в последний день, ангелов, Писание, пророков; по любви к нему дают из имущества своего ближним, сиротам, бедным, странникам, нищим, на выкуп рабов; которые совершают молитвы, дают очистительную милостыню; верно исполняют обязательства, какими обязывают себя; терпеливы в бедствиях, при огорчениях и во время бед. Таковые люди праведны; таковые люди благочестивы»).

Гольдциер правильно распознал в предписаниях Корана, с одной стороны, реакцию против варварской усложненности языческих обрядов, а с другой — собрание правил, носящее эклектический характер. Например, обряды паломничества восприняты от арабского язычества; обряд молитвы связан с восточным христи-

анством; пост представляется подражанием еврейскому посту покаяния. В Коране прослеживаются и другие влияния. Гольдциер различает в нем следы гностицизма⁶ (в частности, в стихе, называемом «о свете», 24, 44) и маздаизма⁷.

Сунна

Пока Мухаммед был жив, он управлял мусульманской общиной, но когда он умер, оказалось, что содержащихся в Коране предписаний далеко не достаточно для разрешения всех государственных и общественных вопросов. Поэтому пришлось подумать о том, что могло бы заменить пророческие откровения, которые при жизни Мухаммеда пополняли Коран всякий раз, когда это бывало нужно.

Вначале применяли три способа. Именно, если ответа на какой-либо вопрос не могли найти в Коране, прибегали, во-первых, к «прецедентам», т. е. брали за образец действия и поступки Пророка (сунна); во-вторых, к древним обычаям Медины (из которых немало заимствований делал и сам Мухаммед); наконец, за неимением лучшего судья обращался к собственному чувству справедливости (рай).

Таким образом, уже в раннем периоде ислама проявились две противоречивые концепции. С одной стороны, использование предписаний закона, исходивших от Пророка, — концепция, основанная на документах; с другой — независимое исследование вопроса — концепция умозрительного характера. В первый период ислама факих (законовед, от фикх — законоведение), чтобы восполнить недостаток законодательных положений Корана и весьма ограниченное количество «прецедентов», должен был прибегать к раю, но этот прием, который получит большое распространение в более поздние вре-

⁶ Гностицизм — религиозно-мистическое учение, в котором элементы начального христианства перемешаны с некоторыми положениями платоновской, пифагорейской и стоической философий. Во II—III вв. получило распространение в странах Ближнего Востока.

⁷ Маздаизм — религия, основой которой являлся культ бога-благодетеля Мазды; в первой половине I тысячелетия до н. э. был распространен в Иране и Азербайджане. Его другое название — парсизм.

мена, был в тот период почти вытеснен сунной, приобретавшей все большее значение.

Что же такое сунна? В Коране встречаются выражения «сунна предков» и «сунна аллаха» в значении поведения аллаха по отношению к древним народам, подвергшимся каре за свое неверие. Но вне Корана слово «сунна» означало деяния, поступки и слова Мухаммеда. «Соблюдать сунну могло в известном смысле означать: подражать Мухаммеду» — совершенно правильно пишет Венсинк⁸. В расширенном значении сунна — свод обычаев и правил поведения древней общины — означала практику и теорию мусульманского правоверия. Она, так же как у евреев, передавалась устно и служила дополнением к писаному закону. Кто отходил от нее, впадал в состояние биды — «нововведения, новшества». Со временем слово бида получило значение «ересь» и даже стало синонимом слова куфр (полное неверие). Между тем бида являлась результатом заблуждения, допущенного в поисках истины, тогда как куфр — акт умышленного сопротивления. Но если консерваторы наложили запрет на нововведения, то либералы, учитывая эволюцию ислама, иногда разрешали его при условии «согласного мнения» религиозных авторитетов (иджма).

Вскоре было объявлено, что если сунна может обойтись без Корана, то Коран не может обойтись без сунны. Отсюда правоверные мусульмане получили название ахль ас-сунна — «люди сунны», или «сунниты».

Распространителями сунны выступали сподвижники Мухаммеда, в соответствующих случаях вспоминаящие о его поступках, словах и даже молчании, которые могли служить примером при определенных обстоятельствах. Таким образом, сунна очень рано была призвана дополнять «слово божие» независимо от того, согласовалась ли она с ним, давала ли толкование на него или вводила новые положения. Это породило наряду с правоведами, толковавшими и обсуждавшими тексты, определенную категорию ученых, задавшихся целью собрать и записать все предания (хадисы), касавшиеся даже мельчайших подробностей жизни Мухаммеда и его сподвижников.

⁸ Венсинк, Арент (1882—1939) — голландский исламовед.

Предания (хадисы)

Как же были собраны эти предания, которых насчитывалось тысячи?

Прежде всего обращались к еще жившим сподвижникам Мухаммеда (сахиб, мн. ч. сахаба), позднее — к табиун (преемникам сподвижников, первому поколению после Мухаммеда), а еще позднее — к «преемникам преемников». Хадис обязательно состоит из двух частей: текст (матн) и стоящие перед текстом имена тех, кто его сообщил, и тех, кому его сообщили (иснад — основание, опора). Гольдциер («Dogme», стр. 36 и сл.) приводит тексты некоторых, самых красивых преданий. Вот, например, одно из них, приписывающее Мухаммеду следующие слова:

«Люби бедных; всегда взирай на тех, которые стоят ниже тебя, и не взирай на тех, которые стоят выше тебя; не проси никогда ничего ни у кого; храни верность родственникам, хотя бы они и причиняли тебе горе; говори всегда правду, как бы она ни была горька; не позволяй свращать себя оскорблениями с пути божьего...»

Во время своей экспансии ислам пришел в соприкосновение с иноземными идеями и институтами. Это вызвало социальную эволюцию, и собиратели преданий постепенно пришли к *ria fraud* (невинному обману); они модернизировали некоторые предания, являвшиеся явными анахронизмами, поражавшими самих мусульманских критиков; они поступали так, чтобы привести эти предания в соответствие с юридическими потребностями своего времени.

Эта эволюция хадисов происходила не без влияния религий покоренных народов. Гольдциер открыл в хадисах отголоски христианских евангелий и апокрифов, древнееврейских и эллинистических идей, вложенных в уста Мухаммеда с воспитательной целью. «Это одна из самых увлекательных проблем... определить, из каких источников по очень далеким ответвлениям происходят эти разнородные материалы, и открыть течения, о существовании которых они свидетельствуют». Гольдциер и Снук Хюртронье доказали, что во многих хадисах отражены те идеи, которые господствовали в исламе первого периода, и это придает им несомненную ценность

для изучения истории эволюции ислама. Некоторые хадисы содержат политические тенденции, выказывая благосклонность или недоброжелательство то к сторонникам Османа, то к Алидам и тем самым давая возможность установить время, когда они были записаны.

Но так же, как это происходило с Кораном, мусульманские ученые очень рано приступили к текстуальной критике хадисов. Их критика была направлена главным образом на передатчиков текстов, имена которых содержались в иснадах. Много трудов было посвящено изучению биографий этих лиц и выяснению того, в какой мере они заслуживают доверия. Последний вопрос нередко служил предметом оживленных споров. Все это привело в конечном счете к установлению довольно сложной классификации хадисов по степени их достоверности, основанной на надежности передатчиков, с чьих слов они были записаны (см., например, «Такриб» Навави в переводе В. Марсэ).

Было составлено много сборников хадисов. В первое время в таких сборниках хадисы располагались по именам передатчиков каждого из них (по иснадам, откуда произошло название муснад, даваемое такого рода сборникам). Позднее хадисы стали располагать по темам, а сборники разделяли на главы; отсюда название таких сборников: мусаннаф — разделенный на категории (санф). Шесть сборников второго рода, составленных в IX в. учеными-иранцами, считаются текстами, по своей авторитетности следующими непосредственно за Кораном. Роль иранцев в богословских науках была очень значительна, и великий арабский историк Ибн Халдун признает это, говоря: «Весьма примечателен тот факт, что большинство мусульманских ученых, выделявшихся своими познаниями, было иностранцами. Примеры другого рода чрезвычайно редки... Так было с людьми, знавшими на память хадисы... В большинстве случаев они были иранцами по национальности. Все великие ученые, изучавшие основы правоведения, все те, кто выдвинулся в области догматического богословия, и почти все толкователи Корана были иранцами... Преподавание всех наук стало специальностью иранцев».

В то время мусульманские ученые достигли известного единства мнений, так как укрепилось политическое

единство ислама. Следовательно, авторы сборников хадисов не выступали в роли смелых новаторов, иногда им приписываемой; их заслуга состояла только в том, что они собрали хадисы, считавшиеся тогда подлинными. Впрочем, авторитетность их сборников получила всеобщее признание только по прошествии некоторого времени. Впоследствии были изданы избранные места из них и были написаны комментарии (ведь хадисы зачастую были изложены архаическим языком, требовавшим пояснений). Они заняли свое место среди предметов, изучавшихся в университетах и школах мусульманского мира.

Правоведение (фикх)

В то время как знатоки священного предания считались только с буквой закона, другие ученые уже начинали обсуждать дух его. Наряду с ильмом, традиционной теологией и каноническим правом, появился фикх, составлявший их умозрительную часть. Установление отношений с людьми, значительно более утонченными, чем арабы (достаточно упомянуть только сирийцев и иранцев), и привитие вкуса к роскоши, которому сильно способствовали завоевания, все яснее выявляли недостаточность тех законодательных устоев, на которых зиждилось мусульманское общество. Омейяды, правившие в Дамаске, вели себя примерно так, как монархи древней Аравии, к вящему возмущению мусульманских староверов, замкнувшихся в Медине и, плохо ли, хорошо ли, добивавшихся там строжайшего соблюдения религиозного закона. В то время существовал как бы раскол между духовной властью и властью светской. Такое положение вещей не замедлило отрицательно сказаться на применении правоведения к потребностям практической жизни.

Но когда власть перешла к Аббасидам, наметился крутой поворот, по крайней мере внешне. Омейяды были главным образом носителями светской власти: Аббасиды же стремились быть в равной мере духовными и светскими правителями. В противоположность своим предшественникам они установили связь с клерикальными кругами, так как это было необходимо им для подтверждения законности их власти. Таким образом,

благодаря первым Аббасидам восторжествовала иранская концепция тесного союза религии и правительства.

Сразу же возросло значение священных текстов. Ведь изучение их стало не только делом благочестия, но и получило практическое применение. Правоведение стало развиваться в строгом соответствии с божественным законом. Этому развитию правоведения способствовали сами завоевания. Они столкнули арабов с народами, чтившими древние законы (с евреями, римлянами и иранцами), и законы этих народов не могли не оказать влияния на первоначальную разработку мусульманского права. Действительно, у арабов стихийно возникло правоведение. Оно сложилось во II в. хиджры в Сирии и Ираке в результате соприкосновения с христианскими школами права. Гольдциер отметил немало совпадений в латинских и арабских юридических терминах.

Но вскоре среди правоведов выявились противоречивые тенденции. Одни упорно опирались на хадисы; другие, установив недостоверность и противоречивость многих преданий, искали новых юридических основ. Тогда-то и зародились юридические школы с разными толкованиями и методами.

Наиболее ранней попыткой кодификации, произведенной с позиций правосверных суннитов, представляется сборник под названием «Муватта» («Расчищенная тропа»), составленный Маликом ибн Анасом (умер в 795 г.). Эта работа является своего рода компромиссом между сборником хадисов и трактатом по юриспруденции в собственном смысле слова. Исходя из текста (матн) хадиса и не обращая внимания на передатчиков в иснаде, Малик поставил себе задачей построить юридическую систему, основанную непосредственно на хадисах. Его сочинение выражает юридические концепции мединских ученых VIII в. Конечно, основной источник Малика — Коран, затем — сунна Мухаммеда и его сподвижников, но при случае он присоединяет к ним обычное право Медины. Более того, он допускает, что хадисы, хотя они и обязательно должны служить основой, могут быть изменены, если они вступают в противоречие с интересами общественного блага (принцип истислаха). Наконец, в случае необходимости он обращается к другому принципу — согласного мнения

(иджма — consensus doctorum) ученых мужей Медины по каждому данному вопросу. Одним словом, Малик поддерживает традицию, но допускает индивидуальное толкование (рай — opinio prudentium) в той мере, в какой оно не наносит ущерба общественному благу. Гольдциер справедливо сравнивает этот метод с *colligere jus propter utilitatem publicam* римского права.

Почти одновременно другие юридические системы разрабатывались в Сирии (добившимся больших успехов Авзай, умер в 774 г.) и особенно в Ираке, очаге духовной жизни той эпохи. Самым выдающимся представителем этой школы был Абу Ханифа (умер в 767 г.), педагогическая деятельность которого имела гораздо большее значение, чем его сочинения. Иранец по происхождению, он как будто не имел случая (как Малик, судья по профессии) применить на практике свои теории, — он был скорее умозрительным юристом. Три принципа характерны для его системы: преобладающее значение рая (личного мнения, основанного на здравом смысле) и кыяса (суждения по аналогии), исправленных по методу истихсана, аналогичному истислаху Малика и состоящему примерно в следующем: «В данном тексте аналогия в таком-то случае указывает на то-то; но в силу обстоятельств я считаю предпочтительным (ахсан) такой-то образ действия».

Теория Абу Ханифы сначала распространялась его учениками главным образом на Востоке, затем ее поддержали султаны Сельджукиды, а еще позднее — султаны Османской империи. Что же касается учения Малика, то оно получило распространение преимущественно на Западе, в частности в Северной Африке.

По сути дела, системы Малика и Абу Ханифы не так далеки одна от другой, как это может показаться с первого взгляда: если Малик был, быть может (это не доказано), более умерен в применении рая, то основное расхождение между ними было в вопросе о принципе иджма. Именно согласное мнение у Малика, ограниченное кругом мединских ученых, носило узкоместный характер. Правда, это ограниченное согласное мнение было вскоре расширено главой новой школы — Шафии, умершим в 820 г.

Действительно, в то время как Малик считал признание согласного мнения (иджма) только возмож-

ным методом, Шафии возводил его в обязательный принцип как согласное мнение ученых мужей. Действуя таким образом, Шафии устанавливал своего рода непогрешимость мусульманской общины, единственной законодательной инстанции, действительно признанной исламом. Ведь после установления этого принципа мусульманские ученые могли (по крайней мере в теории) делать все, что им было угодно, при условии согласованности их действий.

Ясно, что практически иджма, как всеобщее согласное мнение ученых всех времен, не может существовать. Прежде всего встает вопрос: как достичь его? Ведь ислам не знал ни соборов, ни синода (первые мусульманские конгрессы по вопросу о будущем халифата состоялись только в XX в.). Иджма Малика была согласным мнением только мединских ученых. Ваххабиты вслед за захиритами еще более ограничивают ее: под термином «иджма» они понимают согласное мнение сподвижников Мухаммеда. Что же касается шафиитов, то у них иджма определяется как согласное мнение ученых данного периода. «Когда какой-либо обычай в течение долгого времени допускается и признается всеми, он тем самым становится сунной. В течение нескольких поколений благочестивые богословы ропщут против бида (нововведения), но со временем в качестве элемента иджмы его начинают допускать и в конце концов даже требовать. А выступления противников начинают рассматриваться уже как бида» (Гольдциер). Иджма освятила, например, окончательную редакцию Корана, шесть канонических сборников хадисов, ежегодные праздники, установленные в честь Мухаммеда, веру в его чудеса, в силу его заступничества перед аллахом за грешных людей и культ святых. В частности, годовщина рождения Пророка (мавлид ан-наби) была, таким образом, причислена к каноническим праздникам. Начиная с VIII в. этот праздник рассматривается уже не как бида, а как сунна; его празднуют во всем мусульманском мире в месяце раби аль-авваль.

«Очень неопределенным представляется этот термин согласного мнения (иджма), толкование которого сильно изменилось. Это весьма неустойчивое выражение, какая-то скрытая истина, исходящая от Корана и сунны, призванная обязательно выражать божественную волю.

Это согласие ученых-мыслителей, дату которого очень трудно установить, официально ничем не подтверждается; никто о нем не объявлял народу; это не что иное, как просто факт общественного мнения... Поражает в этой доктрине, установившейся после долгих горячих споров, полное отсутствие общих принципов» (Годфруа-Демонбин)⁹.

То значение, которое придавалось иджме, логически привело Шафии к отрицанию рая (личного мнения), ханифитского истихсана и маликитского истислаха. Он сохранил только кьяс — суждение по аналогии (быть может, для того, чтобы оказать противодействие противникам этого метода), заявив в своем «Рисала» («Послании», излагающем его учение), что кьяс следует применять в тех случаях, о которых не говорится ни в Коране, ни в сунне, ни в иджме. Это сводило почти на нет роль этого метода.

Итак, основы правоведения (усуль аль-фикх), по Шафии, можно расположить в следующем порядке в зависимости от их значения: Коран, сунна, иджма и кьяс (рай не считается твердой основой). Снук Хюртронье, излагая эволюцию этих четырех основ, прекрасно охарактеризовал их: первые две — исторические основы права, иджма (которая содержит в себе обе первые) — догматическая основа, без которой ничто не может быть прочным; кьяс — логическая основа.

Шафиитская теория, несмотря на свой эклектизм (а, может быть, из-за него), не получила всеобщего одобрения. Крупный знаток хадисов Бухари, хотя сам он был сторонником шафиизма, включил в свой сборник хадисов главу, содержащую предания, не одобряющие рай и кьяс. Подобные же хадисы находятся в сборнике Дарими. Кроме того, при жизни Шафии реакция сторонников правоведения, основанного на священном предании, создала ханбалитскую и захиритскую школы.

Ханбалитская школа носит имя своего основателя Ахмеда ибн Ханбалья (умер в 855 г.), бывшего ученика Шафии. В сущности Ибн Ханбаль, по правде говоря, не установил особой системы. Он, занимаясь со своими учениками, высказывал суждения по некоторым вопросам права, и его ученики пропагандировали его мнения.

⁹ Годфруа-Демонбин — французский исламовед.

Согласно Ибн Ханбаль, источником закона должно быть только священное предание, что иногда приводило его к признанию хадисов, достоверность которых подвергалась сомнению. Он был принципиальным противником каких бы то ни было нововведений (бида). Отсюда его крайний ригоризм и иступленное правовое верие, которые иногда служили причиной кровавых конфликтов. Боковым ответвлением ханбализма явилось в XVIII в. движение ваххабитов, еще более враждебное всяким нововведениям. «Правоверные школы... по сути дела представляют собой не что иное, как ряд ступеней... по отношению к бида. Мазхаб (метод) ханбали-тов, с одной стороны, мазхаб ханифитов, с другой — представляют собой две крайние ступени этой лестницы» (Гольдциер).

Все-таки Ибн Ханбаль еще допускал рай (личное мнение) в случае крайней необходимости. Но с появлением школы захиритов, основанной Даудом аз-Захири (IX в.), рай был уничтожен, а иджма была ограничена кругом слодвижников Пророка. Иначе говоря, захириты признавали источниками права только Коран и сунну, да и то при условии буквального их толкования (захир — «явное, буквальное значение»). Хотя захиризм нашел себе в XI в. в лице Ибн Хазма на редкость талантливый поборник, он не мог удержаться и стал жертвой собственной непримиримости.

Так же недолго просуществовали другие школы, например: школа Авзай (VIII в.), учение которой на очень короткое время восприняли мусульмане Магриба и Испании; школа знаменитого богослова и историка Табары (школа джаририйя)¹⁰, восходившая к шафиизму IX—X вв., школа Суфьяна ас-Саври (поборника священного предания, VIII в.).

Итак, мусульманское правоведение достигло своего зенита при Шафии. Его школа и еще три другие, существовавшие одновременно с ней, охватили весь правоверный мусульманский мир. Эти школы носят на арабском языке название «мазхаб», обычно переводимое словом «обряд», что ограничивает его значение узко-религиозной областью. Эквивалентом слова мазхаб (первоначальное значение — «путь») является скорее

¹⁰ От имени Джарира, отца Табары.

слово метод (ср. греческий «методос») или — менее точно, но более широко — система. Перевод его словом секта — серьезная ошибка.

От различных причин (поддержка правителей, предпочтение, оказываемое населением, пути сообщения и т. п.) зависело распределение правоверных мусульман по четырем юридическим системам:

1. Ханифитская школа (самая распространенная благодаря ее либерализму и первостепенному значению, которое занимала Османская империя в мусульманском мире): Турция, континентальная Индия¹¹, Китай; имеются также приверженцы в Египте и Индонезии.

2. Шафиитская школа (наиболее распространенная после ханифитской): Нижний Египет, Хиджаз и Южная Аравия, Восточная и Южная Африка, Палестина¹² и особенно Индонезия.

3. Маликитская школа (в свое время была господствующей в Испании): Северная Африка, Верхний Египет, Западная Африка, Судан.

4. Ханбалитская школа (ставшая мазхабом только в XII в.) пользовалась очень широким признанием в Сирии и Месопотамии, пока сельджуки не распространили там ханифизм; в XIV в. возродилась в Сирии благодаря Ибн Теймийе и его ученикам; в наши дни ее распространение ограничивается Саудовской Аравией.

Впрочем, суннитский ислам признает равное значение за всеми этими системами, которым присущи лишь несущественные различия (ихтилаф аль-мазахиб), относящиеся к применению закона (фуру аль-фикх), а не к его основам (усуль аль-фикх). Об этих разногласиях даже с одобрением говорится в одном хадисе. Из этого следует, что каждый правоверный может свободно оставить один мазхаб ради другого. В знаменитом университете аль-Азхар в Каире каждая из этих систем представлена учителями и учениками. Но ханбализм, который там годами не бывал представлен, в 1906 г. насчитывал только трех преподавателей и двадцать восемь учеников (из общего числа 312 преподавателей и 9069 учащихся). Тенденции этих систем можно кратко сфор-

¹¹ Ныне Пакистан и Республика Индия.

¹² Территория, ныне входящая в состав Иордании.

мулировать, сказав, что маликиты и ханбалиты больше придерживаются буквы закона, а ханифиты и шафииты придают большее значение его духу.

Каждый из основателей четырех правоверных систем называется у мусульман муджтахид мутлак, т. е. ученый, обладающий абсолютной (мутлак) способностью составлять свое личное мнение (иджтихад), применяя к Корану и сунне принцип суждения по аналогии (кьяс) и другие методы, которыми он владеет. Эти основатели установили основные принципы (усуль — «корни») фикха. Те же, которые впоследствии излагали выводы (фуру) из этих принципов, были муджтахидами, не абсолютно, а по отношению к одной из школ. После же них, в последующие годы, правоведы могли действовать, только давая юридическую консультацию (фетва — *responsa prudentium*), основанную на одном или нескольких прецедентах. Они получили название муфтиев (дающих фетву), но уже не муджтахидов, так как они не высказывали своего личного мнения. И все-таки некоторые ученые (а именно, Ибн Теймийя и Суюты) не преминули потребовать права на иджтихад. Вообще же юрисконсульты базируются на очень небольшом количестве произведений, к которым они постоянно прибегают. Это учебники фикха с комментариями и глоссами, сборники фетв. В Алжире, например, «Муватта», сочинение имама Малика, — подлинная основа маликитского мазхаба, — оказалась почти совершенно вытесненной более поздним сочинением «Мухтасар» («Краткое изложение») Сиди Халиля, значительно, впрочем, более полного и подробного, чем «Муватта». Одним словом, никакого кодекса в европейском смысле слова у мусульман не было.

Короче говоря, фикх «охватывает целиком все обязанности, которые коранический закон (шариат) налагает на мусульманина в его тройном качестве верующего, человека и гражданина теократического государства» (Ламменс). Итак, мусульманское право, в котором вопросы ритуала сочетаются с проблемами гражданского, уголовного и государственного права, разрабатывалось в течение веков и остается неприкосновенным, весьма заботливо охраняемым школой, вовсе не отражая социальные потребности наших дней. Это теоретическая система, в которой многие предписания

представляют собой казуистические мудрствования (хияль — уловки), все менее находящие себе применение в жизни.

«С середины I века хиджры право становится каноническим, т. е. законом, установленным и предписанным на основании определенного положения вещей, существовавшего лишь при первых четырех халифах, что не преминуло оказать решающее влияние на его дальнейшее развитие. Действительно, совсем другое дело — составлять законы, имея в виду осложнение реальной жизни или хотя бы исходя из какого-то идеального порядка вещей... Этот закон... не утрачивает от того... своей самой высокой педагогической ценности для мусульманского мира, как материал для преподавания в школах и верный хранитель религиозного идеала, противостоящего реальной действительности» (Снук Хюрронье).

Однако Гольдциер справедливо отметил тот характер юридических умозрений, которые воздействуют даже на религиозную жизнь и иногда ослабляют ощущение божественного.

Между тем на практике, как мы можем судить на основании достоверных исторических фактов, мусульмане уже давно были вынуждены отказаться от соблюдения всех требований этого идеального фикха. Многие его положения быстро устарели. К тому же по воле правителей фикх не раз подменялся местным светским правом. Наконец, обычное право (урф, адат и у берберов — канун) часто сохраняло свои позиции, занятые еще до появления ислама. Оно применялось в тех случаях, которые не зависели исключительно от религиозного закона. В Марокко, например, «Обычное право Феса», изданное литографским способом, регулярно применялось местными кади. Так как ислам никогда не имел никакого официального законодательного органа для установления законов, право развивалось само по себе, и гражданская юстиция существовала рядом с религиозным правом, которое оставалось обязательным для чисто обрядовых вопросов. В области, например, торгового права практика всегда брала верх над теорией. С другой стороны, вопросы публичного и уголовного права, дела о налогах и собственности незаметно отошли к светской юриспруденции. Религиозный

закон вернул свои позиции с приходом к власти османских султанов в Турции: была учреждена должность шейх уль-ислама, константинопольского муфтия. Османскими султанами были изданы канун-наме (юридические сборники). Сборник Мехмета II¹³ регламентировал порядок церемониала, доходы по должностям и определял размер штрафов за нарушения закона. Сулейман¹⁴ реорганизовал систему военных ленов, установленную Муратом I¹⁵, кодифицировал режим аренды и откупов в Египте, установил права и обязанности райя (буквально «стадо»), т. е. подданных — мусульман и немусульман, земледельцев или торговцев, не имевших права служить в военном или гражданских ведомствах; в 1856 г. название райя сочли оскорбительным для подданных-мусульман и заменили его словом теба — подданные. Другой канун-наме регламентировал деятельность полиции. Впоследствии реформы (танзимат), введенные Гюльханейским указом (хатт-и шериф) в 1839 г., привели к изданию канун аль-асаси («основного закона») 1876 г., устанавливавшего конституцию Османской империи. В Иране в 1906 г. после революции тоже была провозглашена конституция, дополненная в 1907 г.

В мусульманских странах, управляемых европейцами, неизбежно должен был стать вопрос, применять ли местные или европейские законы. На Малайских островах¹⁶ (ислам проникал сюда медленно, с конца XIII в., через арабских моряков и купцов) голландская администрация оставила неприкосновенным существовавший порядок вещей, но по ее приказу специалисты изучили местную юриспруденцию. Англичане в Индии и французы в Алжире предприняли кодификацию мусульманского права. Известно, что алжирцы примкнули к системе маликитов. Ханифизм и маликизм на протяжении веков вели борьбу за преобладание в Северной Африке. Обе эти системы распространились там одновременно в IX в. С приходом к власти Фатимидов в X в. только ханифизм, более гибкий, чем маликизм, сумел удержаться.

¹³ Султан Мехмет II (1451—1481 гг.) родился в 1429 г.

¹⁴ Султан Сулейман аль-Кануни (1520—1566), прозванный в Европе «Великолепным», родился в 1494 г.

¹⁵ Султан Мурат I правил в 1359—1389 гг.

¹⁶ Автор имеет в виду Индонезию.

жать свои позиции перед лицом восторжествовавшего шиизма. Но в XI в. Зириды¹⁷, свергнувшие владычество Фатимидов, отдали маликизму предпочтение перед ханифизмом, который, несмотря на оказанную ему в XVI в. турками поддержку, стал в конце концов признаваться меньшинством населения. Триполитанцы также придерживались маликизма, и это создало для итальянцев необходимость изучать и переводить маликитские сборники, в частности «Краткое изложение» Сиди Халиля, уже переведенное на французский язык.

Что же касается Алжира, то задача заключалась в том, чтобы кодифицировать очень ограниченную часть мусульманского законодательства, самую щекотливую, до сих пор не поддающуюся адаптации, — статут личности, законы о браке, взаимные права и обязанности членов семьи, право наследования, положения о недвижимом имуществе и о хабусах. Альфред Бель, давая перечень связанных с этой кодификацией работ («Revue de l'histoire des religions», 1927), рассмотрел все, что она могла дать, — и положительное и отрицательное (см. по этому вопросу: Bousquet, *L'Islam maghrébin*, ch. X; «*Documents algériens, série politique*», № 25, 25 octobre 1950; «*Évolution du statut juridique des musulmans*»).

¹⁷ Зириды или Зайриды — династия в Тунисе (972—1148).

ДОГМАТИКА И ПРАВО (ШАРИАТ)

Догматика

В двух стихах Корана перечисляются основные догматы: «Верующие! Веруйте в бога, в посланника его, в писание, какое он ниспослал своему посланнику, и в писание, которое ниспослал он прежде; кто отвергает веру в бога, в ангелов его, в писания его, в его посланников и в последний день, тот заблудился крайним заблуждением» (4, 135). Другой стих (2, 285) дает этот перечень в более кратком виде.

Таковы основные положения веры. Вера (иман) должна соединяться с ихсаном (добродетелью) и с исламом (вручением себя аллаху, чувством зависимости). Из этих элементов сложилась религия (дин) в широком смысле слова. В Коране встречаются слова «иман» и «ислам», то употребляющиеся одно вместо другого, то в четко разграниченных значениях [например, 49, 14: «Арабы говорят: „Мы веруем!“ („аманна“, отсюда существительное „иман“). Скажи: вы не уверовали, а говорите: „мы приняли ислам“ („асламна“, отсюда — ислам); вера (иман) еще не вошла в сердца ваши»]. Понятие «иман» служило предметом долгих споров между богословами, и в конце концов представители правоведения заявили, что вера (иман) состоит из трех элементов: внутреннее восприятие веры (тасдик, итикад), исповедание словом (икрар), совершение добрых дел (амаль).

Эти догмы не были официально закреплены в исламе, как это было сделано в других религиях (например,

христианский символ веры). Но ученые-богословы, особенно начиная с XI в., делали попытки кратко изложить основы мусульманской веры. Такого рода писания получили название «акиды» (определение их можно найти в статье Карра де Во, EI, vol, I, p. 240 et suiv.).

Верующий, который искренне приемлет все три составных элемента веры, будет в числе избранных; тот, кто, приняв два первых из них, умрет в состоянии смертного греха (кабиры) без покаяния, будет осужден на загробные мучения. Но все же, по мнению правоверных, которые считают, что пребывание в огне после смерти следует понимать скорее как чистилище, чем как ад, нечестивец (фасик) имеет еще возможность попасть в рай. Такое смягчение вызвало ожесточенные споры между представителями различных школ. Тот же, кто выполняет обряды и внешне исповедует ислам, а внутренне не верует, считается лицемером (мунафик) и неверным.

Может ли вера возрастать и убывать? Иногда Коран говорит о ее возрастании (например, 3, 167; 8, 2; 9, 125). Однако вопрос остается открытым, так как одни считают, что вера состоит по существу в глубоком внутреннем восприятии (тасдик), при котором невозможны какие бы то ни было изменения степени веры, а другие полагают, что вера, основанная на таком тасдике и на добрых делах, может быть то более, то менее сильной.

Вера в аллаха. Это — первый, основной догмат веры в исламе. Вера в единого бога выражается формулой «ля илях илля ллах» («нет божества, кроме аллаха», а не «нет бога, кроме бога» — абсурдный, хотя и часто встречающийся перевод). Тавхид (единобожие) прямо противоположен ширку (многобожию), сторонники которого (мушрикун — «те, кто присоединяет к аллаху другие божества») часто подвергаются нападкам в последних частях Корана, где они выступают почти наравне с неверными (кафирами). В трудах по правоведению слово «мушрик» так же часто употребляется для обозначения неверных, как и кафир. В отношении кафиров богословы установили различные степени неверия (куфр).

Мы уже видели, что представлял собой аллах в арабском язычестве. Каков же аллах Мухаммеда? Аллах — не только эквивалент древнееврейского Яхве (не Эло-

хима¹, так как он един), на которого он походит своим ревнивым и мстительным характером. Можно набрать целую коллекцию эпитетов этого бога, рассыпанных по Корану (например: Первый, Последний, Видимый, Скрытый и т. п.). Впоследствии благочестивые мусульмане составили перечень «самых прекрасных имен аллаха» числом ровно сто (включая имя аллах). Из всех этих эпитетов создается образ «существа самодовлеющего, всемогущего, всеведущего, всеобъемлющего, вечного, единосущного» (Макдональд²). Конечно, среди богословов шли бесконечные споры относительно личности аллаха (см. EI, vol. I, p. 308 et suiv.).

В более поздние времена изучение имен аллаха побудило мусульманских богословов (здесь, возможно, сказалось влияние христианского богословия) к поискам атрибутов (сифат), скрытых под этими именами. Правоведы заявили в конце концов, что атрибуты аллаха вечны, так как это «не он и не что иное, как он» (ля хуа ва ля гайруху).

Все-таки это высшее существо творило, хотя оно абсолютно ни в чем не нуждалось. Отсюда данное ему Кораном название аль-халик (творец). Как же происходило это творение (хальк)? В Коране сотворение человека стоит выше всего: все на земле было создано для человека. Мир был сотворен в шесть дней. Но в то время как аллах извлек мир из абсолютного небытия, человека он создавал из материи (22, 5), придав ему свой образ и вдохнув в него свой дух. Сотворение человека является выражением могущества аллаха и в то же время его доброты. Правда, «небеса, земля и то, что между ними», сотворено аллахом только «на определенное время» (46, 2), несовершенно: люди непостоянны (21, 38 и 22, 11), малодушны (70, 19), слабы (4, 32), торопливы (17, 12), а главное, неблагодарны (например, 17, 69). Недаром после того как вначале они были единым народом, «одной религиозной общиной», они перессорились и разделились из зависти (2, 209 и 10, 20).

Как же организован материальный мир? Согласно традиционной концепции, кругообразная гора Каф

¹ Я х в е — древнееврейский библейский единый бог; другое название этого бога — Э л о х и м (что значит «боги»), это один из пережитков многобожия в Библии.

² Макдональд, Дункан (1863—1943) — английский исламовед.

(слово, вероятно, иранского происхождения) окружает землю, от которой она отделена непроходимым пространством. Другие предания представляют землю покоящейся на плечах ангела (аналогия с титаном Атлантом); ангел опирается на скалу, которую несет бык, стоящий на плывущей рыбе, — несомненные заимствования из индийских и древнееврейских космогоний. Сотворив землю, аллах обосновался на небе, до тех пор бывшем лишь дымом, и в два дня разделил его на семь небес, причем каждое из них получает свое назначение (41, 8—11).

Ангелы и демоны. Ангелы, созданные из света, не имеют пола и беспрекословно повинуются аллаху. Четыре древнееврейских архангела перешли в ислам и получили название мукаррибун — «близкие» к аллаху, гигантские, как древнееврейские керубим: Джабраил, передающий божественные повеления, Михаил, наблюдающий за вселенной, Исрафил, готовый протрубить в трубу, возвещая о страшном суде, Азраил, архангел смерти. Каждый человек имеет двух ангелов-хранителей, которые записывают его хорошие и дурные поступки (если только эта функция не выполняется двумя другими ангелами — катибейн — «двумя писцами»). Ангелы-хранители сменяют один другого на утренней и вечерней заре. Поэтому больше всего искушений таит именно это время суток.

Накир и Мункар — ангелы могилы, ангел Ридван — страж рая, ангел Малик — ада. Имеется еще много других ангелов, например, есть ангелы, поддерживающие трон аллаха.

Сотворение ангелов предшествовало сотворению Адама. Когда появился Адам, аллах приказал ангелам поклоняться ему. Повиновались все ангелы, кроме Иблиса (искаженное *diabolos*), дьявола (шейтана, от «сатана»; заимствовано из иудаизма). Иблис, созданный из огня, отказался поклоняться тому, кто сотворен из праха. Аллах проклял его, но он получил отсрочку, которая будет длиться до дня страшного суда. Он использует эту отсрочку, чтобы свращать людей, начиная с Адама и Евы. В конце времен он вместе с демонами, которые ему служат, будет низринут в ад. Демонов называют по-разному, самое распространенное название джинн (быть может, отсюда латинский *genius*). Джинны, на-

поминающие иранских дивов, — существа, состоящие из пара или бездымного огня, они могут менять свой облик. По правде говоря, их отношения с Иблисом весьма неопределенны, и не выяснено, все ли они являются отверженными. В доисламской Аравии они играли в пустыне роль нимф или сатиров. Но ко времени Мухаммеда они постепенно превратились в божества, которым приносили жертвы. Ислам признал их официально до такой степени, что совершенно серьезно обсуждались вопросы, связанные с браком и правом собственности, возникавшие при союзе одного из них с кем-либо из смертных. Этот образ, конечно, был использован в фольклоре и в житиях святых.

Народные верования приписывают демонам как на Востоке, так и на мусульманском Западе злые дела. Как в период христианского средневековья, из одержимого (маджнун) изгоняют злого духа. Заклинанья, амулеты и талисманы служат для того, чтобы отогнать или умиротворить эти силы тьмы, которые особенно опасны для женщин во время родов и для новорожденных. Но в то же время, особенно в районах, населенных берберами, к ним охотно обращаются с вопросами относительно грядущих событий. Случается, что душа демона воплощается в каком-нибудь животном. Простые люди воздерживаются истреблять живущих на них паразитов.

Демоны не ограничиваются землей и низшими небесами. Они осмеливаются добираться до границ седьмого неба, откуда их изгоняют ангелы, бросая в них камни (это и есть падающие звезды).

Кроме демонов, Коран (2, 96) называет двух падших ангелов — Харута и Марута. Будучи подобны ангелам из книги Бытия (гл. VI), от которых они непосредственно происходят, они брали себе в жены «дочерей человеческих».

Пророки. Два пункта веры (вера в богооткровенные книги и вера в пророков) могут быть по сути дела сведены воедино. Пророки стоят выше ангелов: ведь ангелам не приходилось, как им, вести борьбу со своей природой. Это посланцы аллаха, которым поручалось проповедовать людям новую религию или напоминать им о ней. Число пророков спорно: их насчитывали тысячи (16, 38: «В каждом из тех народов мы воздвигали посланника»). Но только сто из них принесли людям книги

откровений. Шестью главными пророками являются Адам, Ной (Нух), Авраам (Ибрахим), Моисей (Муса), Иисус (Иса), Мухаммед — «печать пророков». Второстепенными пророками считаются Давид, Иаков, Иосиф и Иов.

Пророки обладают даром творить чудеса. Мухаммед соглашался признать за собою только одно чудо: откровение Корана. Но предание приписывает ему и другие чудеса. Достаточно упомянуть хотя бы о расколоте надвое луны (54, 1—2). В данном случае речь идет о знамении, предвещавшем конец света, а мусульманские толкователи рассматривают это как чудесное деяние Мухаммеда.

По строго правоверным положениям только пророков можно считать святыми.

Страшный суд. Коран, особенно в своих наиболее ранних частях, заполнен намеками на конец света и потрясающими описаниями событий, которые ему будут предшествовать. Потому люди должны покаяться без промедления. Это воскресение из мертвых (кыяма — вставание, подъем) кажется, откровенно говоря, менее абсолютным, чем оно выглядит поначалу. Действительно, арабы-язычники думали, что мертвые в могиле продолжают какое-то ограниченное существование. Ислам принял это верование, от которого и пошло представление о суде, который вершат два ангела после погребения покойника, вследствие чего могила превращается в «предварительный ад или рай» (Макдональд). В Коране страшный суд касается отдельных личностей, а не всего народа (по Вельхаузену³, в этом сказывается влияние христианства).

В Коране содержится очень мало предзнаменований страшного суда. Но имеющиеся в Коране места, посвященные страшному суду, тщательно изучались и пространно излагались толкователями Корана. Если богословы проявили сдержанность, то знатоки священного предания и авторы поучений собрали много подробностей (см., например, Maqdisi, *Livre de la création*, traduit par Huart, II, p. 146 sqq; Ibn Khaldoun, *Prolegomènes*, traduit par de Slane, II, p. 158).

³ Вельхаузен, Юлиус (1844—1916) — немецкий теолог, известный научными трудами по критике Библии, и историк-арабист.

Прежде чем перечислять эти знамения, следует заметить, что страшный суд не будет всеобщим. Например, некоторые предания гласят, что несколько тысяч верующих войдут в рай, не отчитываясь за свои дела, и, как полагают некоторые мусульманские богословы, там уже пребывают души воинов, павших на поле брани во время священной войны и почитаемых в качестве мучеников.

Первым признаком, предвещающим конец света, будет внезапное распространение нечестия среди людей: исчезнет мекканский храм, забудется Коран. Тогда произойдет пришествие махди («ведомого истинным путем»), вдохновенного свыше аллахом, мусульманского мессии, который на некоторое время восстановит справедливость и веру на земле. Следует сказать, что понятие махди, которое станет краеугольным камнем шиизма, по-видимому, не сразу вошло в правоверный ислам. Конечно, в некоторых хадисах говорится о некоем высшем и последнем судии, но он не называется махди, и его даже не рассматривают как знамение, предвещающее конец света. Одним словом, идея махди сложилась довольно поздно и воспринята не всеми суннитами.

В данном случае в концепциях ислама проглядывает какая-то неопределенность. Выше этого образа махди — восстановителя справедливости — стоит образ Христа, отражающий христианские апокрифические тексты. Наступление конца света должно сопровождаться появлением какого-то антихриста (даджжаль), относительно которого различные авторы сообщают, конечно, совершенно противоречивые подробности. Он прибудет с какого-то далекого острова в ту самую минуту, когда Гог и Магог, дикие азиатские народы, о которых говорится в Коране (18, 93), разобьют стены, которые до того будут являться для них непреодолимым препятствием. Даджжаль будет существом исполинского роста и приедет на огромном осле. Его царствование продлится сорок дней, во время которых он опустошит землю. Тогда снизойдет с небес в Святую землю⁴ Иисус, убьет Антихриста ударом копья и отправится молиться в Иерусалим. Затем в течение сорока лет до его смерти любовь и счастье будут царить на земле:

⁴ Т. е. Палестину.

«Увидят агнцев рядом с волками, дети будут играть со змеями».

Другие знамения, придуманные позднее, тоже возвестят о близком конце света (см., например, Maqdisi, *Livre de la création*, II, p. 145 sqq). При первом звуке трубы архангела Исафила природа начнет содрогаться, а люди побегут в ужасе. При втором звуке все люди испустят дух. За этой всеобщей смертью последует период в сорок лет, в конце которого пойдет проливной дождь, а вслед за ним раздастся третий трубный звук, призывающий ко всеобщему воскресению и сбору в Иерусалиме на страшный суд. Этот день будет равен тысячелетиям. Люди будут стоять перед лицом аллаха нагие, палимые жгучим солнцем, истекая потом; у каждого в руках будет книга, в которой записаны все его поступки. Аллах будет допрашивать людей одного за другим, взвешивая их поступки. Затем люди перейдут мост (сират), тонкий как волос и острый как меч. Этот мост переброшен над адом и ведет в рай. Тогда Мухаммед выступит с ходатайством (шафаа) за грешников. Благодаря его вмешательству в аду останутся только те, которые, по Корану, должны пребывать там вечно. «Истинно, бог не простит того, что ему приписываются соучастники, тогда как он прощает все, что делается, кроме этого, всякому, кому хочет» (4, 116).

Мусульманский ад — или, вернее, ады — был разделен толкователями на семь кругов (подобно адам греков, ассирийцев и средневековых христиан). В Коране ад обозначается то словом «нар» (огонь), то словом «джаханнам» (геенна; ср. древнееврейское: гехинном). Эта геенна представляется подвижной. Некоторые толкователи священного писания (в том числе Газали) изображали ее в виде некоего чудовища, вроде того ада, который фигурировал на сцене в мистериях средневекового Запада. В последнем круге находится дерево закум (цветы его — головы демонов), котел с кипящей смолой и бездонный колодец. Коран почти не говорит об адских муках, зато их описали позднейшие авторы. Впрочем, в основе всего этого лежат еврейские сказания.

Между адом и раем имеется какое-то неопределенное пространство, от которого получила свое название седьмая сура Корана — «Араф» (Преграды). Одни видят в нем чистилище, другие — преддверие рая. «Между

теми и другими будет завеса, а на шреградах (араф) люди... Мир вам! — воскликнут к обитателям рая те, которые не вошли в него... И когда взоры их обратятся к обитателям огня, они скажут: Господи наш, не помещай нас купно с людьми беззаконными» (7, 44—45).

Рай (джанна — сад) тоже разделен, согласно священному преданию, на несколько частей, из которых одна носит название фирдаус, заимствованное из фарси и соответствующее греческому парадеисос. Бесполезно спорить о том, что этот рай имеет чувственный, мирской характер, как это видно из стихов Корана (например, 37, 38 и сл.). В райских утех мусульманские богословы видели лишь иносказания, по своей сущности совсем не тождественные тем земным понятиям, названия которых им даны. Так, например, гурии (хур), девы с черными глазами, всегда готовые дарить ласки избранным и все же остающиеся девственными, вероятно, обладают другой сущностью, чем дочери людей. Коран изображает их существами, телесная чистота которых не может быть запятнана, и свободными от моральных недостатков. В Коране уделено немного места описанию гурий. Позднее писатели изобразят их с гораздо большими подробностями. В гуриях видели заимствование из маздеизма. Карра де Во полагает, что они произошли от христианских ангелов [см. рай, описанный Ефремом (Тор Андре, стр. 87)].

Помимо этих созданий, обитатели рая получают удобную мебель и вкусные кушанья. Кроме того, верующим обещаны источники с прозрачной водой, реки, текущие молоком, медом и вином (Сальсабиль, Занджабиль, Кавсар). В этих реках нашел отражение еврейский или христианский рай, созданный для того, чтобы очаровывать жителей тех стран, где постоянно не хватает воды.

Разделение рая на восемь ярусов (на один больше, чем в аду) произошло позднее. На вершине рая растет лотос, который определяет его границы и осеняет его тенью. В раю хранятся, кроме подлинника Корана, также книги, куда записаны деяния людей, и некоторые предметы, которые потребуются в день страшного суда. Восемь ярусов рая покоятся на морях, разлившихся над небесами. Над раем находится трон аллаха.

«Учение о воскресении из мертвых и страшном суде, на котором все человечество предстанет перед аллахом

на фоне рая и ада, вот ядро веры (Мухаммеда). Этим учением он официально противопоставил себя концепции мира, уже сложившейся у арабов, которым он должен был передать послание аллаха: ведь они помышляли только о земной жизни, ничего не зная ни о проклятии, ни о вечном загробном блаженстве» (Снук Хюргронье).

Предопределение (кадар — в хадисах, такдир — у богословов). К вышеперечисленным догматам веры следует прибавить еще один. По учению ислама, в этом мире не существовало и не существует ничего, что не зависело бы всецело от воли аллаха. Этот догмат излагается во многих стихах Корана. Например, «всякому, имеющему душу, надобно умереть не иначе, как по воле бога, согласно книге, в которой определено время жизни» (3, 139); «Всевышний, который распределил все и правит им» (87, 3) и «С нами сбывается только то, что предначертал для нас бог» (9, 51). Действительно, дела людские записаны на «тщательно охраняемой скрижали» еще до сотворения мира (35, 25 и 36, 11). Но есть в Коране и такие стихи, которые дают основание оспаривать догмат предопределения, и некоторые богословы не упустили этого случая.

Персидский автор Абу-ль-Маали следующим образом излагает основные положения мусульманской догматики:

«Всемогущее божество со всеми его атрибутами объявлено вечным; Коран — несотворенным; рай и ад — сотворенными; существование бога и то, что избранные созерцают его своими телесными очами, объявлено реальным; то же и относительно наказания в могиле и допроса Мункара и Накира; мусульмане, отягченные смертными грехами, не объявляются неверными (кафир); если они умирают без покаяния, они несут соответствующее их прегрешениям адское наказание; затем благодаря заступничеству Пророка они попадают в рай... Сунниты считают, что добро и зло подчинены воле рока, но это не мешает считать поступки людей достойными награды или наказания. Действительно, сунниты говорят, что добро и зло в воле бога, но человек обладает свободой действий, и бог создает действие в соответствии со свободным выбором каждого, о котором он заранее знал вечным знанием; они заявляют, что

Бог по своему усмотрению помогает людям или оставляет их без помощи и что у людей нет другого выхода, кроме повиновения и рвения».

Право

Мы видели, что Коран содержит целый ряд предписаний и запретов. Из этих элементов, развитых и дополненных другими, образовался канонический закон или право ислама (шариат — намеченный, предписанный путь: см., например, Коран, 45, 17). Этот закон относится к внешним проявлениям человеческой деятельности. Мы видели, как этот закон, первоначально основанный на Коране и на священном предании, был постепенно дополнен благодаря методам фикха (правоведения) и принял разнообразные формы в зависимости от системы (мазхаб). В настоящее время только сборники фикха имеют силу закона, а Корану и сборникам хадисов отведена роль книг для назидательного чтения. Фактически основной тенденцией шариата была оценка различных обстоятельств жизни с точки зрения религии. Чисто юридическая точка зрения была введена впоследствии.

Были попытки установить составные части шариата: правоверные различают в нем обязательства, относящиеся к культу (ибадат), юридические действия (муамалат) и наказания (укубат). Шииты приняли более разработанную классификацию.

Что же касается действий людей, то они были разбиты на пять категорий (ахкам) как с точки зрения религиозной, так и с точки зрения гражданской.

С точки зрения религиозной различались: 1) обязанность (фард) или необходимое действие (ваджиб), — в эту категорию вошли действия, совершение которых вознаграждается, а несовершение влечет наказание; фард подразделяется на личную обязанность (фард аль-айн, например молитва) и дополнительную обязанность (фард кифая, например паломничество); 2) рекомендуемое действие (мандуб), за которое полагается награда, но несовершение которого не наказуется; 3) дозволенное действие (мубах) или безразличное действие; 4) предосудительное действие (макрух), но не наказуемое; 5) запрещенное действие (харам) и нака-

зуемое. Классификация действий на эти пять категорий послужила причиной различий между правоверными махабами.

С точки зрения гражданской, действия были разделены на правильные (сахих), ничтожные (батиль), дозволенные (джаиз), действенные (нафид) и связывающие (лазим).

Таким образом, в шариате можно различить, с одной стороны, правила, относящиеся к культу, а с другой — юридические предписания. Рассмотрим эти две группы.

Культ. Культ базируется на пяти основных обязанностях (аркан ад-дин—столпы религии): исповедание веры, молитва, пост, узаконенная милостыня и паломничество. Некоторые авторы прибавляли к ним священную войну (джихад).

«Культ, внешнее выражение религиозной мысли, является в исламе индивидуальным. Молитва абсолютно индивидуальна, даже когда ее совершают сообща, ...что же касается паломничества, то пристальное рассмотрение его убеждает в том, что, совершая его обряды, верующий идет своим индивидуальным путем» (Годфруа-Демонбин).

Важно заметить, что отправление культа имеет силу только тогда, когда оно является следствием четко выраженного намерения (нийя). Дело в том, что в соответствии с широко известным хадисом «о действиях будут судить по намерениям, и они будут зачтены каждому соответственно его намерениям». Другой, более поздний хадис приписывает аллаху следующие слова: «Предстаньте предо мною со своими намерениями, а не со своими делами».

Исповедание веры (ташаххуд — свидетельство). Оно состоит в произнесении формулы (шахады): «Нет божества, кроме аллаха, и Мухаммед — посланник аллаха». Это, по сути дела, формула обращения в ислам с условием, однако, чтобы она была произнесена полностью. Верующий должен прибегать к ней при всех торжественных обстоятельствах, а особенно при приближении смерти, причем умирающий либо произносит ее сам, либо ее произносят за него другие (талькин — наставление).

В расширенном смысле слово «шахада» означает «свидетельство», даваемое мусульманином, который

сражается за веру и погибает за нее в священной войне. Тогда он становится шахидом — «свидетелем, мучеником» (слово «шахид» применялось для обозначения того, кто давал свидетельские показания в компетентной инстанции). Следует заметить, что термин «шахид» (мученик) происходит не из Корана. Коран обычно говорит о тех, кто убит «на пути божием». Венсинк показал, что развитие этого значения («мученик»), придаваемого слову «шахид», происходило под влиянием христианства и что эта идея очень давно бытовала на Востоке. Слово шахид часто встречается в хадисах. Мы уже видели, что шахид входит в рай прямо, не подвергаясь допросу ангелов в могиле; он занимает там место у самого престола аллаха. Некоторые поздние хадисы даже приписывают ему право заступничества за грешников. Но, несмотря на все эти привилегии, шахид стремится спуститься из рая обратно на землю, чтобы снова испытать мучения. Эта идея породила в исламе вкус к неразумным формам самопожертвования, с которыми правоверие боролось, усмотрев в нем, по словам Венсинка, стремление к самоубийству, безусловно запрещаемому исламом. Так, правоверные стали считать, что тот, кто выполняет мирные обязанности (пост, молитву, чтение Корана и т. п.), идет «по пути божьему» точно так же, как и тот, кто жертвует своей жизнью. Дело дошло до того, что мучениками объявили всех умерших от чумы и других повальных болезней, а также всех умерших насильственной смертью или скончавшихся в момент выполнения благочестивого деяния; затем к ним прибавили женщин, умерших от родов. В некоторых местах (например в Индии) культ такого рода мучеников принял внушительные размеры.

Молитва. Формула шахады повторяется несколько раз во время ритуальной молитвы (саят), которая, несомненно, сыграла первостепенную роль не только в развитии ислама в начальный период, но и при его позднейшем распространении. Мухаммед придавал большое значение молитве для обращения людей в ислам. Молитва упоминается в первых откровениях Корана, что доказывает ее древнее происхождение. Коран настаивает на ее обязательности и недвусмысленно порицает всякую небрежность в отношении ее. Отсюда и ограничения, касающиеся вина, в конечном счете приведшие

к запрещению его употребления (см. 4, 46: «Верующие! Не приступайте к молитве, когда вы пьяны...»).

Но здесь требуется разъяснение: молитва в ее современной форме была, вероятно, предписана только после хиджры под влиянием древнееврейского ритуала. До того считалось заслугой знать наизусть много стихов Корана, проявлять благоговейное бдение. «Истинно, господь твой знает, что ты встаешь на молитву то в первую треть ночи, то в половине ее, то в последнюю треть, и также некоторые из тех, которые с тобою» (73, 20). Но это — идеал. В действительности же, «в мекканский период, если судить только по тексту Корана, хороший мусульманин, видимо, мог удовольствоваться верой в бога и отказом от культа идолов. Кажется, что он не должен был соблюдать какие-либо определенные обряды» (Каэтани).

Мусульманин должен совершать ежедневно пять ритуальных молитв: на заре (саят ас-субх или аль-фаджр), в полдень (саят аз-зухр), во второй половине дня (саят аль-аср), при заходе солнца (саят аль-магриб) и в начале ночи (саят аль-иша). По поводу такого числа молитв встречаются объяснения в легендах. Когда Мухаммед совершал свое ночное вознесение на небеса (исра), он получил от аллаха повеление предписать правоверным молиться по пятьдесят раз в день. После беседы с аллахом Мухаммед встретил Моисея, и тот, находя чрезмерным такое количество молитв, несколько раз посылал его к аллаху, который, наконец, согласился сократить число молитв до пяти (Венсинк остроумно сопоставляет этот случай с выступлением Авраама в защиту Содома и Гоморры,—Бытие, 18, 23). В одном хадисе рассказывается о том, как архангел Гавриил спускался пять раз в один день, чтобы сотворить обрядовую молитву в присутствии Мухаммеда, который следовал его примеру. Хутсма⁵ на основании некоторых стихов Корана предполагает, что сначала было только три молитвы, из которых две потом разделились каждая на две отдельные молитвы. Гольдциер предполагает иранское влияние. Из всего сказанного видно, что число молитв не было определено при жизни

⁵ Хутсма, Мартин Теодор (1851—1943) — голландский арабист и исламовед.

Мухаммеда, и точная датировка установления их затруднительна.

Пять ежедневных молитв обязательны для всякого взрослого и находящегося в здравом уме мусульманина. Больные освобождаются от молитв, но должны совершить их после выздоровления. Тот, кто по своей воле пренебрегает молитвой, считается неверным (кафиром). Молитвы предполагают некоторые предварительные условия. Так, прежде чем приблизиться к богу, верующий должен очиститься — этот обряд заимствован, вероятно, у медийских евреев. Вот какие слова приписывает Мухаммеду священное предание: «Чистота — половина веры». Мусульманское право различает две степени ритуальной нечистоты: малая нечистота (хадас), происходящая от прикосновения к чему-либо нечистому, от удовлетворения естественных потребностей и т. п.; большая нечистота (джанаба), возникающая в результате половых сношений, ночных поллюций, менструации, родов.

Этим двум состояниям соответствуют два вида очищения (тахары) — обычное омовение (вуду), которое всегда должно предшествовать молитве: водой, чистой с точки зрения шариата, правоверный обмывает себе лицо, руки до локтей, проводит по голове смоченной правой рукой, обмывает ноги (5, 8). В случае отсутствия воды можно заменить ее песком (таяммум — очищение посредством чего-либо сыпучего) (5, 9). Большая нечистота требует полного, тщательного обмывания всего тела, включая волосы, обязательно водой. Следует заметить, что всякое загрязнение, произошедшее во время молитвы, делает ее недействительной. Кроме того, тело молящегося должно быть покрыто одеждой в соответствии с законом; женщины открывают лицо и руки.

Необязательно совершать молитву в мечети. Можно выполнять эту обязанность дома или даже на открытом воздухе, только не на могилах и не в нечистых местах (на бойнях и т. п.). Молящийся сначала обращает свое лицо к Мекке (кыбла). Затем проверяет, не загрязнена ли почва, и ограничивает на ней пространство, на котором он будет во время молитвы отделен от внешнего мира; такое ограничение производится обычно автоматически, с помощью ковра (саджжада). После этого молящийся шепотом или вслух излагает свое намерение

(нийя) совершить такую-то молитву (утреннюю или другую).

Ритуальная молитва состоит из следующих элементов.

1. Стоя, подняв руки до уровня плечей, молящийся произносит слова «Аллах акбар» («аллах превелик»), которые составляют такбир аль-ихрам.

2. Продолжая стоять и вложив левую руку в правую, молящийся читает «Фатиху», первую суру Корана.

3. Молящийся склоняется так, чтобы ладони коснулись колен (руку).

4. Выпрямляется (итидаль) и поднимает руки, произнося: «Аллах слушает того, кто воздает ему хвалу».

5. Опускается наземь, сначала став на колени, затем приложив к земле ладони, и, наконец, распростершись так, что касается земли носом (суджуд), — кульминационный момент молитвы.

6. Присаживается, не вставая с колен (джулус или кууд).

7. Простирается опять (второй суджуд).

Этот ряд положений, начиная с произнесения «Фатихи», составляет один ракат. Молитвы, совершаемые в полдень, во второй половине дня и ночью, включают в себя по четыре раката. Те же, которые совершаются на утренней и вечерней заре, состоят первая из двух, а вторая из трех ракатов.

После второго суджуда молящийся садится, поджав ноги, и произносит последовательно: формулу исповедания веры (шахаду), которую надлежит повторять после каждого двух ракатов, затем особую молитву за Пророка и, наконец, формулу: «Да будет на вас приветствие и милосердие аллаха!», повторяемую дважды, сначала обратившись в правую сторону, а затем — в левую. Это — приветствие, обращенное к верующим и ангелам-хранителям. Это формула десакрализации (таслим ат-тахлиль). Она кладет конец состоянию, создаваемому начальной формулой: «Аллах превелик».

На этом молитва кончается. Небесполезно обратить внимание на то, что она не содержит никакой просьбы. Что же касается ее частных частей, то они послужили причиной споров между представителями различных юридических систем (мазхабов). Например, нужно ли произносить ее тихо или громко? Каково точно определен-

ное положение рук и ладоней? В последнем пункте шииты расходятся с правоверными. Находящимся в пути разрешается сокращать положенные пять молитв.

Кроме этих канонических молитв, некоторые совершают еще другие, необязательные молитвы. Самая известная из них — ночная молитва (саят аль-лейль и в Коране тахаджуд). Не следует смешивать ее с последней из пяти ежедневных молитв. Эта ночная молитва не может не вызвать мысли о христианских бдениях (в их древней форме). Весьма вероятно, что этот благочестивый обряд усердно совершался в раннюю пору ислама (вспомним ночные бдения Мухаммеда) и утратил свой обязательный характер после установления пяти канонических молитв. Тем не менее, ночная молитва сохраняется до сих пор и особенно принята в течение месяца рамадана. Другая необязательная молитва — витр (нечет) состоит в добавлении одного раката к четному числу ракатов ночной молитвы. Следует упомянуть также о молитвах, совершаемых от избытка благочестия (нафль, татавву), и о молитвах, которые вызываются особыми обстоятельствами: при затмениях (кусуф, хусуф), о ниспослании дождя (истиска), специальные молитвы в два годовых канонических праздника, молитва об исполнении желания (саят аль-хаджа), молитва, предшествующая принятию важного решения (исти-хара).

Молитва за умерших (саят ала-ль-мейит, саят аль-джиназа) является долгом по отношению к каждому умершему мусульманину. Однако обязательность ее оспаривалась в случае, если умерший был несостоятельным должником или самоубийцей. Имам становится в головах носилок, когда хоронят мужчину, и в ногах, когда хоронят женщину. Изложив свое намерение (нийя), он прочитывает четыре такбира с поднятыми руками. После первого такбира он читает «Фатиху», после второго — молитву за Пророка, после третьего — моление (дуа) о снисхождении к умершему, после четвертого — моление о снисхождении к присутствующим. Церемония заканчивается двумя таслимами. Относительно места этой молитвы мнения расходятся: ее совершают либо в доме умершего (так бывает, например, на Яве), либо в мечети, либо на кладбище. В Северной Африке покойника несут на кладбище с пением поэмы

«Бурда». «Немалое удивление должны вызывать у арабиста первые двадцать стихов этой поэмы. Она посвящена восхвалению Пророка, но начало ее, как и начало большинства арабских касид (од), использовано поэтом для того, чтобы оплакать уход его возлюбленной» (Дуттэ). Умершего, завернутого в саван, кладут в могилу.

Каноническая молитва читается индивидуально, но рекомендуется совершать ее при собрании верующих, предпочтительно в мечети, при любом числе присутствующих. Молящиеся становятся правильными рядами (женщины — позади). Этой совместной молитвой (джамаа) руководит имам, и все тщательно воспроизводят те позы, которые он принимает согласно ритуалу. Такая молитва обязательна по пятницам (саят аль-джума). Она совершается в полдень и заменяет саят аз-зухр. По учению шафиитов, нужно по крайней мере сорок верующих, чтобы эта молитва имела силу (женщины в ней не участвуют). Состоит она из проповеди (хутба) и двух ракатов; принято совершать еще два rakata перед проповедью! Такая проповедь первоначально произносилась халифом или его представителем, но затем их сменили профессиональные проповедники (хатибы).

Мусульмане не обязательно отдыхают по пятницам. Мечеть (масджид—«место, где простираются ниц») слишком часто описывалась, чтобы долго останавливаться на ней. Зал для молитвы со сводами, опирающимися на колонны; в глубине этого зала, посередине стены, ниша с более или менее богатыми украшениями (михраб) указывает направление к Мекке (кыбла), совершенно необходимое для того, чтобы молитва имела силу. Имам становится перед этим михрабом. Рядом с михрабом находится кафедра (мимбар) для проповедника. На специальном возвышении помещаются официальные чтецы Корана во время торжественных богослужений. С противоположной михрабу стороны находится двор (сахн); с внутренней стороны, вдоль окружающей его стены, обычно имеются крытые галереи с отделениями, где совершается обряд омовения. Прототипом мечети, вероятно, послужил «двор в доме Пророка; в одном конце его строение вроде сарая служило приютом для верующих... Не приходится сомневаться, что на устройстве мечетей сказалось влияние христианских соборов, многие из которых были приспособлены для отправления религиозного

культы арабов-победителей» (Ж. Марсэ). В одном из углов мечети высится минарет, с которого муэzzин (чаще всего слепой, чтобы он не мог подглядеть тайн дворов и террас) пронзительно выкрикивает нараспев призыв (азан) к пяти ежедневным молитвам. У правоверных азан состоит из следующих обращений: «Аллах превелик! Свидетельствую, что нет божества, кроме аллаха! Свидетельствую, что Мухаммед — посланник аллаха! Идите на молитву! Идите ко спасению! Аллах превелик! Нет божества, кроме аллаха!» Такие восклицания повторяются много раз; количество повторений различно в зависимости от мазхабов. В шиитский азан между пятым и шестым обращениями введено следующее: «Идите к лучшему из дел!» Наличие такого обращения свидетельствует о водворении шиизма в данном районе.

Пост. Окончательно не доказано, что пост не был известен в Мекке до ислама. Ведь можно спросить, не заимствовали ли ханифы, эти аскеты, бывшие предшественниками Мухаммеда, обычай поста у иудеев и христиан, который, впрочем, мог наблюдать и сам Мухаммед. В Коране, в частях, написанных в Мекке, не вполне определенно говорится о посте (см., однако, 19, 27). Но после хиджры Мухаммед в подражание мединским евреям установил пост ашура («десятый день», ср. Левит, 16, 29). Этот пост соблюдался не только в течение дня, но, по еврейскому обычаю, от одного захода солнца до другого. Однако уже во втором году хиджры (на этой дате сходятся все предания) вследствие обострения отношений между Мухаммедом и евреями месяцем поста был объявлен рамадан, а ашура стала необязательной. В глазах мусульман Мухаммед тем самым восстановил в его начальной чистоте пост, предписанный аллахом евреям и христианам, тот пост, обряды которого они «извратили». По мнению Венсинка, арабы-язычники считали месяц рамадан священным, и это могло повлиять на выбор Мухаммеда.

Основное правило поста изложено в Коране (2, 179—181). Пост в месяце рамадане обязателен для всех, кроме больных и путешествующих, которые должны впоследствии возместить освобождение от него. Другие стихи Корана предписывают искупительные посты (см. EI, vol. III, p. 201).

Вот условия, необходимые для того, чтобы пост был зачтен: до наступления зари каждого дня поста нужно высказывать намерение (нийя) поститься. Женщина не должна находиться в определенном законом состоянии нечистоты. Категорически запрещается вводить внутрь какие-либо материальные вещества (пищу, дым, слизистые выделения, капли), задерживать содержимое кишечника, пускать кровь или ставить банки, испытывать половое возбуждение. Однако, если человек поест ненамеренно, это не считается нарушением поста.

Пост следует строго соблюдать от восхода до захода солнца. Сейчас же после заката верующий должен принять фатур — легкую пищу, которой он нарушает пост. Вторая еда — сахур («еда на заре») — дается перед возобновлением поста. В конце дня, проведенного в посте, верующий благодарит аллаха; рекомендуется читать Коран. Тот, кто отрицает обязательность поста, считается неверным. Тот, кто освобождает себя от него без уважительной причины, подлежит тюремному заключению. Пост начинается с появлением молодой луны месяца рамадана, замеченной двумя заслуживающими доверия свидетелями, а также по распоряжению кади или какого-либо другого лица, облеченного такой же властью. Начало поста возвещается в разных странах по-разному (лушечный выстрел, знамя, поднятое на минарете, и т. п.).

Пост бывает обязателен еще в некоторых случаях: в возмещение (када), когда верующий не постился в течение всего месяца рамадана; по обету; в связи с обрядами, предписанными имамом в случае засухи (истиска); в виде большого искупления (каффара — пост в течение двух месяцев подряд), в тех случаях, когда пост рамадана был нарушен половыми сношениями; в виде малого искупления (фидийя — период поста или раздача милостыни), когда было использовано освобождение от поста, допускаемое законом. Освобождаются от поста люди пожилые и больные (путем искупительной милостыни), беременные и женщины, кормящие грудью (путем милостыни или возмещения, в зависимости от случая); путешественные, отправившиеся в путь до восхода солнца (с условием возместить это освобождение постом в будущем), те, кто занят на тяжелых работах (в случае надобности).

Добровольный пост сверх предписываемого законом рекомендуется в день ашуры, в день арафа (в месяц паломничества) и в шесть дней месяца шавваля. Но запрещается поститься в дни двух великих праздников и в случае опасности; порицается пост в пятницу, субботу (день евреев) и воскресенье (день христиан).

Согласно широко распространенному мнению, пост, особенно в месяц рамадан, является лучшим средством искупления грехов, совершенных в течение года. Знаменитый богослов Газали видел в нем лучшее средство для обуздания страстей.

В течение месяца рамадана верующие прибавляют к пяти обычным ежедневным молитвам еще одну молитву в двадцать ракатов, которая совершается вечером, под руководством имама. Конец поста отмечается в первый день месяца шавваля. Это один из двух ежегодных великих праздников — ид аль-фитр («праздник разговения»), или аль-ид ас-сагир («малый праздник»); в Турции известен под названием кючюк-байрам («малый праздник»). Так он называется в противоположность «большому празднику» — аль-ид аль-кабир в месяц паломничества. «Малый» праздник отмечается с большей торжественностью и весельем, чем «большой», так как он знаменует окончание поста: допускается совершение богослужения под открытым небом (подробности см. ЕІ, art. «Id»); перед началом праздника беднякам раздают милостыню «окончания поста» (закят аль-фитр) от каждого члена семьи. Эту милостыню не следует смешивать с узаконенной милостыней, составляющей четвертый столп веры.

Узаконенная милостыня. Она основана на общей арабам и евреям идее: блага этого мира нечисты, приобретать их и пользоваться ими дозволено только при условии очищения частичным возвратом их богу. Слово «закят», которым обозначают такую милостыню, первоначально означало «очищение». «Вам не достичь благочестия, покуда не будете делать пожертвований из того, что любите» (3, 86). «Каждое пожертвование, какое ни пожертвуют они, малое ли оно будет или большое..., записано будет за ними, для того чтобы богу наградить их наилучшим благом...» (9, 122). Разумеется, не следует творить милостыню, «лицемеря перед людьми» (4, 42).

Другое слово — «садака» (точнее «садакат ат-татав-ву» — «милостыня по внезапному побуждению») означает доброхотное даяние и несомненно восходит к древнееврейскому «дака» («справедливость», позднее — «милостыня»). Впрочем, четкое разграничение между словами «закят» и «садака» установилось только со временем. В Коране они употребляются одно вместо другого; то же мы наблюдаем в сборниках хадисов и даже у позднейших авторов. Во всяком случае, бедняки, мусульмане, томящиеся в плену у неверных, должники, участники священной войны, путешествующие имеют право пользоваться закятом и садакой. Члены семьи Пророка, по представлениям суннитов, не имели никакого права на пользование ими. Шииты же считали, что родственники Пророка имеют право на получение определенной доли.

Милостыня, совершенно ясно предписываемая Кораном (58, 14), обязательна для каждого здорового телом и духом мусульманина, если он владеет стадами, имеет определенный годовой доход, получает прибыль от сельского хозяйства, ремесел или торговли. Но владелец имущества подлежит обложению только в том случае, если его доход превышает установленный минимум (нисаб). Этот минимум был определен для ремесленника и торговца в 5 унций серебра, земледельца — 5 нош фиников или зерна; скотовода — пять верблюдов или 30 голов крупного, либо 40 голов мелкого скота.

В конечном счете речь идет о налоге или, вернее, о «десятине», взимаемой с доходов богатых и распределяемой между бедными. В большинстве случаев взимается одна десятая доходов; возможно снижение до одной двадцатой, если доход был получен в результате тяжелой работы.

В принципе закят выплачивается натурой. Взимать его поручали сборщику и его помощникам; «произведения земли» получали непосредственно; при обложении других предметов полагались на декларацию облагаемых, которая, конечно, зачастую бывала сомнительной. Закят не взимался с ценностей, остававшихся менее года в руках одного и того же владельца. Легко представить, к каким это приводило злоупотреблениям.

Постепенно закят утратил свой благотворительный характер и стал налогом, взимаемым деньгами. Даже

изменили его название (например, в Алжире он стал «ашуром»). Что же касается добротных даяний (садака), то мусульмане продолжали широко их практиковать. В свое время все доходы с недвижимого имущества предназначались на содержание богоугодных заведений или на строительство общественных сооружений (хабус — на мусульманском Западе, вакф — на Востоке). Эти доходы можно отнести к узаконенной милостыне, так как в случае прекращения существования получателей они должны были быть розданы бедным. Эти вакфы и хабусы оказали большую услугу исламу; на приносимые ими средства были построены общественные здания (университеты, больницы и т. п.). Но с течением времени, вследствие уменьшения доходов возникли затруднения для многих этих богоугодных заведений, а рост их числа только увеличивал зло. Поэтому в некоторых странах в конце концов стали нарушать принцип неотчуждаемости вакфов, сдавая их в бессрочную аренду, а это ведь не что иное, как замаскированная продажа.

Паломничество. В то время как шахада, молитва, пост и милостыня безусловно обязательны, паломничество (хадж) не является такой непременною обязанностью, так как очень часто выполнению его мешают материальные затруднения. Но каждый совершеннолетний мусульманин, как мужчина, так и женщина, обязан хотя бы один раз в жизни совершить паломничество, если только он «в состоянии совершить его» (3. 91). Разрешается посылать вместо себя заместителя. Освобождаются от паломничества слабоумные, рабы, а также женщины, не имеющие родственника, который мог бы их сопровождать. Причинами для освобождения могла быть также небезопасность дорог. Действительно, паломникам всегда приходилось страдать от разбоя. Мекканские власти даже были вынуждены заключать с предводителями бедуинских племен особые соглашения, гарантировавшие безопасность паломников за определенную сумму, выплачиваемую этим племенам (сурра). Паломники, прибывавшие по суше, составляли сирийский (самый важный), египетский и иракский караваны. Паломники из Магриба и Ирана обычно прибывали морским путем. Среди них встречались представители всех классов общества. Со времени учреждения са-

нитарной комиссии в Джидде число паломников стало определяться с большей точностью, в среднем около 70 тыс. в год, — ничтожная цифра по сравнению с общим количеством мусульман. Тем не менее паломничество до сих пор не утратило своего первостепенного значения как по причине его политических и экономических последствий, так и в силу древности этого обычая. В самом деле, оно является как бы амальгамой пережитков язычества и новой обрядности. Святые места, посещаемые паломниками в Мекке, являлись объектами поклонения еще в доисламские времена.

Мы уже видели, как относился к паломничеству Мухаммед. Быть может, после хиджры он и хотел создать в Медине святилище, которое соперничало бы с мекканским храмом. Но скоро он понял, что в его интересах наладить отношения с курейшитской партией, обладавшей политическим и экономическим могуществом, и что он не может отменить мекканские обряды, защитой которых служило их древнее происхождение. Именно тогда, через шестнадцать-семнадцать месяцев после хиджры, он и решил отказаться от являвшегося кыблой священного города евреев (Иерусалима) в пользу Мекки. Так хадж стал мусульманским обрядом (5, 98 и сл.).

Книга Годфруа-Демонбина («Le pèlerinage à la Mecque») содержит очень подробное описание всех обрядов паломничества. Практически эти обряды делятся на две группы. С одной стороны, примитивное паломничество сохраняется в форме обрядов (умра), которые можно совершать индивидуально в любое время года за исключением двух месяцев хаджа (зу-ль-када и зу-ль-хиджа). Что же касается хаджа (паломничества в собственном смысле), то в нем соединяются обряды умры с обрядами, связанными с близкими к ним святынями. Это амальгама обрядов, бывших когда-то отдельными.

Не стоит возвращаться к описанию района Мекки. Однако следует описать ее основную святыню. Название Кааба происходит от формы здания, похожего на куб, но в действительности прямоугольного — приблизительно 10×12 м, высотой в 15 м. Кааба, построенная из серого камня с окрестных гор, покоится на мраморном фундаменте в 25 см высотой; ее четыре угла названы иракским, сирийским, йеменским (по тому, в какую сто-

рону они обращены) и черным (так как близ него находится священный «черный камень»). Снаружи Кааба покрыта черной парчой (кисвой). Этот покров ежегодно изготавливается в Египте, и его привозит караван, прибывающий из этой страны (ср. с покрывалом, которое подносили паломники богине Афине в древней Греции). Незадолго до прибытия паломников (25—28 числа месяца зуль-када) черное покрывало заменяется белым чехлом: Кааба, как и паломники, принимает ихрам. В конце месяца паломничества ее облачают в новое черное покрывало (а старое разрезают на куски и распродают как реликвии). Дверь Каабы находится на высоте двух метров от поверхности земли. В те дни, когда она бывает открыта, к ней подкатывают деревянную лестницу. Внутри три деревянные колонны поддерживают кровлю; никакой мебели; множество ламп и надписей; пол, вымощенный мраморными плитами. С наружной стороны вымощенная дорога (матаф) предназначена для обрядовых процессий (таваф) паломников. Углубление в камнях мостовой перед дверью Каабы считается творилом, в котором Авраам и Исмаил якобы приготовляли известковый раствор, когда строили Каабу (2, 119). Камень же, на который, по преданию, становился Авраам, находится во дворе, в небольшом строении «макам Ибрахим». Неподалеку от этого макама высится кафедра (мимбар) из белого мрамора. Небольшой купол образует навес над колодцем Земзем, являвшимся, возможно, наиболее древней частью святилища. Имеются еще другие строения (см. изображения всего ансамбля у Годфруа-Демонбина и Мейергофа. «Monde islamique». рис. 27). Огороженное пространство, заключенное между стеной Каабы и другой стеной из мрамора, выстроенной в виде полукруга, слывет местом погребения Агари и Исмаила; считают, что вокруг Каабы погребено несколько сот пророков.

Немало разрушений приносили Каабе время и люди. В 683 г., во время осады Мекки, случился пожар, «черный камень» раскололся. Когда осаде подвергся антихалиф Абдаллах ибн аз-Зубейр, храм был разрушен, а затем восстановлен⁶. В 929 г. на Мекку пред-

⁶ Храм был частично разрушен в результате обстрела Мекки из камнеметательных орудий. Обстрел производило войско халифа Абд аль-Малика под командованием Хаджжаджа.

приняли нападение карматы, которые увезли «черный камень» и вернули его только через двадцать лет. В 1630 г. была произведена полная реставрация храма, необходимость которой была вызвана долгим воздействием непогоды и периодических наводнений.

Территория Мекки священна (харам), и строго запрещается уносить с собой хотя бы крупицу ее земли. Она была священной еще до ислама. Прежде чем вступить в район Мекки паломник должен привести себя в состояние освящения (ихрам). Он покрывается одеждой, которая носит то же название — ихрам. Предварительно он совершает омовение (гусл), окрашивает себе ногти, умащает тело благовониями (в основе всего этого лежит первобытный обычай изгнания злого духа), а иногда и бреется. Ихрам, на котором нет ни одного шва, состоит из куска ткани (изар), обернутого вокруг тела от пояса до колен, и из шали, прикрывающей часть левого плеча, шею и грудь и завязывающейся на правом боку (рида). Эта одежда, существовавшая и до ислама, не лишена сходства с одеянием древних евреев. Голова должна быть непокрытой; в качестве обуви разрешаются только сандалии. Женщины обычно окутываются с головы до ног. В состоянии ихрама запрещены половые сношения, заботы о собственной внешности и охота; нельзя также срывать плоды и проливать кровь.

Придя в состояние ихрама, верующий читает молитву и выражает намерение совершить одновременно хадж и умру или только один из этих обрядов. Затем он метит (ишар) животное, которое принесет в жертву. Сейчас же после этого он начинает кричать: «Лаб-бейка! Повинуюсь тебе!» Это восклицание будет звучать непрерывно, вплоть до выполнения обряда бросания камней. Прибыв в Мекку, паломник входит во двор Каабы, обходит семь раз вокруг нее (таваф), целует «черный камень» (или, если толпа слишком плотна, дотрагивается до него); затем опять совершает ритуальные обходы вокруг Каабы. После этого верующий выходит со двора храма и выражает намерение совершить обряд «сай» — посещение холмов Сафа и Марва. Часть пути между этими холмами он проходит очень быстрым шагом. Это языческий обычай, который ислам объясняет различными легендами, в частности тем, что по

преданию, Агарь семь раз пробежала между этими холмами в поисках воды для Исмаила.

Посещение трех святынь составляет древнюю часть обряда (умра). Если верующий ограничивается этим, то он дает обрить себе голову и, таким образом, освобождается от всех ритуальных запретов. Но если он высказал намерение прибавить к умре еще и хадж, то он продолжает держать себя в состоянии ихрама. В противоположность умре хадж должен совершаться всеми находящимися в Мекке паломниками и начинаться в определенный день. Вот его программа:

1) 7-го числа месяца зу-ль-хиджжа — проповедь в мечети Каабы; в тот же вечер или на следующее утро паломники покидают Мекку;

2) 8-го числа процессия паломников отправляется в Мину, затем в Муздалиф и останавливается у холма Арафа; равнина, обычно безлюдная, покрывается палатками, напоминающими ярмарки языческой Аравии; многие паломники взбираются на холм с криками «Лаббейка!»; ночь проходит в молитвах или развлечениях;

3) 9-е число — самый торжественный день хаджа, день поклонения; Хутсма сравнивает это пребывание в Арафе со стоянием евреев у Синая (Исход, 19, 10—15). Когда солнце прошло меридиан, имам въезжает на коне на вершину холма Арафа, читает проповедь и возносит мольбы. Как только солнце исчезает за горами, наступает ифада; все спешат под звуки музыки и выстрелов, при вспышках ракет в Муздалиф, где и проводят ночь;

4) 10-го числа очень рано, после молитвы и проповеди, отправляются в Мину. В этот день выполняются три обряда: каждый паломник бросает в одну из трех куч камней (джамра) семь мелких камешков, подобранных им накануне в Муздалифе; затем он закалывает или просит заколоть жертвенное животное (овцу, козу или верблюда, смотря по средствам), которое он метил, вступая в священную область; мясо жертвы нередко раздается бедным (садака — милостыня), а излишек остается на месте — такое жертвоприношение принято во всем мусульманском мире и связано с «большим праздником» (аль-ид аль-кабир) 10-го числа месяца зу-ль-хиджжа и трех последующих дней (айям ат-ташрик); наконец, паломник дает обрить себе голову и обрезает

ногти (волосы и ногти старательно зарывают в землю), после чего он оказывается наполовину освобожденным от ритуальных запретов (тахаллуть); полностью он освободится от них лишь тогда, когда снова посетит святые места Мекки, Мины, Сафы и Марвы.

С паломничеством в Мекку многие паломники совмещают посещение могилы Мухаммеда в Медине, а иногда даже путешествие в Иерусалим, город пророков, в котором находится мечеть Омара.

Это паломничество на могилу Пророка заставляет вспомнить о хождениях шиитов к гробницам своих имамов. Святыми городами шиитов являются Кербела (с гробницей Хусейна), Неджеф (с гробницей Али, вокруг которой похоронено много шиитов), Казимейн близ Багдада (гробницы 7-го и 8-го имамов), Самарра (гробницы 10-го и 11-го имамов и склеп 12-го). Эти святые города очень хорошо описаны Э. Обеном («*Perse d'aujourd'hui*», гл. XVI). Кроме этих городов в Месопотамии, имеются два святых города в Иране: Мешхед (гробница имама Резы) и Кум (гробница Фатимы, сестры имама Резы). Мы увидим, что культ, воздаваемый шиитами имамам, потомкам Али, стал культом святых и мучеников.

В обычае паломничества в Мекку можно выделить три основных элемента: прежде всего религиозный элемент — мусульмане видят в нем верное средство снять милость божью; затем — традиционный политический элемент: паломничество, по крайней мере в принципе, играет роль собрания мусульман всего мира⁷; третий элемент — этнографический: обряды принесения в жертву своих волос, преходящие и сезонные обряды, обряды хождений и другие подобные обряды.

Предписания. Мы видели, что Коран содержит известное число предписаний, в частности в сурах 3, 4, 5. Впоследствии они были развиты фикхом, и это развитие не избежало влияния местных обычаев. Вопрос рассмотрен Годфруа-Демонбином в его «*Institutions musulmanes*». Поэтому не имеет смысла рассматривать его. Но не-

⁷ Это мусульманское представление о хадже как «всемусульманском парламенте» или ежегодном «конгрессе мусульманских наций» усиленно пропагандируется панисламистами, но является совершенно несостоятельным.

лишне перечислить те элементы социальной организации, которые встречаются в Коране.

К женщине Коран не проявляет нежности. Она принадлежит к числу тех, которые «вырастают в думах только о нарядах и в бестолковых спорах» (43, 17). Жена и дети нередко мешают мужчине исполнять его обязанности по отношению к аллаху (64, 14). Но двух женщин Коран признает совершенными (66, 11—12). Это Азия, супруга Фараона, и Мария, мать Иисуса. Мухаммед прибавит к их именам имя своей супруги Хадиджи и своей дочери Фатимы. В то же время Коран не одобряет недовольство, вызываемое обычно рождением дочери (16, 60), и осуждает язычников за обычай заживо хоронить дочерей (81, 8).

Известно, что Коран разрешает иметь не более четырех законных жен (4, 3) и предписывает вступать в брак «с воспитанными под строгой охраной дочерьми верующих и с воспитанными под строгой охраной дочерьми тех, которым прежде вас дано писание» (5, 7). Рабыни в счет не идут. Муж должен содержать всех своих жен в достатке.

Если же он не имеет на это средств, ему разрешается жениться на рабыне (4, 29). Ни в коем случае нельзя жениться на родственнице (4, 27). Но мужчина имеет право вступать в брак с женой, которой дал развод его приемный сын (33, 37). Это намек на Зейнаб, с которой развелся Зейд, приемный сын Мухаммеда, и на которой Пророк впоследствии женился. Жена не приносит никакого приданого. В Коране сохранен обычай языческой Аравии — поднесение подарка (махр) невесте. Но этот подарок утратил свой первоначальный характер оплаты стоимости покупаемого. Это просто вознаграждение, которое остается собственностью женщины даже в случае разрыва союза (4, 23—25).

Коран отменяет языческий обычай левирата⁸: вдова может располагать собой и снова вступать в брак по истечении срока в 4 месяца и 10 дней (2, 234). Точно так же и отвергнутая мужем жена может снова выйти замуж, после того как у нее трижды пройдут менструа-

⁸ Левират — обычай первобытных народов, по которому овдовевшая женщина могла вступить вторично в брак только с дедом (братом мужа) или с кем-либо из его родственников.

ции (2, 228); в течение же этого срока муж сохраняет право вернуть ее к себе.

У арабов-язычников право расторжения брака принадлежало исключительно мужчине. Мы уже видели, что Коран оставляет разведенной супруге долю наследства, которую обычно получает вдова. В нем содержатся еще и другие предписания, относящиеся к разводу супругов, независимо от того, исходит ли инициатива от мужа или от жены. Бывало, например, что муж, злоупотребляя своим правом вернуть к себе отвергнутую жену до истечения указанного в предписании срока, вновь отвергал ее после этого, принуждая ее тем самым к новому периоду ожидания. Делалось это в надежде, что она в конце концов откажется от своей доли имущества. Такое злоупотребление предупреждается двумя стихами Корана (2, 229—230): «Разводу — два исхода: или удержать жену при себе с благопристойностью, или отпустить ее с убоганием... Если он разведется с нею, то она после того уже не позволена ему дотоле, покуда она не выходила за другого какого-либо мужа; и когда этот другой разведется с нею, тогда обоим им не грех возвратиться друг к другу...»

Участь детей предусмотрена в случае развода (талак): «А беременным срок, когда они разрешатся от своего бремени» (65, 4). «Родительницы грудью кормят детей своих полные два года... а на родителе их обязанность кормить их, одевать их благопристойным образом... И если захотите поручить ваше дитя кормилице, то не будет на вас греха, как скоро вы будете верно платить то, что хотели доставить ей» (2, 233). Так же как Коран осуждает погребение живых девочек, он запрещает убийство детей из страха перед бедностью (17, 33). Коран настойчиво предписывает особо заботливое отношение к сиротам, честное управление их имуществом до их вступления в тот возраст, когда они сами смогут им распоряжаться (4, 2—6). Он неоднократно напоминает также об обязанностях детей по отношению к родителям (в частности, 46, 14 и сл.).

Если семья имеет рабов, то Коран рекомендует проявлять доброту в обращении с ними (4, 40) и оставлять часть милостыни (садака) на их выкуп (9, 60). Рабы будут освобождены по их просьбе, если их сочтут достойными этого (24, 33). Надлежит освободить раба в

том случае, когда муж, торжественно отрекшись от своей жены путем произнесения формулы: «Да будет отныне твоя спина для меня как спина моей матери», захочет отменить свое решение (58, 4).

Основные принципы права наследования изложены в суре 4, в стихах 8 и сл. и 175. Эти очень точные стихи нет надобности подвергать анализу или цитировать.

Всякое завещание, всякое обязательство об уплате долга должны составляться при двух свидетелях (шахидах), которые в случае сомнения подтверждают правдивость своих показаний клятвой (5, 105 и сл., и 2, 282). Разрешается «нарушать клятвы» (66, 2). Но такое нарушение влечет за собой искупление: накормить или одеть десять бедняков, освободить одну рабыню или поститься три дня (5, 91). Лжесвидетельство, являющееся преступлением (2, 277), подлежит наказанию (24, 4). Никогда нельзя отказываться от дачи свидетельских показаний (2, 283) даже против самого себя (4, 134).

Одно выражение: «худуд аллах» («пределы, положенные аллахом», или «уставы божьи», «*sepes legis*») неоднократно встречается в Коране и обозначает не только веления, но и запреты (например, 2, 183: «Таковы уставы божьи, и не покушайтесь нарушать их», а также 65, 1). Уголовные законы изложены в Коране отрывочно. Свод мусульманских законов (шариат) устанавливает четыре наказания: возмездие однородным действием (касас), штраф за убийство (дия), наказание, определенное законом и не подлежащее изменению (хадд), наказание, налагаемое судьей (тазир). Из них только два первых фигурируют в Коране. По закону право карать (азаб) есть либо частное право человека, либо право аллаха. В первом случае наказание налагается по просьбе жалобщика, а между тем Коран советует платить добром за зло (23, 98; 41, 34) и обещает рай тем, «которые укрощают гнев и прощают людям» (3, 128). Это не помешало сохранить в Коране штраф за убийство и месть, восходящий ко временам язычества. Впрочем, и для мусульман и для язычников наказание представляет собой очищение от вины.

Коран ограничивает месть личностью виновного: «Верующие! Вам предписана месть за убитых: свободный за свободного, раб за раба, женщина за женщину» (2, 173). Подобное предписание отличается общим ха-

рактором и оставляет большой простор для различных толкований. Это же место допускает, в противоположность язычеству, отсрочку наказания и уплату денежного штрафа, но только за первое убийство, а не в случае рецидива. Коран напоминает (5, 49) предписания Пятикнижия, касающиеся мести, и отличает от преднамеренного убийства убийство по неосторожности; к последнему мечь неприменима и заменяется выкупом (дия). В первом случае тот, «кто убьет верующего умышленно, тому воздаянием будет геенна, в которой он будет вечно» (4, 95). Второй случай урегулирован в предшествующем стихе той же суры: за непредумышленное убийство мусульманина или представителя союзного народа следует отпустить на волю раба и уплатить семье цену крови (если только она от этого не откажется); за убийство мусульманина из вражеской страны можно ограничиться освобождением одного раба. Позднее дия выплачивалась также при повреждении отдельных частей тела.

В общем, Коран прямо осуждает убийство (катль), делая исключение только для священной войны (например, 5, 37). В отношении мести предписания Корана смягчают языческие обычаи.

Запрещение самоубийства неявно выражено в Коране (4, 33) и уточняется лишь в хадисах. О смерти от избития камнями, которой подвергали за прелюбодеяние, говорится не в Коране, а в последующей литературе. В данном случае Коран оказывается менее суровым, чем Левит, и предписывает сто ударов кнутом обоим виновным, а женщине — пожизненное заключение (4, 19).

Зато в отношении воровства Коран проявляет большую суровость, чем язычники. У язычников кража считалась позором, если она наносила ущерб гостю или члену племени, но вор оставался безнаказанным. Коран же повелевает отсекал кисть руки вору (сарик) или воровке (5, 42). Это новшество, кажется, иранского происхождения. Ростовщичество категорически запрещено многими стихами (например, 2, 276 и сл.).

Запреты, касающиеся пищи, встречаются в целом ряде мест. Запрет потребления вина (хамр) появился не сразу. Ламменс показал, что за немногими исключениями почва Аравии неблагоприятна для возделывания винограда. Вино, вероятно, ввозилось из Сирии и Ирака

христианами и евреями, которые продавали его племенам Аравии. При жизни Мухаммеда мекканцы и мединцы охотно предавались пьянству и азартным играм, что иногда мешало выполнению религиозных обязанностей. Поэтому Коран, который сначала рассматривал вино как божественный дар — «упойтельную влагу» (16, 69), стал предостерегать верующих против опасностей, таящихся в вине и игре (2, 216 и 4, 96); в конце концов на вино и азартные игры накладывается запрет (5, 92). Быть может, в этом запрете вина сказалось влияние иудаизма и христианства. Вакхические поэмы мусульманских литератур показывают, что этот запрет не всегда строго соблюдался.

Другие касающиеся пищи запреты собраны в одном стихе [5, 4: запрещается употреблять в пищу мертвечину (мейта), кровь, мясо свиньи, не может употребляться в пищу «скотина удушенная, умершая от удара, убившаяся падением с высоты, забоданная рогом; та, которую заел хищный зверь»]. Кажется, еще со времен язычества арабы избегали употреблять в пищу кровь животных из опасения нарушить предписания религии. Нечего и говорить о несомненном еврейском влиянии в этом случае.

Тот же стих заканчивается запрещением делить убитых животных «метанием стрел», о котором упоминается (5, 92) наравне с мейсиром и идолами. Толкователи считают, что мейсир обозначает азартные игры в целом. Что же касается стрел (азлам), то это азартная игра, существовавшая еще в языческие времена: верблюда делили на несколько частей и распределяли эти части в соответствии с мечеными стрелами, вынимаемыми игроками из мешка. Эта игра иногда доводила арабов-язычников до потери всего имущества, проигрывали даже членов своей семьи. Что же касается водруженных камней (ансаб), то это были идолы, вокруг которых арабы-язычники совершали обряд кружения, воздав им предварительно жертвенные возлияния. Обход вокруг Каабы и «черного камня» является пережитком этого обычая.

Эти идолы, культ которых запрещен Кораном (например: 6, 74; 14, 38), приводят к вызывающему столько споров вопросу о запрещении изображений (сура), которое, впрочем, не представляет собою особенности ислама. Христианская церковь на Востоке тоже знала

такое запрещение при павликианах⁹, в царствование Льва III. Это запрещение не выражено категорически в Коране, как обычно принято утверждать. Тем не менее истоки его можно найти в некоторых стихах (например: 3, 4; 7, 10; 40, 66). Аллах в этих стихах представлен по преимуществу как «формовщик» (мусаввир, синоним бари — «творец»), так же как в древнееврейской литературе Иегова (Яхве) назван «горшечником» (еврейское «иосер», родственное арабскому «мусаввир»). Хадисы сделали из этой концепции следующий вывод: творцы изображений являются подражателями аллаха и заслуживают наказания. Действительно, закон, созданный на основании сунны и хадисов, запрещает изображать живые существа, но не деревья и вещи (примером могут служить мозаики в мечети Дамаска). Некоторые законоведы разграничили изображения животных на предметах, которые топчут и мнут (ковры, подушки), от сделанных на одежде: они допускают первые и отвергают вторые. Другие наложили запрет на куклы. Но практически этот запрет соблюдался не больше, чем запрещение вина: мусульманское искусство дало множество фигур людей и животных (например, роспись на стенах бани в Амре, в Трансиордании, деревянные панели маристана Калауна в Каире, львиный фонтан Альхамбры в Гренаде, раскрашенные иллюстрации рукописей, народные картинки, представляющие Пророка и членов его семьи). В настоящее время страх перед фотографированием все реже встречается среди мусульман.

Кроме того, Корану слишком часто приписывают введение такого обряда, о котором в нем не говорится буквально ни слова, — это обряд обрезания (хитан). Снук Хюргронье правильно писал, что «для некультурной массы мусульман, так же как и для весьма большого числа немусульман... воздержание от употребления в пищу свиного мяса и обрезание стали в известной мере критерием ислама». В действительности же, обрезание, в котором видят сейчас странствующий обряд, было известно в первобытной Аравии, как это можно узнать из древней поэзии и преданий. Различные мазхабы не

⁹ Павликиане — участники сектантского движения в Византийской империи в VII—IX вв. Они выступали против социального неравенства, церковной иерархии и почитания икон.

вполне сходятся относительно способа производства операции. Она сопровождается церемониями, различными в разных странах. В большинстве случаев обрезание (или отрезание, как, например, на Яве и Суматре) производится в возрасте, который колеблется от седьмого дня до пятнадцатого года. Иногда такие операции сочетаются с другими, тоже странствующими обрядами: первой стрижкой волос (акита), подпиливанием зубов, окончанием изучения Корана — обрядами, вносящими в ислам обычаи более древнего происхождения.

РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Ислам, как и все другие религии, не мог оставаться неизменным. Мы уже видели, что, пока был жив Мухаммед, не делалось никаких попыток внести какие-либо новшества в правоверие. Но почти сразу же после его смерти появились первые признаки раскола. В основе этого можно найти три главные причины.

1. Склонность к пророчеству, свойственная семитам (древнееврейские пророки, ханифы, предшественники Мухаммеда, лжепророки, появлявшиеся после него).

2. Разногласия по поводу сущности верховной власти (хариджизм, шиизм).

3. Разногласия, связанные с представлением о боге (рационалисты, мистики) ¹.

Движения, вызванные этими причинами, породили мусульманское сектанство. По этому поводу напомним, что не следует смешивать толки и секты. Известно, что среди правоверных мусульман имеется четыре толка (или юридических метода, мазхаба: маликиты, шафиты, ханифиты и ханбалиты). Секта же (фирка), наоборот, представляет собой группировку, участники которой противопоставляют себя иджме по основным вопросам, отходят от правоверной сунны и образуют раскольническую церковь ².

Гольдциер показал, что «исламу обычно приписывают гораздо большее количество сект, чем это может

¹ Автор дает чисто идеалистическое объяснение возникновения раскола. На самом деле его основными причинами были социальные противоречия и вызванная ими классовая борьба.

² Название «церковь» обычно не применяется к исламу, приверженцы которого составляют «общину верующих».

допустить здравая оценка реального положения вещей». По одному преданию, иудаизм обладает 71 добродетелью, христианство — 72, ислам — 73. Мусульманское богословие постепенно превратило эти 73 добродетели в 73 ветви. Затем вследствие одного недоразумения эти ветви стали 73 сектами, из которых только одна, правоверные сунниты, должна избежать ада. Впрочем, против этого драконовского положения было впоследствии выдвинуто толкование, отличающееся большей терпимостью: только одна из этих 73, секта зиндиков³, будет ввергнута в ад.

Числа 70 (производное от 7) и 73 в Азии всегда имели священный характер, по-видимому, астрономического происхождения: 70 дней — одна пятая часть лунного года; 73 дня — одна пятая часть солнечного года. Эта концепция, пришедшая, быть может, из древнего Ирана, перешла к евреям (например, 70 недель книги Даниила), христианам и мусульманам. В применении к различным религиям она послужила источником для предания, согласно которому лучшей из религий является та, которая насчитывает наибольшее число сект.

Появление пророков. Как мы видели, уже в правление халифа Абу Бекра в Аравии начали появляться лжепророки. Рассмотрим их деятельность в той мере, в какой мы можем узнать о них от историков. От первого из них, Тулейхи, сохранилось несколько отрывочных текстов; некоторые считают их подражанием Корану, а другие — пародией на него. Оставленный своими приверженцами, Тулейха был разбит мусульманами и бежал в Сирию.

Затем пророчица Саджах, выступая с проповедями в рифмованной прозе в стиле языческих прорицателей (кахинов), подняла восстание в своем племени. Когда ее последователи были рассеяны, она бежала в Йемаму, где присоединилась к более опасной личности — Мусейлиме.

Мусейлима принадлежал к племени бену ханифа. Часть людей этого племени исповедовала христианство, племя занималось главным образом земледелием. По-видимому, Мусейлима намеревался создать новую ре-

³ Зиндикки — еретики; иногда синоним кафиров — «неверных», немусульман.

лигию, основанную на христианских идеях; своего бога он называл Рахман (милостивый). Это название, вероятно, христианского происхождения, встречается и в Коране. Отчаянное сопротивление приверженцев Мусейлимы продолжалось даже после того, как он погиб в бою.

Другой лжепророк — аль-Асвад («черный») появился в Йемене и завладел его столицей Сана, в которой господствовали метисы, потомки древних иранских завоевателей, вступавших в браки с местными женщинами. Аль-Асвад, преданный вдовой одного иранского правителя, которую он взял в жены, был убит. Он не только играл роль лжепророка, но (что гораздо важнее) был орудием проникновения арабов в страну, находившуюся под иранским влиянием. Самый этот факт показателен: впервые политика примешивается к религии⁴.

Впрочем, это влияние политики еще ярче проявилось в вопросе о наследовании халифской власти. Мы уже видели, какие беспорядки и затруднения возникли в мусульманской общине тотчас же после смерти Мухаммеда. Благодаря энергии Омара, который помог прийти к власти Абу Бекру, а затем правил сам, правоверие было спасено. Но при Османе началась борьба между двумя родами племени курейш. Эта борьба достигла предельного напряжения при Али. Тогда-то и возникли первые сектантские движения явно политического происхождения.

Хариджизм. Первым из таких движений был хариджизм. Это движение возникло в связи с предложением третейского суда между Али и Муавией во время Сиффинской битвы. Мы уже говорили, как часть сражавшихся, не признавая суда людей, заявила, что «судить вправе только бог». Эти недовольные удалились в деревню Харура в окрестностях Куфы (поэтому их сначала называли харуритами). Когда стал известен результат третейского суда, многочисленные приверженцы Али покинули Куфу, чтобы присоединиться к этим раскольниковым (самое распространенное их название — хариджиты — произошло от слова «хараджа» — выходить).

⁴ В классовом обществе религия всегда сочетается с политикой. Ислам с самого своего возникновения служил орудием политики.

Их ряды пополнились неарабами, воспользовавшимися случаем, чтобы выдвинуть свои требования. Не приходится говорить о том, сколько труда стоило Али сдерживать их, однако дело кончилось тем, что они его убили. При Омейядах, несмотря на умелое и крепкое правление Муавии, хариджиты подняли в Куфе и Басре мятежи, которые были потоплены в крови. Хариджитские мученики, совершенно так же как шиитские, стали впоследствии объектом подлинного культа. Но к этому культу хариджиты присоединят еще и обязательное отмщение (возможно, пережиток язычества). Много лет длилась междоусобная война. Хариджиты (подобно парфянам⁵), бывшие превосходными наездниками, распространились по Нижней Месопотамии и в случае необходимости укрывались в горных районах Ирана. Они сражались и с Ибн аз-Зубейром и с наместниками Омейядов. После смерти халифа Язида они разбились на отдельные мелкие секты: азракитов, суфритов (суфрийя) и ибадитов (ибадийя, абадийя).

Азракиты, фанатики, истреблявшие всех немусульман, отказывавшихся обратиться в их веру, стали серьезной угрозой единству халифата, образовав самостоятельное государство на юге Ирана. Они были уничтожены в конце VII в. после ряда походов халифских войск. К тому времени хариджизм широко распространился в Южной Аравии.

Суфриты, по-видимому, первыми из хариджитов сделали попытку систематически изложить свои религиозные взгляды. Занимая переходное положение между азракитами и ибадитами, они допускали временное прекращение войны против других мусульман, считали возможным из соображений осторожности скрывать свою веру (такыйя), признавали недопустимость убийства детей неверных. В отношении морали они тоже не были так прямолинейны, как азракиты. При последних Омейядах суфриты распространились по всем странам ислама, включая Магриб, где они вместе с ибадитами ускорили всеобщее восстание берберов.

«Хариджиты... снова повели против Дамаска старую борьбу Африки с Римом и Византией... При их по-

⁵ Парфяне — народ, происхождение которого пока еще не выяснено. Они господствовали в иранском царстве Аршакидов (250 до н. э. — 224 н. э.).

средстве две трети Северной Африки обратились в ислам и в то же время вооружились против правоверного мусульманства» (Маскерэ).

Суфриты были поглощены ибадитами. Последние являются более поздним умеренным направлением в хариджизме. При последнем омейядском халифе они подняли восстание в Аравии и тем самым невольно способствовали победе Аббасидов. Их вытеснили из святых городов, но они удержались в Омане и расселились, частично, по Занзибару, а частично — по Северной Африке, где они вместе с суфритами убедили берберов отойти от правоверия. Мы уже видели, как берберов, питавших ненависть к халифским правителям, привлекло учение, провозглашавшее полное равенство всех мусульман. В такой обстановке выявились династические притязания. Ибадиты и суфриты стали оспаривать друг у друга власть над Кайруаном, правителем которого стал Ибн Рустем, ибадит, иранец по происхождению. Через некоторое время хариджиты уже пользовались влиянием во всей Северной Африке, вследствие чего создалась угроза отпадения ее от империи. Аббасидским правителям удалось восстановить свою власть там лишь в 772 г., после целого ряда тяжелых походов. Но ибадитский хариджизм не был искоренен в Магрибе. Династия Рустемидов продержится в Тахерте более 130 лет, до тех пор пока не одержат верх Фатимиды. В 909 г. Фатимиды вынудили ибадитов искать убежище в Сахаре. Впоследствии единство ибадитов было разрушено политическими и религиозными распрями, но их общины до сих пор процветают в Джербе, Джебель Нуфусе, Уаргле и особенно в Мзабе, где они основали много городов и сумели сделать плодородной почву пустыни. Их магрибские общины поддерживают постоянные связи с общинами в Омане и на Занзибаре. Имам Маската — ибадит.

Ибадизм является остатком хариджизма, наступательная сила которого, подорванная сначала Хаджжаджем⁶ и его подчиненными, а затем ослабленная непримиримостью учения, угасла к середине VIII в. Впослед-

⁶ Хаджжадж ибн Юсуф — правитель Ирака и восточных провинций халифата в конце VII и начале VIII в., известен своей жестокостью.

ствии деятельность хариджитов постепенно изменила свою направленность, и они стали заниматься торговлей и составлением богословско-юридических и исторических трудов. Вообще это движение не было чуждо интеллектуальной деятельности. При первых Аббасидах многие ученые и писатели находились под влиянием хариджизма, среди последователей которого появились свои поэты и ораторы.

Что же касается их учения, то оно никогда не было кодифицировано и подвергалось изменениям в многочисленных подсектах. Но они сыграли значительную роль в развитии мусульманского богословия. Хариджиты всегда выступали как пуритане ислама. Мы знаем, что некоторые из них дошли даже до отрицания суры 12 Корана на том основании, что она слишком легкомысленна: в ней рассказывается история Иосифа и египтянки; эту тему позднее облюбовали иранские и турецкие поэты. За исключением этой суры, Коран, по их учению, несотворенное слово аллаха, содержит в себе все знания, и понимать его нужно буквально. Менее ригористичные в отношении прелюбодеяния, чем правоверные, которые требовали, чтобы прелюбодеи побивали камнями, они были гораздо строже правоверных в отношении культа и веры: в то время как те ограничивались телесным очищением перед молитвой, хариджиты дополняли это очищение обязательной абсолютной чистотой совести. Они также считали, что вера недействительна без дел, и не признавали никаких степеней в вере. Кто совершил смертный грех, тот теряет право считаться верующим и, по мнению сторонников крайних взглядов, должен быть даже окончательно отрешен от ислама и уничтожен вместе со своей семьей.

Они осуждали всякую роскошь и запрещали музыку, игры, табак и спиртные напитки.

Но сильнее всего хариджиты воздействовали на судьбы ислама своими политическими теориями. Они всегда придерживались единого мнения в вопросе о халифате, т. е. в вопросе, который лежит в основе всех религиозных делений ислама. В их глазах любой верующий, будь он хоть черным рабом, может быть избран халифом и имамом, руководителем молитвы, если он юридически правоспособен и чист моралью и верой. Но община должна сместить его, как только он перестанет

заслуживать доверие или сойдет с правильного пути, как Али, например, после Сиффинской битвы. Следуя этому принципу, хариджиты избирали халифов из своей среды; из бывших до них халифов они признавали официально только Абу Бекра и в особенности Омара. Одним словом, по их мнению, законен только выборный халиф, и они отвергали принцип наследования верховной власти. Таким образом, хариджиты оказались в полном противоречии с шиитами, сторонниками Али, которые стояли за теократическое, основанное на божественном праве государство. В то время как шиизм в своем развитии мало-помалу приводит к обогащению учения ислама посторонними элементами, хариджизм, наоборот, ставит своей целью восстановление идеального государства, где будет царить высшая справедливость; конечно, вследствие расширения границ империи осуществить это было невозможно. Таким образом, хариджизм подошел к восприятию идеи махди.

Мурджизм. Умеренную, промежуточную между хариджитами и шиитами позицию заняли мурджиты (мурджийя — «те, кто откладывает»). В противоположность крайним партиям, объявлявшим недействительной веру, не подкрепленную делами, и применявшим этот принцип к омейядским халифам, мурджиты считали, что практическое поведение имеет второстепенное значение, а важна только самая вера и лучше быть верующим и плохо вести себя, нежели быть добродетельным, но неверующим. Словом, мурджиты отказывались судить людей и предоставляли это делать богу; отсюда и пошло их название. Практически это означало признание законности власти Омейядов. Такой оппортунизм не мог подойти ни хариджитам, ни шиитам.

Шиизм. Следует предупредить об ошибке, которая встречается очень часто: постоянное противопоставление терминов «суннизм» и «шиизм» приводит к убеждению, что шииты не признавали сунны пророка. На самом же деле наблюдается обратное. Но шииты основывают эту сунну исключительно на авторитете семьи пророка, тогда как правоверные сунниты признают еще и свидетельство сподвижников Мухаммеда. Шииты действительно являются «сторонниками» (это и есть значение арабского слова, которое у нас получило форму «шиит») семьи пророка и не признают других автори-

тетов. Во всяком случае в сборниках суннитских преданий (хадисов) и шиитских преданий (ахбар) большинство текстов являются общими и различаются лишь по именам тех, кто передавал их.

Точно так же (если отбросить суть учения) между суннитами и шиитами практически существуют расхождения только во второстепенных элементах культа. Единственное серьезное различие встречается в брачном праве: шиизм признает институт временного брака (впрочем, пришедший в упадок). Такой брак существовал в языческой Аравии, и в начале своей деятельности Мухаммед относился к нему терпимо. Расторжение временного брака наступает автоматически, по истечении срока, установленного по обоюдному согласию супругов. Поскольку отмена его была провозглашена халифом Омаром, которого шииты не признают, то у них не было никаких оснований изменять свое терпимое отношение к подобной форме брака.

Но из частного случая терпимости не следует делать вывода о том, что шииты менее строги в своих правилах, чем сунниты. Например, буквально толкуя слова Корана «верующие многобожники нечисты» (9, 28), шииты тщательно избегают всякого соприкосновения с немусульманами и доходят до того, что разбивают посуду, к которой те прикасались. Эта непримиримость особенно ярко проявляется у метаули (мутавали — сторонник), сирийских шиитов, которые называют себя джафаритами (от имени шестого имама Джафара, кодификатора имамитского фикха).

Еще одно предварительное замечание: бесполезно припомнить, что, говоря языком политики, происхождение шиизма является арабским, а не иранским. Что же касается религиозного учения шиизма, то некоторые его элементы, в частности его теократическая база и вера в возвращение скрытого имама, представляются иудейско-христианскими (не говоря об отдельных деталях, которые позволяют допустить наличие влияния зороастрийцев, неоплатоников и манихеев). Иногда шиизму приписывали иранское происхождение; это вызывалось тем, что в XVI в. он стал государственной религией Ирана. Кроме того, некоторое влияние на присоединение иранцев к шиизму оказало одно предание, существовавшее в их стране. По этому преданию, Ху-

сейн, сын Али (мученик Кербелы), взял в жены дочь последнего сасанидского царя Ирана, которая попала в плен во время завоевания. Таким образом, это предание удваивало законность власти потомков Али. Итак, базой шиизма в политике является легитимизм: Али был несправедливо отстранен от халифата, равно как и его потомки. Как мы видели, шииты обвиняют суннитов в том, что последние изъяли стихи Корана и хадисы, устанавливавшие права Али на халифат. Один из наиболее известных хадисов гласит, что пророк в присутствии многих своих сподвижников официально признал Али своим преемником. Годовщина этой инвеституры стала даже праздником шиитского календаря (ид аль-газир). К этому празднику нужно еще прибавить ашуру, годовщину убийства Хусейна и его семьи при Кербеле. В глазах шиитов Али и двенадцать его прямых потомков — подлинные халифы или, вернее, имамы. Дело в том, что понятие имамата толкуется шиитами весьма расширенно и приобретает совершенно особое значение: в то время как в правоверном суннизме имам является духовным и светским главой, которого избирают или назначают люди, шиитский имам (наследник миссии пророка) становится таковым в силу божественного указания, переданного, по шиитскому преданию, через Мухаммеда. Он — имам по своей сущности благодаря таинственной эманации, переходящей от одного имама к другому начиная с Адама. Короче говоря, суннитский имам — начальник, шиитский — первосвященник. В дальнейшем шииты, придерживающиеся крайних взглядов, будут толковать понятие «имам» в весьма странном смысле, абсолютно противоречащем хариджитской теории.

«Учение шиитов состоит в следующем: двенадцать имамов непогрешимы; каждый из них творил чудеса; ...каждый из них, умирая, назначал себе преемника — имама, и так шло до Хасана ибн Али аль-Аскари. Последний передал имамат своему сыну, заявив: „Он — махди и владыка времени“. Этот сын родился в Самарре в 255 (869) г. Там есть подземелье, в котором, как говорят, произошло его исчезновение; это подземелье посещается паломниками» (Абу-ль-Маали).

Итак, по шиизму, Али и его потомки олицетворяют принцип наследственной верховной власти и принцип

пророчества. Из этого следует, что имам обязательно должен существовать во все времена. Прямая линия от Али прерывается на 12-м имаме, но последний имам не умер, а удалился в потайное место, где ждет своего часа.

Более того, имамы в силу божественной эманации безгрешны и непогрешимы, т. е. обладают теми атрибутами, которые правоверные считают присущими только пророкам. А из непогрешимости имамов вытекает следствие, о котором пишет Гольдциер: в то время как суннизм является церковью, основывающейся на иджме, шиизм — церковь, основанная на авторитете имама. Быть может, это более, чем что-либо другое, разделяет два учения. В самом деле, с одной стороны, суннизм считает, что со времени образования правоверных мазхабов иджитхад (личное мнение, складывающееся в результате свободного обсуждения принципов закона) был сменен таклидом (безоговорочным признанием авторитета). С другой стороны, шиизм, признавая бессилие человеческого разума в области догмы, не может допустить, чтобы согласное мнение (иджма) служило критерием. По мнению шиитов, должен сохраняться иджитхад, так как применяющие его ученые (муджтахиды) являются лишь орудиями скрытого имама, — он вещает их устами; на этом-то и покоится их авторитет, стоящий значительно выше авторитета улемов (улема — суннитские ученые). Муджтахид еще недавно имел право критиковать даже действия шаха. Главные муджтахиды проживают в святых городах шиизма.

Ясно, что халифы не могли благосклонно взирать на развитие подобного учения. Поэтому они жестоко подавляли все выступления его сторонников, что вскоре придало шиизму облик «гонимой религии». Омейядам, занимавшимся главным образом мирскими делами, Алиды противопоставили себя в качестве поборников духовного ислама. Что же касается Аббасидов, то сторонники Алидов не могли простить им того, как ловко они их использовали, чтобы свергнуть Омейядов. Несмотря на почести, воздаваемые Аббасидами некоторым имамам, шиизм выступал как оппозиционное течение, протестующее против незаконных халифов. Таким образом, шиизм вел настоящую «скрытую жизнь», которая развила в его сторонниках тенденцию скры-

вать свою веру и в случае опасности освобождать себя от выполнения предписаний культа. По сути, эта тенденция (такийя, или китман, — «мысленная оговорка») была свойственна не только шиитам; мы находим ее следы уже в Коране (3, 27; 16, 108); ханифитский суннизм и даже хариджизм считают ее дозволенной. Несмотря на ограничения, делавшиеся шиитскими теоретиками, такойя применялась шиитами настолько широко, что стала одним из отличительных признаков крайних партий шиизма. Справедливость требует указать, что это произошло под влиянием обстоятельств, а не в результате свободного выбора: шииты прежде всего стремились избежать репрессий и кровопролития.

Шиизм, вынужденный отказаться от политической деятельности, тайно разрабатывал свое учение и, как и хариджизм, породил много сект. Некоторые из них впоследствии принесли шиизму то политическое влияние, которого он тщетно добивался ранее.

Но до того как придет этот успех, политические провалы шиизма обусловят формирование одного из его основных элементов — идеи страдания и искупления (идеи, вызвавшей иранские драматические представления, которые напоминают средневековые мистерии своим религиозным и народным характером и временами достигают пафоса). Смерть имама обязательно должна быть мученической (и, действительно, если верить историкам, все шиитские имамы умерли насильственной смертью). Но так как в мире всегда должен быть имам, то последний имам, по верованию шиитов, не умер; он лишь находится в отсутствии и когда-нибудь непременно вернется. А пока не наступит конец этому отсутствию (гайба), шиитская община полагает, что ею управляет «скрытый имам», которому каждый должен приносить присягу верности. Так, в 1910 г. иранский парламент приступил к работе, как утверждали, в присутствии «скрытого имама». В его предстоящее возвращение (раджа) верует большинство шиитов. Но они расходятся в вопросе о числе имамов и личности последнего из них — «скрытого имама». В то время как имамиты, или двенадцатники, верят в то, что было двенадцать имамов, следовавших один за другим, зейдиты завершают счет на пятом имаме, а исмаилиты, или семеричники, — на седьмом.

Зейдиты среди шиитов — наименее удалившиеся от правоверия. Они основали в Йемене независимый выборный имамат, который существует с 860 г., несмотря на завоевание его турками-османами. Название секты произошло от имени Зейда (внука Хусейна), убитого омейядскими солдатами в 740 г. в то время, когда он пытался осуществить права Алидов. Они отвергают временный брак, отрицают божественную сущность имама и не ожидают возвращения «скрытого имама», полагая, что после смерти Зейда имамат должен быть выборным, а не наследственным.

Для имамитов же, составляющих основную массу шиитов, возвращение «скрытого имама» является догматом. Двенадцатый имам Мухаммед, родившийся в 873 г. и таинственным образом исчезнувший, должен появиться, когда пробьет час, в роли махди. Впоследствии имамитизм станет официальной религией Ирана. Долгий период подготовки будет предшествовать его торжеству. Терпимость Саманидов дала возможность шиизму выступать открыто (в начале X в.). Через полвека шииты одержали верх, когда Буиды вступили в Багдад. Тогда были составлены «четыре книги», сборники шиитских преданий, наподобие шести сборников суннитских преданий. Те имамиты, которые считают источниками закона только Коран и эти четыре книги, без иджитхада, составляют партию ахбари (сторонников священного предания). Но большинство имамитов является усули (сторонниками умозрительных методов). Мы видели, какое независимое положение сохранили иранские муджтахиды.

Итак, зейдиты считают, что имамом руководит бог, хотя и не обязательно, чтобы в нем самом заключалась частица божества. Для имамитов же имам — человек, несущий в себе субстанцию божественного света. Для крайних шиитов эта имманентность (хулуль) абсолютна: речь идет о вещественном соединении божества с имамом, становящимся в конце концов даже богом.

До обзора теологической и политической деятельности представителей крайних течений в шиизме следует остановиться на учении о возвращении «скрытого имама», породившем некоторые махдистские движения.

Махдизм. Мы видели, что учение о махди, который явится, чтобы восстановить справедливость, и будет

предвестником конца света, возникло в суннизме поздно и представляется не вполне четким. По-видимому, сначала эта идея нашла свое выражение в личности Иисуса, а затем — Мухаммеда, который якобы заявил: «Не будет пророков после меня» (теория, которую воспринял Казанова⁷). Махди, который будет носить то же имя, что и пророк, должен быть перевоплощением Мухаммеда. Здесь мы встречаемся, таким образом, с идеей воплощения, весьма распространенной в позднем шиизме.

Коран, как известно, содержит целый ряд стихов, в которых говорится о конце света (в частности, 77, 7; 54, 6). Эти стихи, если и не прямо взяты из Апокалипсиса⁸, то напоминают его. На их основе возникло немало преданий (хадисов), в одном из которых Мухаммеду приписываются следующие слова, открывающие путь всем самозванцам: «Мир исчезнет не прежде, чем моим народом будет править человек из моей семьи, носящий то же имя, что и я».

Можно сказать, что шиизм воспринял махдистскую идею, чтобы обратить ее на пользу Али, который был членом семьи пророка, и на пользу потомков Али. У крайних шиитов Али преобразится даже в божество, повелевающее молнией, — невольно вспоминается индусский Индра (см. Ибн Халдун⁹, т. I, стр. 404). Малопомалу махди из члена семьи Мухаммеда превратится в члена семьи Али, — иначе говоря, станет «скрытым имамом», или потомком Фатимы (Фатимидом) — тем, кого ждут и кого один автор (цитирую по Ибн Халдуну, т. II, стр. 198) определяет следующим образом: «Фатимид есть мессия, принадлежащий к семье Мухаммеда».

Убейдаллах воспользовался этими преданиями при основании династии Фатимидов в начале X в. Спустя два века произошло победоносное явление нового махди в лице Ибн Тумарта, основателя династии Альмохадов.

⁷ Казанова, Поль — французский востоковед.

⁸ Апокалипсис (или «Откровение Иоанна») — одно из наиболее ранних произведений христианской литературы, вошедших в Новый завет.

⁹ Ибн Халдун (1332—1406) — великий арабский историк и социолог, автор своеобразной теории, изложенной в «Мукаддима» («Введение» к его «Китаб аль-ибар» — «Книга примеров»).

Были еще и другие, неудавшиеся попытки в Магрибе (даже в XIX в.) и в Египте, где выступали два махди: один — против Бонапарта в 1799 г., другой — против англичан в 1883 г.

Впрочем, мессианская идея возникала в каждом периоде истории ислама. Например, Ибн Халдун сообщает, что жители Хиллы (Месопотамия) твердо верили в возвращение одного Алида, скончавшегося в их среде. Каждый вечер они приходили к жилищу умершего, звали его по имени, приводили ему оседланного коня. Позднее, при иранских Сефевидях, держали наготове уже двух коней: одного — для «господина времени» (т. е. махди), другого — для его заместителя, Иисуса. Можно было бы привести еще много примеров проявления этой веры в махди. Не следует забывать, что эта вера служила отправной точкой то для социализма¹⁰, то для теократизма. Это получило воплощение в учениях двух основных группировок позднего шиизма — карматов и исмаилитов.

Карматы и исмаилиты. Эти представители крайних взглядов (тулат) считают, что линия имамов кончается на седьмом из них. Отсюда происходит одно из названий секты — семеричники. Чем же было вызвано их непризнание пяти последних имамов? Около 760 г. шестой имам Джафар Садик, считая своего старшего сына Исмаила недостойным звания имама, лишил его права наследовать имамат и передал это право своему младшему сыну. Исмаилиты, в противоположность имамитам, не признавали законности отрешения Исмаила. Напрасно распространялись слухи о его смерти. Его приверженцы оставались верны ему, а их потомки, рассеянные по Ирану и Сирии, распространили свое учение при помощи миссионеров (даи), которые проповедовали прежде всего иносказательное толкование Корана.

На протяжении столетия деятельность секты была главным образом религиозной. Но один из миссионеров — Абдаллах — направил эту деятельность к достижению политических целей. При поддержке своих собратьев ему удалось придать исмаилитской пропаганде неслыханный размах. Даи Хамдан Кармат объединил

¹⁰ Совершенно непонятно, в каком смысле автор употребляет это слово.

рабочие и крестьянские элементы Месопотамии, где незадолго до того происходило восстание рабов¹¹. Он сплотил эти сельские и городские элементы вокруг идеи «скрытого имама», отвечавшей их стремлению к равенству, и натолкнул на мысль о создании общества, в котором имелись степени посвящения (вероятно, такие же, как при возникновении западного франкмасонства). За недостатком места мы не будем излагать вероучение карматов. Оно описано в статье Массиньона (EI, art. «Karimates»). Из Месопотамии движение перебросилось в Аравию и, превратившись в вульгарный коммунизм, привело к эксцессам, вызвавшим вмешательство других сектантов — Фатимидов.

В то время как Хамдан Кармат проповедовал в Месопотамии, другой даи, Абу Абдаллах, сеял возбуждение среди берберов Ифрикии, объявляя им о близком пришествии «скрытого имама». Мы не имеем возможности подробно описывать прибытие в Африку Убейдаллаха, этого ожидаемого махди, его заточение в темницу в Сиджильмесе, поддержку, оказанную даи берберами племени китама, защитившими его от Аглабидов, освобождение махди и его вступление на престол в качестве «повелителя верующих», потомка Али и Фатимы. Став господами Ифрикии, Фатимиды тотчас же обратили свои тщеславные устремления на Восток, откуда они пришли. Лет семьдесят спустя они, по крайней мере официально, насадили исмаилизм в Египте.

Подводя итог, можно сказать, что карматизм поставил учение о «скрытом имаме» на службу социальной революции. В свою очередь Фатимиды, отбросив социализм, использовали карматскую пропаганду и учение о «скрытом имаме» для осуществления своих притязаний на политическое господство.

Законность фатимидских халифов нередко оспаривалась мусульманскими историками. Происходили ли эти халифы действительно от Али и Фатимы? Если рассмотреть основу исмаилитского учения, то можно убедиться, что Фатимиды придавали законному наследованию имамата не большее значение, чем имамиты. Последние считали, что имам обязательно должен быть

¹¹ Под названием «рабочие» автор имеет в виду городские плебейские элементы. Под восстанием рабов автор подразумевает восстание зинджей, происходившее в Ираке и Хузистане в 869—883 гг.

назначен своим предшественником и происходит от него по прямой линии. Но уже зейдиты полагали, что каждый алид имеет право требовать себе звание имама, чтобы защищать дело шиизма. Наконец, в глазах исмаилитов (карматов и Фатимидов) имамат сводился к «полномочию, дарованному свыше новому главе из среды посвященных путем внезапного озарения его интеллекта» (Массиньон). При таком положении вопрос о законности Фатимидов отходит на второй план. Они вполне могли объявить себя имамами и использовать божественную имманентность вплоть до того, что один из Фатимидов — Хаким — был провозглашен богом.

В развитии исмаилизма большую роль сыграло постоянное возвращение к числу семь (быть может, под влиянием гностицизма); этому числу всегда придавался священный характер (см. EJ. art. «Sab»). Исмаилизм установил пять других ступеней, ведущих от человека к божеству (причем в число ступеней входят и человек и бог). Эти ступени созданы исходными принципами: Мировым разумом, Мировой душой, Первичной материей, Пространством, Временем. Последовательным воплощением Мирового разума были семь пророков: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и, наконец, Мухаммед, сын седьмого имама Исмаила. Из этого видно, какая пропасть отделяет правоверный ислам от исмаилизма (не говоря уже об иносказательном толковании Корана и о вере в переселение душ). В то время как правоверные считают Мухаммеда последним из пророков, дело которого будет только восстанавливать махди, когда при конце света произойдет его пришествие, исмаилиты сводят на нет значение миссии Мухаммеда ради нового пророка. Кроме того, при каждом из семи пророков состоят семь имамов, первый из них постоянно сопровождает пророка. Так, к первым пяти пророкам прикреплены имамы Сиф, Сим, Исмаил, Аарон (седьмым имамом был Иоанн Креститель, Предтеча), Симон-Петр. С Мухаммедом связан Али, за которым следуют первые шесть его преемников вплоть до имама Исмаила. Сын Исмаила Мухаммед начинает седьмой пророческий цикл. Его имамами были исмаилитский миссионер Абдаллах, а затем — двое его сыновей, четвертый имам был первым фатимидским халифом Убейдаллахом.

Легко представить себе последствия этой числовой символики, в которой повторяется неоплатоническое учение об эманации.

Халифы Фатимиды заключают седьмой цикл имамов, следующих за последним пророком. Но «логически мыслившие исмаилиты не могли удовлетвориться высшим земным проявлением Мирового разума в лице фатимидского имама. Круг должен замкнуться, и в 1017 г. они решили, что пробил час, когда фатимидский халиф Хаким должен открыться миру как воплощение самого бога» (Гольдциер). Так из исмаилизма выделился друзизм (от Дарази, приближенного халифа Хакима и одного из его проповедников). Друзы, как известно, живут в Хауране, горном районе Сирии, где проповедовал Дарази. Они ожидают возвращения Хакима точно так же, как имамиты ожидают возвращения «скрытого имама». Друзизм, как вероучение для посвященных, воздерживается от какой бы то ни было пропаганды. Бог Хаким един и не имеет атрибутов.

Число семь в этом учении выступает в виде семи основных заповедей. Друзы в еще большей степени, чем шииты, допускают такойю («мысленную оговорку») и верят в переселение душ.

Впрочем, учение о божественности Хакима столкнулось при своем проникновении в Сирию с другим, возникшим незадолго до того тайным вероучением нусайритов (нынешние ансарии или алавиты). Неприязненные отношения между друзами и нусайритами длились несколько столетий. В то время как друзы обожествляют Хакима, нусайриты и приверженцы секты более позднего происхождения — али-илахи — обожествляют Али. Али, говорят они, вечен в своей божественной природе; он наш бог в глубине своей сущности, хотя внешне он наш имам. Они веруют в троицу, состоящую из Али, Мухаммеда и Сальмана (причем Мухаммед — лишь эманация Али, а Сальман — предтеча Али). Не входя в подробности этих учений, отметим лишь наличие одного элемента, примешивающегося к гностическим и исламским элементам: речь идет о язычестве. Действительно, под троицей нусайритов угадываются языческие триады древней Сирии. Более того, Алидам придаются мифологические атрибуты: Али становится властелином грома; краски вечерней зари, которые ра-

нее считали кровью убитого кабаном Адониса¹², теперь воспринимаются как кровь Хусейна. В обрядах нусайризма мы встречаем любопытное смешение шиитских и христианских праздников (большие праздники и празднование дней святых). Гробницы их святых, окруженные деревьями, являющимися также предметом культа, венчают возвышенности страны. Нусайризм оказывается учением, заблудившимся в тумане синкретизма и вследствие этого отвергнутым правоверным исламом. Между тем ислам весьма терпимо относится к исмаилизму, одним из результатов развития которого является нусайризм.

Спустя пятнадцать лет после таинственного исчезновения халифа Хакима (бога друзей) Фатимиды в 1035 г. вернули себе ранее принадлежавшее им звание имамов исмаилитов. Вероучение исмаилитов было восстановлено в Египте в качестве официальной религии и продержалось там до свержения Фатимидов Саладином¹³, восстановившим правоверие (XII в.)

Но до этого события, в правление фатимидского халифа Мустансира¹⁴, даи Ирака в 1078 г. прислал в Египет одного иранского исмаилита — Хасана ибн Саббаха. Тогда произошло событие, подобное отлучению имама Исмаила (послужившему первопричиной возникновения исмаилизма). Именно халиф Мустансир в ущерб интересам старшего сына Низара назначил младшего сына своим будущим наследником. Хасан ибн Саббах, бесспорно движимый политическим честолюбием, открыто встал на сторону Низара и был изгнан из Египта. Но он продолжал свою пропаганду в Сирии (в районе Халеба), а затем в Иране, где с помощью своих сторонников в 1090 г. завладел Аламутским замком и сделал его своей штаб-квартирой. За короткий срок он захватил другие замки в этой стране, а также построил новые и принудил своих приверженцев к слепому пови-

¹² Адонис — финикийский умирающий и воскресающий бог растительности, культ которого в древности распространился по всем странам Средиземноморья, один из прообразов мифического Иисуса Христа. Согласно мифу, Адонис умер от раны, нанесенной ему кабаном, но потом воскрес.

¹³ Саладин — европейская форма имени Салах ад-дина, египетского султана (1171—1193), основателя династии Айюбидов (1171—1250).

¹⁴ 1036—1094 гг.

новению. Он способствовал усилению своего авторитета, спаивая сообщников смесью, содержащей индийскую коноплю (хашиш — от этого слова и произошло данное им наименование «ассасины»¹⁵); под действием хашиша они галлюцинировали, им виделся рай, а Хасан пользовался этим, чтобы подстрекать их на убийства царственных особ и знатных лиц, боровшихся против его власти. Такие систематические убийства уже и раньше совершались в исламе: начиная с VIII в. душители практиковали иносказательное толкование Корана и предавали смерти тех, кто им противоречил (EI, art. «Ildili»).

Воспользовавшись смятением, наступившим вслед за появлением крестоносцев, Хасан против воли сельджукских султанов, тогдашних хозяев Западной Азии, сумел основать независимое княжество, которое методами террора продержалось в течение правления восьми магистров (1090—1256).

Фатимиды вполне логично добавили к учению исмаилизма один элемент — пассивное повиновение имаму. Неоисмаилизм Хасана, бывший скорее тайной политической организацией, чем вероучением, возвел это повиновение в закон; ни изучение Корана (которое оставалось основой мусульманского образования), ни его иносказательное толкование не имели никакого значения, если не проводились под личным руководством (талиим) имама. Это означало «закреть дверь» для индивидуального толкования. Хасан, хотя он и объявил себя заместителем египетского фатимидского имама, был тем не менее неограниченным властителем тел и душ своих приверженцев.

Но один из его преемников, четвертый магистр Аламута, пошел дальше, нарушив, подобно халифу Хакиму, последовательность учения внезапным маневром. В то время как его предшественники выдавали себя только за заместителей каирского имама, он неожиданно объявил себя правнуком Низара (сына фатимидского халифа Мустансира, права которого некогда отстаивал Хасан ибн Саббах). Тем самым он освобождал себя от власти фатимидского халифа и сам становился первосвященником исмаилитов. В те времена магистр Аламута дер-

¹⁵ Хашшашии

жал в своих руках крепости не только в Иране, но и в Сирии. Их постепенно подчинили его эмиссары, ловко использовав политические волнения и в случае надобности прибегавшие к поддержке христиан. «Старец горы», упоминаемый западными историками крестовых походов, был не кто иной, как сирийский наместник магистра аламутского. Один из таких наместников, Рашид-ад-дин Синаф, повторил в Сирии спустя полвека иранскую авантюру Хасана ибн Саббаха. Он в свою очередь освободился из-под власти Аламута, применял ту же политику загадочных убийств и вынудил считаться с ним как крестоносцев, так и Саладина, который тогда сверг Фатимидов.

Монгольское нашествие в 1256 г. подорвало могущество исмаилитов в Иране. Что же касается сирийских исмаилитов, которых через несколько лет покорили египетские султаны-мамлюки, то о них ничего неизвестно. Их потомки еще и сейчас проживают вокруг разрушенных крепостей. Небольшие группы их встречаются также в Иране, Средней Азии, Афганистане, Омане и на Занзибаре. Но в Индии они сохранили былую мощь, если не религиозную, то по крайней мере экономическую, и образуют секту хожда. Нынешний глава секты — Мухаммед-шах ибн Ага Али, известный под именем Ага-хана, 47-й имам (по счету исмаилитов) ¹⁶.

Так исмаилизм, происшедший от шиизма, оказал могучее влияние на судьбы ислама, так как послужил прямой или косвенной причиной возникновения целого ряда политических движений: карматов, Фатимидов, ассасинов. Кроме того, он внес свою долю в развитие мусульманской мысли, став на одну точку зрения с мутазилизмом в отрицании божественных атрибутов и признании приоритета разума. Прежде чем приступить к рассмотрению мутазилитского учения, следует кратко изложить учение исмаилитов.

Бог лишен атрибутов и недоступен восприятию. По своему соизволению он явился в образе Мирового разума — подлинного божества исмаилитов, основным атрибутом которого является знание. Разум в свою очередь создал Мировую душу, а она благодаря присуще-

¹⁶ Ага-хан умер в 1957 г., назначив преемником своего внука Карим-хана.

му ей атрибуту (жизни) породила Первичную материю, пассивно принимающую разнообразные, придаваемые ей Разумом формы. Душа непрерывно стремится к познанию, чтобы возвыситься до природы Разума. К действию этих трех начал присоединяются Пространство и Время, и объединенное их действие направлено на Мировую материю. Таким образом, от самого бога до материи существует семь начал. Вот эти-то начала (за исключением бога) проявились в образе пророков и имамов, о семи циклах которых мы уже говорили.

Посвящение в вероучение, основанное на иносказательном толковании Корана, составляло семь степеней. Большинство исмаилитов достигало только второй, а даи (миссионеры) достигали шестой степени. Редко кто достигал седьмой степени.

Иносказательным было толкование рая (как состояния души, достигшей совершенного познания) и ада (как состояния невежества). Пребывание в аду представлялось временным, так как, по учению о переселении душ (танасух), каждая душа возвращалась на землю и оставалась здесь, пока не приобретала знания под руководством имама. Зло должно исчезнуть в тот день, когда все сотворенное уподобится Мировому разуму.

Исмаилитская система эманации встречается с очень незначительными изменениями в философской энциклопедии, составленной в X в. группой арабских ученых, известной под названием «Братьев чистоты». Кроме того, их концепция циклов и числовая символика повторяются в учении шиитской секты хуруфи («толкователей букв»), основанной в XV в. Дервиши бекташи в Османской империи тоже приняли это вероучение, согласно которому каждый цикл начинается с появления Адама и заканчивается страшным судом; за пророками следуют святые, возвещающие воплощения божества; первым таким воплощением являлся основатель секты; расчеты, основанные на числовом значении букв алфавита, играют в учении секты не меньшую роль, чем у исмаилитов; число семь сохраняет у них свое особое значение.

Не только исмаилизм связан с мутазилизмом. Наллино¹⁷ («*Rivista degli studi orientali*», VII, 455 и сл.)

¹⁷ Наллино, Карло Альфонсо (1872—1938) — итальянский арабист.

отметил точки соприкосновения между догматикой хариджитов-ибадитов и мутазилитов; последние, по всей вероятности, подвергались влиянию первых. Рассмотрим поэтому мутазилизм, в котором кристаллизовались рационалистические тенденции, рано появившиеся в Сирии. Впрочем, параллельно с этими тенденциями начал развиваться, прежде всего в Ираке, мистицизм, в истоке которого лежали эсхатологические видения Корана. Из рационализма разовьется затем мусульманская философия, а мистицизм породит ряд дидактических сочинений и больших поэм.

Проблема свободы воли. В основе рационализма лежал вопрос о свободе воли, очень неопределенно и противоречиво изложенный в Коране. Совершенно ли свободен человек в своих поступках или он находится в полной зависимости от бога? Вопрос очень опасный, так как он влечет за собой вопрос о божественной справедливости. Толкователи Корана роковым образом оказывались вынужденными поднимать его не столько из стремления к свободомыслию, сколько из законного желания лучше понять свою религию.

Гольдциер, рассматривая в этой связи содержание Корана, признает, что нет вопроса, который был бы там изложен более противоречиво. Власть аллаха абсолютна: его нельзя спрашивать относительно того, что он делает (21, 23); люди «не будут обижены на толщину плевы на финиковой косточке» (4, 52); все-таки «кого захочет бог поставить на прямой путь, сердце того он откроет для покорности (исламу); а кого захочет уклонить в заблуждение, у того сердце делает сжатым, стесненным...» (6, 125); И действительно, «душа может веровать только по изволению бога» (10, 100). Наряду с этими детерминистскими стихами встречаются другие, в которых говорится о свободе воли: «Не увлекайся страстями» (38, 25); «им мы указали прямой путь, но они свою слепоту возлюбили больше, чем правоту» (41, 16); «каждый поступает по своему произволу» (17, 86); «кто хочет, уверует; кто хочет, будет неверным» (18, 28).

Но Гольдциер показал, что в тех стихах, где речь идет о заблуждении грешника, аллах не ввергает его в заблуждение в прямом смысле слова, а ограничивается лишь тем, что предоставляет ему блуждать или заблуждаться (адалла). Подобно путнику, затерявшему-

ся в пустыне, человек бредет куда глаза глядят: если он устремляется в сторону добра, аллах протягивает ему руку помощи и руководит им; если же он творит зло, аллах оставляет его в заблуждении; но вверг его в это заблуждение не аллах. Такая концепция явствует из следующих слов: «Мы отвратим сердца их и очи их, так как они не веровали тому в первый раз, мы оставим их, чтобы они, иступленные, скитались по распутиям нечестия» (6, 110). Более того, аллах окончательно забывает нечестивых, которые не помышляют о нем (7, 49; 9, 68; 45, 33).

Но нельзя было требовать от богословов раннего ислама таких тонкостей в толковании. Да и Гримме¹⁸ установил, что сам Мухаммед, очевидно, менялся: от свободы воли мекканского периода он приходит после хиджры к все более полному фатализму.

Но уже в конце первого века хиджры этот безоговорочный фатализм, признававший, что пороки и добродетели, наказания и награды целиком зависят от воли аллаха, начал задевать чувство справедливости, очень развитое у мусульман. Впервые осмелились рассуждать о таком абсолютном фатализме богословы Сирии совместно с христианами. Фатализм называется по-арабски «кадар». Это технический термин, который часто соединяется со словом «када». Обычно их толкуют следующим образом: «када» — вечное, всеобъемлющее решение аллаха, «кадар» — применение этого решения во времени. Добро приходит через «када», в то время как зло приходит случайно через «кадар» (относительно второстепенных толкований см. EI, art. «Kada»).

Споры, касающиеся кадара, были вызваны противоположностью двух учений: с одной стороны, кадариты (те, которые ограничивали значение кадара, а отнюдь не сторонники кадара) заявляли, что человек — сам творец своих поступков, а следовательно, своего спасения или осуждения. С другой стороны, джабариты утверждали, что деяния человека, как и вся неодушевленная природа, подчинены божьей воле (джабр).

¹⁸ Гримме, Губерт (1864—1942) — немецкий исламовед, автор биографии Мухаммеда, в которой ранний ислам (мекканского периода) необоснованно изображается как «социалистическое» движение.

Таким образом, кадаризм представляет собой самую раннюю попытку вырвать ислам из плена традиционных концепций, вызванную не стремлением к свободе мысли, а только религиозным сознанием. Конечно, это течение было осуждено Омейядами, — ведь фатализм был им необходим для того, чтобы держать в узде народ, и по их велению придворные поэты провозглашали, что владычество халифов «было заранее определено высшими предначертаниями аллаха». Кроме того, Омейяды боролись с кадаризмом как с первым покушением на правоверие, первым подлинным новшеством (бида).

Через несколько лет после прихода к власти Аббасидов, при халифах Мансуре и Мамуне¹⁹, появляется один элемент, чуждый исламу, — греческая философия. Несториане перевели с сирийского на арабский произведения древних писателей, сначала — трактаты по медицине, затем философские трактаты. Трудно преувеличить значение работы этих переводчиков: они дали арабам, людям скорее лирического, нежели критического склада, образцы построения доказательств — оружие, пользованию которым научат их иранцы, обладающие большей изощренностью. Эта философия, по правде говоря, получилась из странной смеси, образовавшейся главным образом в Александрии в период эллинизма. Это было сочетание аристотелизма (философии логического рассуждения, основанного на опыте) и платоновского идеализма, наполненного восточным мистицизмом. Немыслимо дать здесь очерк развития этой мусульманской философии²⁰. «Арабские философы, хранители знаний своего времени, были при этом всегда в стороне от ислама, хотя и твердили о своем уважении ко всем его основам» (Годфруа-Демонбин).

Именно тогда богословы, почувствовав, какая опасность угрожает правоверию, научились сражаться с философией ее собственным оружием — диалектикой. Этот метод аргументации, примененный к богословию, дал подлинную философию религии, получившую название «калам» (разрабатывали ее богословы-мутакал-

¹⁹ Халифы Мансур (754—775) и Мамун (813—833).

²⁰ Интересующийся «мусульманской» философией может обратиться к книге «История философии», т. I, М., 1957.

лимы). Наиболее ранними представителями калама были мутазилиты.

Мутазилиты. Это слово обозначает «тех, кто уединяется», отшельников. Они, по-видимому, действительно начали с аскетизма, как и первые мистики, а затем под влиянием калама приходили ко все более ярко выраженному рационализму. Аскетом был Василь ибн Ата (умер в 748 г.), основавший это учение вместе со своим ближайшим сподвижником.

Большая заслуга мутазилитов заключалась в том, что они обратились к разуму (акль) как к критерию религиозного познания. Этот принцип привел их к освобождению идеи единобожия от всех народных и традиционных элементов, которыми она была отягчена. Словом, они стремились строго придерживаться понятий божественной справедливости и единобожия.

Изложим кратко их вероучение. В еще большей степени, чем кадариты, они верили, что человек — творец своих собственных поступков без вмешательства аллаха. Эта свободная воля человека приводит к последствиям, диаметрально противоположным правоверной концепции о всемогущем боге. Раз человек свободен, божество оказывается обязанным награждать добрых и наказывать злых. Оно должно делать это не по своей воле, но в силу необходимого проявления его благодати. Другими словами, произвольное всемогущество аллаха мутазилиты заменили обязанностью аллаха по отношению к своим созданиям. Оказалось, что человек свободен, в то время как божество не вполне свободно!

Но в чем состоят добро и зло? Правоверные заявляли: «Добро — это то, что велит аллах; зло — то, что он запрещает». Мутазилиты же полагали, что существуют абсолютные добро и зло, указанные не аллахом, а разумом.

Так обстояло дело с понятием божественной справедливости. Что же касается понятия единого бога, то мутазилиты решительно восставали против чрезмерного антропоморфизма некоторых правоверных богословов. В противоположность тем, кто наделял аллаха плотью, они считали его чистым духом и отвергли божественные атрибуты, заявив, что они умаляют идею единого бога и ведут к многобожию. Напрасно правоверы возражали, что это отрицание атрибутов равносильно

обеднению понятия бога (татиль) и что, поскольку в самом Коране говорится об атрибутах, никто не может отрицать их.

Так вопрос об атрибутах повлек за собой вопрос о создании Корана. Можно ли смотреть на аллаха как на обладателя атрибута слова? Правоверные считали слово извечным, несотворенным атрибутом бога. Следовательно, Коран — проявление божественного слова и также является предвечным и несотворенным. На это мутазилиты отвечали, что Мухаммед слышал не самого аллаха, а глас, орган, созданный аллахом и существующий отдельно от него, т. е. появившийся после него. Следовательно, Коран, как творение этого органа, также является сотворенным; в противном случае он был бы вечным, как аллах, а ведь только один аллах вечен. Некоторые мутазилиты даже утверждали, что человеческий гений может превзойти совершенством Коран.

В итоге их учение содержало три основные идеи: 1) человек свободен; 2) в аллахе можно различать атрибуты субстанции и атрибуты деяний; 3) Коран не предвечен.

Это представление о сотворенности Корана было с восторгом принято аббасидским халифом Мамуном, который сделал его обязательным догматом. Противники мутазилизма, среди которых был Ибн Ханбал, подверглись преследованиям своеобразной инквизиции, зачастую носившим фанатический характер; инквизиция, свирепствовавшая в течение полувека, вызвала сильное смятение среди верующих. Мутазилизм, который начал с либерализма, кончил нетерпимостью. Но третий преемник Мамуна, Мутаваккиль²¹, чувствуя, что необходимо укрепить свою политическую и религиозную власть, обратился к тюркским наемникам (новообращенным мусульманам) и к правоверным богословам. С 847 г. он повел борьбу против мутазилитов и мистиков. От этого мутазилизм не стал менее опасным, и распри между правоверными, сторонниками традиции, и мутазилитами-рационалистами продолжали разрывать ислам.

Ашаризм. Примирение было достигнуто в X в. благодаря мутазилиту Ашари, который, достигнув сорока-

²¹ Халиф Мутаваккиль (847—861).

летнего возраста, вернулся в лоно правоверия и реформировал его. Его учение в действительности состоит скорее в приспособлении, чем в примирении. Ашари отвергал, с одной стороны, резкие проявления рационализма, характерные для мутазилизма, а с другой — крайний формализм правоверия. Так, он занимал среднее положение между мутазилистами, лишавшими бога всех его атрибутов, и сторонниками преданий (хашвийя, ахль аль-хадис), которые, не желая ничего признавать, кроме буквы писания, наделяли бога человеческими органами. В то время как некоторые сектанты (джахмиты) говорили, что человек совсем не волен в своих поступках и не несет за них никакой ответственности, Ашари утверждал, что такая ответственность существует. В то время как мутазилисты, считая Коран сотворенным, выступали против поборников священного предания, объявлявших Коран предвечно существующим (включая материалы, которыми и на которых он написан), Ашари видел в Коране вечное слово божье, но его буквы, чернила и материал считал произведением рук человеческих. Что же касается методов рассуждения, то он, естественно, не мог исключить разум (акль), признанный мутазилистами основным источником религиозного познания. Он придал ему смягченную форму назара, умозрительного познания аллаха. С другой стороны, он осудил правоверный таклид (принятие слов или действий другого человека как авторитета, без обсуждения мотивов). В общем Ашари защищал правоверие оружием, заимствованным у его врагов. Идя таким путем, он обрекал себя на всеобщее недовольство. Учение Ашари было дополнено его учениками, самый выдающийся из которых, Бакыллани, внес в него метафизические понятия. Но понадобилось около ста лет, чтобы Ашари был признан как «крупнейший авторитет в области догматики правоверного ислама» (Гольдциер). Произошло это благодаря поддержке Низама аль-Мулька, знаменитого везира Сельджукидов. Несмотря на это, мутазилисты не были объявлены еретиками.

Мистики. В конце того же XI в. мистические идеи, встречавшиеся в исламе, были введены в правоверие выдающимся деятелем — Газали. Рационалисты полагали, что можно достигнуть абсолютной истины, опи-

раясь только на силу логики. Мистики же утверждали, что постичь эту истину можно лишь интуицией. В этой области Газали сыграл роль примирителя, подобную той, которую Ашари сыграл в области схоластики.

Подобно первым мутазилитам, первые мистики были аскетами. В проявлениях аскетизма, наблюдавшихся в начальном исламе, чувствуется несомненное влияние христианства: один привязывал себя к столбу, другой совершал пешком паломничество или давал зарок молчать во все время пути.

Впрочем, эти тенденции смутно проявлялись уже в некоторых стихах Корана (например, 8, 68: «Вы хотите теленных благ в здешней жизни, а бог хочет в будущей»; см. также ряд таких выдержек у Массиньона, «Essai», p. 117). Такие тенденции были усилены эсхатологическими видениями святой Книги. Но они сразу же были забыты в период первых завоеваний, когда люди думали главным образом о добыче. К тому же Мухаммеду приписывали слова, осуждавшие аскетизм. Но хотя поступки пророка и его сподвижников не выдают никакой склонности к аскетизму в полном смысле этого слова, Мухаммед все же выказывал глубокое уважение к мусульманам, предававшимся молитвам и постам.

Аскетические тенденции выявились в Ираке в виде реакции против роскоши, введенной при халифе Османе и распространившейся при Омейядах. Тогда появились факторы раскола. Гольдциер определил два таких фактора: первый, литургический, проявлялся в постепенном вытеснении пяти канонических молитв мистическими радениями (зикрами); второй, этический, выражался в смене правоверного упования на бога (таваккуль) абсолютно пассивным квиетизмом, приводившим к почти полному равнодушию к внешнему миру.

Позднее эти люди станут носить плащи из белой шерсти (суф), и отсюда произойдет их название — суфи. Первые объединения таких аскетов и кающихся грешников создались, по словам Массиньона (EI, art. «Tasawwuf»), в Куфе в VII—VIII вв. и Басре в VIII в. Багдад стал центром этого движения во второй половине IX в.

Эти мусульманские мистики, как и все другие мистики, искали в уединении экстатических восторгов и,

чтобы достичь их, намечали себе путь, ряд состояний, через которые они должны пройти: в конце такого пути душа встречала высшее существо.— то, к чему она стремилась.

В конце IX в. распространение учений неоплатоников дало аскетизму богословскую базу, которой ему не хватало. «Суфизм состоит скорее из чувств, чем из определений», — писал еще Газали в XI в. Это доказывает тем, что мусульмане давали суфизму много разных определений.

Теперь уже нет оснований говорить об иноземном происхождении мусульманского мистицизма. Он представляется возникшим непосредственно на почве ислама, хотя в нем и чувствуются следы христианских, иранских и даже индийских влияний (Веданта²²). Но из них особенно сильно сказалось влияние эллинистической философии на поздних мистиков, специальный словарь которых оно сильно обогатило. Кроме того, учение Плотина²³ об эманации привело мусульманских мистиков к ясному определению того, что они предчувствовали: мир — это зеркало, в котором отражается божественное существо, — всего лишь видимость. Следовательно, надо уйти от этой видимости, чтобы постичь реальность. Надо освободиться от своего личного существования, чтобы достичь уничтожения (фана) своей личности путем слияния с божеством, которое считается единственно реальным. Таково логическое развитие экстатических стремлений (шас), свойственных некоторым ранним мистикам.

Короче говоря, по выразительному определению одного арабского философа с мистическими склонностями — Ибн Сабины из Мурсии (XIII в.), в то время как древние философы хотели походить на бога, мистики хотят раствориться в боге. Так, суфизм, начав с аскетизма, к середине XIII в. пришел к монизму. Этот монизм будет сформулирован крупнейшим теоретиком, суфизма Ибн Араби, а один из последующих писателей, Ибн Теймийя, изложил его учение следующими словами:

²² Веданта («Завершение Вед») — идеалистическое учение древней Индии, служившее теоретическим обоснованием брахманизма.

²³ Плотин (204—270) — основатель мистического учения неоплатонизма.

«Существование сотворенных вещей есть не что иное, как существование творца; все исходит из божественной сущности, чтобы в конце концов в нее возвратиться». Эта основная идея породила целый ряд великих поэм, некоторые из которых представляют собой шедевры (достаточно назвать только Месневи Джелаль ад-дина Руми).

Кажется, что в мистиках уже ничего не осталось от ислама. Но так же, как шииты, которые, как бы далеко они ни заходили, всегда сохраняли связь с исламом через иносказательное толкование Корана, мистики толковали по своему вкусу стихи Корана. Они имели одну точку соприкосновения с шиизмом (который, кстати, их отвергал): культ Али, в котором они почитали главу мистической традиции.

Эти мистики собирались, начиная с VIII в., в монастырях (ханка, или текке, на Востоке, завия — на Западе). В XIII—XIV вв. в Египте и Сирии существовали даже женские монастыри. Эти монастыри, бывшие сначала убежищем для небольших групп, мало-помалу превратились в школы святости. В них послушники проходили обучение под руководством духовного наставника, указывавшего им пути, по которым они должны были следовать. Эти пути различались только в отдельных подробностях, а по сути это был один путь. В этих монастырях, особенно начиная с XII в., создавались религиозные ордена. Их становилось все больше, и с XV в. они развили как религиозную, так и политическую деятельность, особенно активную в Северной Африке. В XII в. был основан первый настоящий орден под покровительством Абд аль-Кадира аль-Гилани; это был орден Кадирийя. Затем один за другим были основаны ордена Рифайя, Мевлевийя (вертящиеся дервиши), Шадилийя (в Африке), Бадавийя (в Египте) и другие, возникшие позднее (ср. список, составленный Массиньоном, EI, art. „Tarika“).

Конечно, уставы этих орденов различны, но у них есть один общий обряд — зикр, литании²⁴ аллаху, повторяемые до бесконечности то вслух, то мысленно, иногда сопровождаемые определенными движениями. Зикр практикуется на основе одного стиха Корана (33,

²⁴ Славословие.

41). Может быть, он способствовал распространению ношения четок (субха), состоящих из ста зерен по числу имен аллаха. Вероятно, четки были завезены из Индии. К XV в. они получили повсеместное распространение. Формы зикра меняются в зависимости от ордена. Чтобы вызвать экстатический транс, их иногда сопровождают музыкой и пляской (в ордене Мевлевийя) или даже варварскими приемами, находящимися в полном противоречии с правоверием и связанными с анимизмом (в ордене Исавийя).

Понятно, среди таких орденов встречаются и большие религиозные объединения и мелкие братства местного значения. Они имеют различный характер: в некоторых братствах (тарика) религиозный элемент отодвигается на второе место (братства стрелков и жонглеров в Марокко).

Но всегда каждым орденом руководит главный наставник (шейх, пир). Он препоручает своим представителям присущие ему полномочия по руководству филиалами ордена. Главный наставник обладает неограниченной властью над членами братства: они в его руках, «как труп в руках обмывальщика».

Глава ордена является носителем таинственной духовной власти (барака), переходящей от одного главы к другому путем эманации от основателя ордена, которого всегда почитают как святого. Так мы подходим к одному из важнейших нововведений в исламе: к культу святых обою пола (называемых на Востоке вели, в Магрибе -- марабутами, причем последним словом обозначается не только сам святой, но и его могила независимо от того, идет ли речь о простой куче камней или о настоящем святилище). Главным образом благодаря суфизму этот противоречащий единобожию культ быстро распространился в мусульманском мире, особенно среди берберов Северной Африки: «Быть может, ни в одной мусульманской стране культ святых не достигал таких пределов; можно не колеблясь сказать, что он составляет почти целиком религию сельских жителей, в особенности женщин, и сопровождается обрядами, свойственными анимизму и натуразму» (Бель).

Таким образом, как и в других религиях, культ святых иногда подменял собою культ божества. Действи-

тельно, в глазах народа, всегда готового уверовать в чудеса, святые кажутся более доступными, чем величественный и далекий бог. Жития мусульманских святых полны чудес, не всегда достойных «Золотой легенды»²⁵. Культ местных святых, освобождающий иногда от обязанности совершать паломничество в Мекку, в исламе; как и в других религиях, зачастую восстанавливает предшествующий культ (например, в Сирии, Шейх Машук, «Любимый» был адаптацией Адониса). Мы находим почти повсюду следы поклонения камням, деревьям и животным (например, в Египте — осел, фигурирующий на празднике в Танте, змея с горы шейха Хариди). Некоторые святые, в особенности в Магрибе, почитаются таковыми иногда еще при жизни, несмотря на их полное презрение к общественным условностям и приличиям. Такое же презрение проявляют и некоторые дервиши (в частности, маламатийя), которых сравнивали с киниками античной эпохи.

Именно такое презрение к условностям и, в менее четкой форме, безразличие к каноническому культу намного раньше, чем монизм, свойственный мистикам XIII в., вызвали у правоверных подозрительное отношение к суфизму. Если правоверные считали своим долгом вести непримиримую борьбу с некоторыми выдающимися мистиками (наиболее знаменитый из них — Халладж — был казнен в Багдаде в 922 г.), то они всегда снисходительно относились к умеренному суфизму. Тем не менее ригористы упрекали суфизм в том, что он ставил размышление выше проповеди и пренебрегал религиозными обрядами суннизма. На деле же суфизм восстанавливал широту религиозного горизонта, суженного каламом. Но он незаметно устранял богословскую науку и ставил на ее место интуицию. Его последователи сохранили только религию сердца.

Бывали попытки примирения, и с одной из них выступал Газали (умер в 1111 г.), один из величайших умов в исламе. Он пытался найти золотую середину между богословами и суфиями, или, говоря его словами, между «теми, кто называет себя учениками рассуждения и умозрения», и теми, «кто говорит, что они — божьи избранники, обладатели интуиции и познания истины

²⁵ «Золотая легенда» — жития католических святых.

(через экстаз)». С одной стороны, схоласты, придавая аллаху атрибуты, отличные от человеческих, отделяли его от его созданий в такой степени, что можно было бы задать вопрос: как же он может воздействовать на свои создания? С другой стороны, мистики, допуская постепенное растворение мира в аллахе, логически приходили к утверждению: аллах — это все.

Основные положения учения Газали сводились к тому, что он отбрасывал казуистику и злоупотребление ею, безразлично, относилось ли это к каламу, философии или фикху.

«Существует класс людей, которые ограничивают свои стремления изучением юридических казусов... они дают знаниям, которые ведут к этой цели, название ильм аль-фикх и ильм аль-мазхаб и воображают, что это то же, что религиозная наука. Они пренебрегают изучением книги бога и сунны пророка... Когда у правоведа спрашивают о том, несоблюдение чего навлекает вечное осуждение, он не знает, что ответить; зато он мог бы заполнить целые тома рассуждениями о тонкостях казуистики... Следовало бы считать безумцем всякого, кто вздумал бы изучать подобные вещи с намерением приблизиться к богу».

Истинное знание, наоборот, — это «божественный культ сердца, внутренняя молитва, средство, которым обладает человеческое сознание для того, чтобы приблизиться к богу». Мелочные споры о богословских или юридических тонкостях нужно заменить любовью к богу, создателю интуитивной жизни души.

Таким образом, Газали ввел мистическую любовь в правоверие. Зато из суфизма он удалил два крайних элемента: безразличие к религиозным обрядам и пантеистический идеал, который он если не уничтожил до конца, то сильно ограничил. Словом, он сделал суфизм мудрее, а правоверие — живее. Он «воспользовался разумом, чтобы уничтожить разум, показывая, что он неспособен привести нас к абсолютному познанию; он использовал священное предание, чтобы дисциплинировать, направлять и подавлять воображение мистиков» (Макдональд).

Газали, действительно, возродил ислам, осуществив в своих трудах синтез традиционных, рационалистических и мистических элементов. По тому, как быстро

распространилось и как глубоко было влияние Газали, его можно сравнить с Фомой Аквинским²⁶. Доказательством этого служит то, что аристотелизм оказался совершенно дискредитированным на Востоке. В те времена арабская философия получила распространение в Испании, где она в XII в. достигла наибольшего блеска. Известно, как произведения греческих ученых, снабженные арабскими комментариями и переведенные на древнееврейский язык евреями в Испании и Южной Франции, были затем переведены на латинский язык и проникли в Европу. Так ислам стал звеном цепи, связывающей античную и европейскую мысль, и сыграл свою весьма значительную роль в истории цивилизации.

Итак, в XIII в. крупные сектантские движения уже исчерпали свою наступательную энергию. Умолкли споры правоверных с либералами, философами и мистиками. Соперничество суннитов и шиитов стало с тех пор политическим, а не религиозным. Но позднее, как мы увидим, возникнут еще два движения: одно — в XVIII в. (ваххабизм), другое — в XIX в. (бабизм). Эти движения характерны для двух основных направлений сектантства: одно — стремление вернуть ислам к его первоначальной простоте, другое — внести в ислам новые элементы.

²⁶ Фома Аквинский (1225—1274) — католический ученый-схоласт, один из столпов религиозной философии католицизма.

ТУРЕЦКОЕ И ИРАНСКОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ

История ислама, как и история христианства, хранит память о нашествиях варваров (барбарои — иноземцы). Но варвары V в. были постепенно покорены христианской церковью, единственной силой, выстоявшей против них на развалинах Римской империи. В противоположность им восточные варвары, наводнявшие начиная с XI в. Арабскую империю, задались целью установить в ней политическое и религиозное единство. Одни из них, Альморавиды и Альмохады, выходцы с Дальнего Запада (Марокко), являлись воплощением реакции берберов-суннитов против нашествия племени хилаль¹, вызванного шиитским халифом Каира, с одной стороны, и против продвижения христиан в Испании, с другой стороны. Другие варвары, тюрки-сельджуки, пришедшие из Средней Азии, воплощали суннитскую реакцию тюрков против иранского шиизма. И те и другие могли, следовательно, оправдать свои завоевания принципом священной войны.

Реакция берберов в Северной Африке

Альморавиды. Альморавиды вербовались главным образом из племени ламтуна, входившего в союз берберских племен санхаджа, роль которого в Берберии нам уже известна. Люди ламтуна, родичи туарегов, но-

¹ Верхнеегипетское кочевое племя хилаль (вместе с племенем сулейм) совершило вторжение в Северную Африку (Тунис) в 1048 г.

сившие, как и те, покрывала, кочевали на территориях, расположенных к югу от Марокко, по направлению к Нигеру. Они доходили в пустыне до Триполитании и сражались с суданцами. Во все времена суданские царства поддерживали отношения с Северной Африкой. Христианство проникло в некоторые районы: в Нубию и, быть может, к племени сонгой в районе Нигера, но в других странах, кроме вышеуказанных районов, все еще удерживался языческий анимизм. В XI в. в Западном Судане большого расцвета достигла империя Гана, расположенная на окраинах Судана и Сахары. Власть ее черных князей простиралась на большую часть берберских племен Сахары, в их числе и на племя ламтуна. В те времена один из вождей ламтуна пожелал ввести в среду своих соплеменников какого-нибудь богослова, способного ясно изложить им учение ислама. Вначале он тщетно искал такого человека в Кайруане, а затем нашел его в Марокко в лице Ибн Ясина. Последний, собрав вокруг себя нескольких членов племени ламтуна, обосновался в Сенегале, в укрепленном монастыре («рибат», откуда и название аль-мурабит — человек из рибата, впоследствии альморавид; слово «рибат» встречается в названии города Рабата и в слове «марабут»; эти рибаты напоминали монастыри тамплиеров времен крестовых походов). Ибн Ясин, став настоятелем монастыря, потребовал от своих приверженцев пассивного повиновения и установил среди них полное равенство. Цель у него была простая — восстановить среди мусульман Магриба правоверие маликитского толка. Около 1042 г. он начал проповедовать ислам сахарским берберам и неграм Такрура, а те, стремясь выйти из-под власти языческих правителей Ганы, охотно обратились в новую веру. Армия ислама была сформирована и перешла в наступление. С одной стороны, Гана пала около 1076 г., путь для исламизации Судана был открыт, и после нескольких задержек она достигла своего апогея в XVIII и XIX вв. С другой стороны, племя ламтуна, дойдя до Марокко, столкнулось там со своими старыми соперниками, берберами зената. С ходу был взят Сиджилмас. У Ибн Ясина, погибшего на священной войне, появился достойный преемник Ибн Ташфин, который основал Марракеш и перенес в него свою столицу. Отвоевав Марокко у ерети-

ков-берберов, Ибн Ташфин двинулся на восток и в 1082 г. уже распространил свою власть от Марокко до Алжира — крайнего предела своих завоеваний. Повсюду он воздвигал мечети — осязаемый признак тех идей, которые двигали Альморавидами. Такое же рвение, которое впоследствии вызовут крестовые походы², овладело уже в те времена мусульманами Африки. Действительно, религиозная идея (защиты ислама от христиан) заставила Ибн Ташфина в 1084 г. прислушаться к призыву мусульман Испании, умолявших его о помощи. Берберы, арабы и славяне³, на которых держался Кордовский халифат, погубили его своими раздорами и поделили между собой то, что от него оставалось. Эта раздробленность Испании облегчала ее обратное завоевание (реконкисту) христианскими королями, которые безостановочно продвигались вперед. Однако Ибн Ташфин предпринял четыре похода и, одержав решающую победу при Заллаке, парализовал наступление христиан, в рядах которых находился Сид⁴. Одновременно он подчинил себе и мусульман, призвавших его на помощь. Ибн Ташфин оставил после себя империю, охватывавшую всю мусульманскую Испанию и большую часть Северной Африки. Но андалусская цивилизация, в утонченности которой уже чувствовался упадок, быстро разложит этих монахов-воинов, едва сбросивших с себя свою природную грубость. Сын Ибн Ташфина вырос в Испании. Этот наследник сурового пуританина, тонкий знаток литературы, в течение нескольких лет поставил Северную Африку под непосредственное влияние испанской цивилизации.

Альмохады. Закат династии Альморавидов, не существовавшей и одного столетия, начался со смертью Ибн Ташфина. В правление его сына выдвинулся дру-

² Крестовые походы в XI—XII вв. были вызваны не каким-то «рвением», а напряженным социально-экономическим положением в феодальной Западной Европе и экспансионистской политикой Ватикана (см. М. А. Заборов, *Крестовые походы*, М., 1956).

³ «Славянами» (сакалиба) называли рабов-европейцев, служивших в войсках некоторых мусульманских государств.

⁴ Сид — активный участник реконкисты, превратившийся в популярный персонаж народных сказаний о борьбе христиан с «маврами» (мусульманами).

гой пуританин, уже не из кочевников, а из оседлого берберского племени масмуда в марокканском Верхнем Атласе Ибн Тумарт (берберская уменьшительная форма арабского имени Омар). Он превзошел Ибн Ташфина: последний был только богословом, а Ибн Тумарт повторил фатимида Убейдаллаха и провозгласил себя махди. Идеям Ибн Ташфина — строгому соблюдению маликитских обрядов, занятиям, посвященным исключительно изучению различных разделов (фуру) мусульманского права по ученым трактатам, — Ибн Тумарт противопоставил концепцию веры, зиждившуюся непосредственно на Коране, предании и основах фикха. Более того, он осуждал буквальное толкование Корана, применявшееся Альморавидами, которых он, как строгий ашарит, упрекал в том, что они не веруют в чистое единство божества. В основе учения Ибн Тумарта лежала действительно абсолютная вера в это единство (тавхид, от которого и произошло название аль-муваххид, ставшее альмохадом и обозначающее «того, кто исповедует единство божье»). Альморавиды, придавая аллаху человеческие атрибуты и считая Коран сотворенным (причем с этого сотворения прошла целая вечность), являлись антропоморфистами и оказывались повинными в многобожии (ширк), так как, кроме божественной сущности, признавали еще и другие сущности. Следовательно, с ними надлежало бороться, как боролись с христианами. Ниже мы увидим, что ваххабиты превзойдут это иступленное единобожие.

Для своих писаний и предсказаний Ибн Тумарт не довольствовался арабским языком, языком богословов. Так же как Лютер⁵ отказался от латинского языка ради немецкого, Ибн Тумарт стал употреблять берберский диалект окружающих его горцев, чтобы они лучше понимали его. Одного этого факта было бы достаточно, чтобы придать оригинальность его облику. Возвратясь с Востока, он принес в стерилизованный узким формализмом маликитов Магриб богословие, в которое Газали вдохнул живую душу. Реформаторское рвение Ибн Тумарта возмутило всех. Изгнанный сначала из Бужи, затем из Тлемсена и Марракеша, он нашел приют в

⁵ Лютер, Мартин (1483—1546) — один из крупных деятелей Реформации, основатель протестантской лютеранской церкви.

своём племени в Верхнем Атласе (с высот которого можно было любоваться столицей Альморавидов). Он проповедовал в своём племени масмуда. Приведя к вассальной присяге главных берберских вождей района, он объявил себя махди и призвал к священной войне. Так родилась империя Альмохадов (в 1121 г.).

Немаловажным фактом являлось то, что Ибн Тумарт, объявив себя махди, восстал не только против Альморавидов-маликитов, но и против чистого правоверия. Ведь он отнимал всю власть у муджтахидов, этих ученых мужей, за которыми правоверие признавало в те времена право на индивидуальное толкование религиозного закона.

Ибн Тумарт отнял у них эту власть, оставив ее только имамам. Мы видим, как близко подходит эта теория к шиизму. Конечно, этот непогрешимый имам, глава общины, был не кто иной, как махди, то есть сам Ибн Тумарт.

Ибн Тумарт, перед которым, очевидно, неотступно стоял пример Мухаммеда, был скорее поэтом, чем человеком действия. Он нашел деятеля, способного осуществить его замыслы, в лице Абд аль-Мумина, бербера из района Тлемсена, ставшего для него тем, чем Омар был для Мухаммеда. Племена Атласа сначала отказались платить налоги Альморавидам и напали на высланные против них карательные войска. Исход первых столкновений был неблагоприятен для Альморавидов. А после смерти Ибн Тумарта Абд аль-Мумин покинул горы, где он вел оборонительную войну на протяжении нескольких лет. Он взял подряд Тлемсен, Фес и Марракеш (в 1147 г.). В то время мусульмане в Испании подняли восстание против Альморавидов. Абд аль-Мумин воспользовался этим, чтобы установить там свою власть. Гражданские войны между Хаммадидами из Бужи и Зиридами из Кайруана и решительные нападения норманнов с Сицилии на Зиридов облегчили Абд аль-Мумину завоевание Северной Африки. Впервые эта территория от Атлантического океана до Триполитании принадлежала одному господину, разделившему ее на наместничества и составившему земельный кадастр, которого она никогда еще не знала. Незадолго до своей смерти (1163 г.) Абд аль-Мумин, объявив себя халифом (таким образом, вместе с каирским и багдадским

снова стало три халифа⁶), заставил соратников махди принять принцип династического наследования, и его потомки сменяли один другого вплоть до 1269 г. (т. е. до взятия Марракеша Меринидами). До 1236 г. они правили всей империей, основанной Абд аль-Мумином, сооружали памятники и покровительствовали арабо-испанским философам. Но они должны были постоянно считаться с влиянием сподвижников махди, и это было одной из причин их ослабления. Другой причиной была жестокая борьба, которую они должны были вести с двумя потомками Альморавидов. В то же время в Испании, через несколько лет после блестящей победы над христианами при Аларкосе, они потерпели жестокое поражение при Лас Навасе. Династия, подвергавшаяся нападениям врагов одновременно в Африке и в Испании, быстро пришла в упадок. Провинции этой великой империи отпадали от нее, стали часто происходить дворцовые перевороты. В конце концов Альмохады были вынуждены передать всю полноту власти своим наместникам, которые объявили себя независимыми.

Раздробленность. Так на обломках империи Альмохадов возникли три новые династии: Хафсиды в Тунисе, Абд аль-Вадиты в Тлемсене и Мериниды в Фесе. История повторялась: эти три государства напоминали три африканских государства IX в.: Аглабидов, Рустемидов и Идрисидов. Мусульманскую Испанию успехи христианской реконкисты сократили к тому времени до скромных размеров небольшого Гренадского государства, в котором Насриды, создатели Альхамбры, дворца, в котором «как в кристалле собрано все изящество и вся фантазия мусульманского искусства Испании» (Ж. Марсэ), сумели продержаться до 1492 г. под натиском христиан и Меринидов благодаря своей политике искусного балансирования. В 1492 г. Фердинанд и Изабелла изгнали из Испании последнего арабского эмира, а через несколько месяцев после этого события Христофор Колумб водрузил их знамя на земле Нового Света.

Из трех африканских государств (из которых впоследствии образовались Тунис, Алжир и Марокко) самым сильным было государство Меринидов. Своими

⁶ До 1031 г. третьим халифом был кордовский омейяд.

характерными чертами эта династия напоминала Альморавидов. Ее политика не отличалась от политики предшественников: оборона Испании и расширение территории в сторону африканского востока. Но в этой двойной борьбе Мериниды истощили свои силы. Соперничество трех африканских государств заполнило конец XIV и XV в. К середине XIV в. Мериниды были вынуждены занять свою прежнюю территорию, Марокко, куда уже начинали проникать португальцы. Колесо фортуны повернулось: теперь уже христиане пересекли море и угрожали Африке, у берегов которой начали свирепствовать варварийские корсары. Позднее, в XVI в., ислам начнет отражать наступление христиан как в области политики, так и в области религии. Впрочем, можно было убедиться, что в истории этих стран первостепенная роль принадлежала религии. Альморавиды и Альмохады были в полном смысле слова борцами за веру. Мериниды же, хотя они и были менее ревностными, все же способствовали развитию культа святых и мистицизма, элементов того религиозного пробуждения, которое окажется сильным оружием в борьбе, закончившейся разгромом христианского наступления в XVI в.

Тюрки и монголы

Народы Средней Азии постоянно колебались между Ираном и Китаем в выборе направления своих военных походов. Это зависело от того, оказывал ли им Китай должное сопротивление или нет. С VIII по X в. Китай, разоренный и раздробленный в результате раздоров, не мог оказывать никакого сопротивления. Но во второй половине X в., после прихода к власти династии Сун, начался подъем. Тогда кочевники Средней Азии, постоянно искавшие пастбища в этих степных и пустынных странах и стремившиеся к переселению на менее скудные земли, были вынуждены изменить направление своих набегов. Они воспользовались ослаблением Багдадского халифата и устремились на запад.

Мы уже видели (глава II), как уменьшались на Востоке и на Западе владения аббасидского халифа. Повсюду сепаратизм творил свое дело. От империи отделились Армения и Аравия. Халифским доменом остался

только Ирак, в котором фактически господствовали шииты Буиды. И все-таки этот взятый под опеку халиф, этот «ленивый король»⁷, при котором верховодили его майордомы, оставался, по крайней мере в глазах теоретиков, источником всякой власти. Другой халифат образовался в Испании⁸, и еще один (причем еретический) существовал в Египте⁹. Тем не менее многие крупные государи просили инвеституру именно у багдадского халифа. В конце X в. Махмуд Газневи ходатайствовал об официальном признании его в качестве государя и получил это признание. В середине XI в. основатель династии Альморавидов принял от халифа титул «повелителя мусульман» (амир аль-муслимин), сюзереном которого являлся халиф — «повелитель верующих» (амир аль-муминин). Через сто лет, в 1175 г., Саладин, всеми признанный хозяин Сирии и Египта, все же попросил инвеституру у багдадского халифа. Многие другие еще будут просить о том же даже у тех жалких марионеток, какими стали последние Аббасиды.

Итак, с начала XI в. мусульманская Азия подвергалась трем нашествиям: Сельджукидов, монголов и войск Тимура. Существовало ли какое-либо взаимное влияние между исламом и этими завоевателями?

Сельджукиды. В X в. тюрки Центральной Азии делились на три основные группы: уйгуры, поселившиеся в горном районе Тянь-Шаня; карлуки в Восточном Туркестане (Кашгаре) и гузы (огузы) на окраинах Трансоксианы. В конце X в. карлуки, обращенные в ислам, расселились вдоль Сыр-Дарьи (Яксарта) и оттеснили гузов к западу и югу. Гузы разделились на группы: одни устремились в Россию и были уничтожены затем в Греции; другие, составлявшие большинство и управляемые Сельджукидами, приняли ислам и наводнили Трансоксиану. В 1035 г. внуки Сельджука, предка основателей династии, проникли в Хорасан, которым владели Газневиды, и в пять лет завоевали его. Это событие

⁷ «Ленивые короли» — название последних государей династии Меровингов; они царствовали во второй половине VII в. и были фактически пешками в руках майордомов, представителей землевладельческой знати.

⁸ Кордовский халифат Омейядов был основан в 929 г., когда Абд ар-Рахман III объявил себя халифом, и существовал до 1031 г.

⁹ Халифат Фатимидов (969—1171) с центром в Каире.

оказалось чреватым важными последствиями: Иран, а следовательно, земли ислама стали, таким образом, вполне доступными для вторжений из Средней Азии. Через десять лет, покорив Иран, Сельджукиды начали священную войну в христианских странах: они прошли по Анатолии и опустошили Армению. Так ислам взял реванш за победоносное наступление византийских императоров в X в. В 1055 г. Тогрул, взяв приступом Багдад, уничтожил еретическое иранское господство шиитов Буидов, женился на дочери халифа и добился от него признания своей верховной власти. В даях будущего уже виднелись очертания Османского халифата.

После этого, воспользовавшись внутренними беспорядками в Византийской империи, Сельджукиды в течение десяти лет разоряли ее постоянными набегами. Поражение, понесенное императором Романом Диогеном в 1071 г., отдало под их власть Малую Азию. В то же время они захватили Сирию и Палестину, где встретили сопротивление Фатимидов: еще один поединок между правоверием и шиизмом. Фатимиды находились в состоянии крайнего упадка: каирский халиф, как и багдадский, был лишь игрушкой в руках своих наемников (негров, берберов и тюрок), взаимное соперничество которых истощало империю. Восстания, голод, разгром собранной Фатимидами весьма ценной библиотеки — все эти бедствия обрушились на Египет, а Сельджукиды завладели Иерусалимом в 1070 г. Тогда появился человек (военачальник, армянин по происхождению), которому удалось восстановить власть Фатимидов в Египте, но он напрасно старался вытеснить Сельджукидов из Сирии и Палестины. Сельджукиды помышляли о нападении на Египет, что было вполне логично, так как Фатимиды были последним оплотом шиизма. Тогда Франция, встревоженная этими захватами, угрожавшими одновременно Византии и Святой земле, решилась на крестовый поход.

Так, на некоторое время Сельджукиды стали защитниками правоверного ислама от христиан. Они восстановили в Азии не только политическое, но и религиозное единство, ослабив шиитское влияние и нейтрализовав тайную власть секты ассасинов. Такой быстрой победой они были обязаны своей военной и администра-

тивной организации, составлявшей контраст с анархией, которая царила в стане их противников. Эта организация была делом трех великих монархов и одного гениального министра — Низам аль-Мулька, иранца (покровителя Газали), обладавшего властью, подобной власти багдадских министров Бармекидов; его методы описаны в «Книге о политике» (переведенной на французский язык Шефером)¹⁰. Самый выдающийся из Сельджукидов — Мелик-шах, кажется, был иранцем в такой же мере, как и тюрком. Фактически оказались два исламизированные тюркских общества: одно — оставшееся в Туркестане, очень консервативное, подвергшееся китайскому влиянию; другое — в Западной Азии, преобразовавшееся под воздействием византийской, арабской и иранской цивилизаций и полное сил. Но это глубокое преобразование отнюдь не умерило непреклонного правоверия Сельджукидов: «Монарх обязан быть осведомленным обо всем, что имеет отношение к религии, обязанностям, ею налагаемым, и традициям... Необходимо, чтобы один-два раза в неделю он принимал у себя ученых законников» (Низам аль-Мульк).

Когда султан Мелик-шах умер в 1092 г., его братья и сыновья разделили между собой империю, слишком обширную для одного государя. Один из них взял себе Иран, другой — Сирию, третий — Анатолию. Но разногласия между ними сыграли на руку крестоносцам. В то время как сыновья Мелик-шаха оспаривали друг у друга Иран, крестоносцы нанесли Сельджукидам решающие удары — сначала тому, кто владел Малой Азией (в битве при Дорилее в 1097 г.), затем тому, кто правил Сирией (в битве при Антиохии в 1098 г.). Могущество Сельджукидов было подорвано, и начиная с XII в. их империя распалась на мелкие княжества — явление, аналогичное разделу халифата в Испании, происшедшему за столетие до того. Чисто военное и слишком обширное государство Сельджукидов держалось на власти правителей провинций, усиливавшейся по мере того, как ослабевала центральная власть. Та же причина в свое время привела к власти династии Саффа-

¹⁰ Имеется русский перевод проф. Б. Н. Заходера («Сиасетнамэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька», М.—Л., 1949).

ридов¹¹ и Саманидов¹² в Восточном Иране. Эти сельджукидские правители областей, ставшие независимыми государями, носят в истории название атабеков (ата — отец, бек — господин; первоначально так называли опекунов и наставников молодых эмиров). Так образовались местные династии в Сирии, Месопотамии, Армении и Иране. Империя, фактически уже расчлененная, не могла противостоять притязаниям завоевателей.

Завоеватели пришли из Туркестана. Третий сын Мелик-шаха — Синджар, смелый и просвещенный государь, защищал от них Восточный Иран; когда-то эту границу обороняли от туранцев иранцы Сасаниды и Саманиды. А теперь туранец отражал от нее новых врагов — своих братьев по крови: каракитаев, происшедших из Северного Китая и осевших в Восточном Туркестане; гузов из киргизских степей; хорезмских государей Хивы. Последние были потомками раба, принадлежавшего султану Мелик-шаху, а потом ставшего правителем Хивы. Синджар, последний из «великих Сельджукидов», вел с ними отчаянную борьбу на протяжении тридцати лет, до самой своей смерти в 1157 г. Тем не менее он не смог воспрепятствовать тому, чтобы каракитаи и хорезмийцы поделили между собой Трансоксиану.

В конце XII в. хорезмийцы отняли у Сельджукидов Иран, раздираемый восстаниями, а лет через пятнадцать они захватили Отрар, столицу каракитаев, и положили конец их власти. Затем наступила очередь Газни, столицы династии Гуридов, сменивших Газневидов в Афганистане и Индии. Так, новая империя хорезмшахов частично восстановила политическое единство Западной Азии, расчленяемой, с другой стороны, атабеками. В то же время хорезмшахи нанесли ущерб религиозному единству. Непогрешимое правление Сельджукидов они к 1218 г. заменили шиизмом и даже помышляли уничтожить аббасидский халифат. Монгольское нашествие не дало им времени на это.

Итак, шиизм достиг на очень короткое время преобладания в Передней Азии. Зато он за несколько лет до того утратил свое господство в Египте. Курд Сала-

¹¹ Саффариды (868—909) — иранская династия.

¹² Саманиды (875—999) — династия, господствовавшая в Мавераннахре и Иране.

дин, сын офицера, служившего у атабеков, воспользовался ослаблением фатимидского халифата, сильно подорванного раздорами везиров и соседством крестоносцев. Он сверг шиитского халифа и восстановил правоверие в Египте. Династия Айюбидов, основанная Саладином и названная по имени его предка, реорганизовала Египет. Это большое суннитское государство распространилось до Евфрата, уничтожив несколько династий атабеков. Так, Айюбиды, оттеснив обессиленных Сельджукидов на задний план, сами стали выполнять роль поборников правоверия. Египет и Сирия превратились в главную арену войн ислама против христианства. Удары, которые Саладин нанес христианам в Сирии, оказались бы смертельными, если бы не соперничество, приводившее к раздорам между его потомками. Несогласия айюбидских государей, как и распри среди Сельджукидов, принесли пользу их противникам. Египетский айюбид был вынужден вступить в союз с хорезмийцами против крестоносцев. Так же некогда мусульмане Испании призвали Альморавидов, чтобы отразить христиан. Кроме того, совершенно так же, как некогда атабеки, воспользовались слабостью своих повелителей мамлюки. Эти бывшие наемники Айюбидов в конце концов заняли их место в середине XIII в. Как мы видим, все династии, одну за другой, губит одна и та же болезнь — преторианство. Но зато, сделавшись султанами, египетские мамлюки спасут от монгольского нашествия ислам и Европу.

Монголы. До сих пор тюрки, завоеватели мусульманского мира, сами обращались в ислам и чаще всего становились ярыми защитниками правоверных. Но тюрки приходили только из Средней Азии. Их братья по расе — монголы, явившиеся из гораздо более отдаленных стран, почти совсем не знали ислама.

«Национальной религией монголов в середине XIII в. был шаманизм, довольно слабо укоренившийся и лишенный фанатизма. Сам великий хан Гуюк не был враждебен христианам; в его семье были христиане, и два первых его преемника были сыновьями христианки; среди его главных министров было двое христиан-несториан» (Пеллио¹³).

¹³ Пеллио — французский востоковед, родился в 1878 г.

Монголы известны в истории также под названием татар. Это даже, кажется, их первоначальное наименование. Оно было заменено названием «монголы» (быть может, по названию одного небольшого княжества, существовавшего в XII в. в Монголии и Средней Азии во время Чингис-хана). Зато название «татары» сохранилось в западных частях Монгольской империи, например в Золотой Орде. Впоследствии европейцы стали называть родовым именем татар все тюркские народы, за исключением османов. Как название народа слово «татары» применяется в наши дни к тюркам Поволжья и части Сибири.

Чингис-хан, основатель Монгольской империи, родился в знатной семье в середине XII в. в районе, называемом теперь Забайкальем. Отец дал ему имя Темучин. Рано осиротев, Темучин пребывал в неизвестности и терпел лишения. До пятидесяти лет он оставался в пределах своей родной Монголии, где начал свою карьеру как главарь шайки авантюристов, живших охотой и набегами. Затем ему выпал случай оказать поддержку китайской династии Цин в ее борьбе против кочевых царьков, чье усиление она неосторожно допустила. После этого выступления Чингис-хан стал известен. Монголия была охвачена внутренней борьбой, и Темучин сумел использовать это обстоятельство. После нескольких лет испытаний и превратностей он заставил племена восточной половины этой страны признать его власть (в 1207 г.). Важным фактом явилось то, что среди первых соратников Чингис-хана были мусульмане, по всей вероятности, купцы, в то время уже наладившие торговые связи между Китаем и Монголией. Через несколько лет этим мусульманам пришлось служить посредниками между монголами и Хорезмом. Следовательно, не исключена возможность, что они подсказали Темучину основную идею его царствования: обеспечить безопасность большого торгового пути — «пути шелка» — между Китаем и Западом.

Прошло три года, и вся Монголия признала власть Темучина. Вероятно, в тот период он принял имя Чингис-хана. Это — загадочное имя, переводимое китайцами как «сын неба», но, возможно, связанное с монгольским «чинг» — «сильный». Собрание вождей племен установило организационные основы империи, среди ко-

торых очень важным представляется положение о телохранителях. Железная дисциплина — ясак¹⁴ — была введена в монгольских войсках и стала основной причиной их побед. Ясак действительно сплотил в единую нацию рассеянные племена.

Первые внешние походы Чингис-хана были направлены против Китая. Однако в 1209 г., повернув на Запад и воспользовавшись войнами между каракитаями и хорезмийцами, Чингис-хан вынудил уйгурских и карлукских князей Центральной Азии признать его своим повелителем. Но серьезные военные действия в этом районе начались с 1216 г. Монголы, преследуя враждебные племена, наводнили киргизские степи, пришли там в столкновение с войсками хорезмшаха и отступили после боя, не принесшего победы ни той ни другой стороне. В 1218 г. одно событие экономического порядка послужило искрой, вызвавшей большой пожар. Хорезмшах прислал посольство, на что монгольский хан ответил посылкой большого каравана, чтобы возобновить торговые отношения. Этот караван, состоявший из мусульманских купцов, был истреблен хорезмийцами, а хорезмшах отказался дать какое-либо удовлетворение. Чингис-хан во главе войска в 200 тыс. человек, уступавшего войску хорезмийцев по численности, но лучше организованного, вторгся в мусульманские земли. Там, как когда-то во время арабских завоеваний, завоевателей встретили как освободителей. Мусульмане Туркестана подвергались преследованиям со стороны одного тюркского князя, перешедшего из несторианства в буддизм. Поэтому они бросились в объятия монголов, веротерпимость которых приободрила их. Хорезмская империя расширила свои пределы за счет отнятой у каракитаев Трансоксианы и взятого у Гуридов Афганистана. Ей подчинялись княжества, разделившие между собой Иран. Соседство Хорезма угрожало багдадскому халифу, владевшему только маленькой областью. Но через несколько месяцев трон хорезмшаха рухнул, а сам он, затравленный монгольскими конниками, умер от изнурения. Два преследовавших его монгольских воена-

¹⁴ Точнее — дзасак. Возможно, автор имеет в виду «ясак» — сборник обычного права монголов, составленный по приказанию Чингис-хана.

чальника продолжали свое стремительное движение вперед, подчинили Северный Иран, сломили сопротивление грузин в Закавказье, а главное — включили в состав своих войск все тюркские племена, расселившиеся в Восточной Европе. В то время Чингис-хан завоевывал Бактрию и Афганистан, сея ужас чудовищными массовыми убийствами. Один из его сыновей опустошил Хорасан. Все склонялось перед ним. Азия, от Монголии до Ирана, была объединена, но часть ее территории представляла собою развалины. По Азии прошел новый, еще полудикий Александр¹⁵. Незадолго до своей смерти (1227 г.) Чингис-хан повернул свои войска против китайских грабителей¹⁶, которые останавливали караваны (все та же основная идея его правления). В то время как арабы, иранцы и принявшие ислам тюрки сражались во имя религиозного идеала, основатель монгольской империи, быть может, самой обширной из всех существовавших, был озабочен только земными делами. Чтобы достичь своей цели (объединения и безопасности Азии, прекращения религиозных войн), он пожертвовал миллионами человеческих жизней. Нужно признать, что это непреклонное упорство в самых трудных обстоятельствах придает его варварскому облику почти эпическое величие.

Еще при жизни он назначил своим преемником третьего сына — Угедея. Это не помешало ему разделить свою империю между четырьмя сыновьями, следуя правилу кочевых монархий, согласно которому племена и земли распределялись между членами царствующего дома. В соответствии с обычаем предков самый младший получил родовое владение (Восточную Монголию), а старший должен был править самой отдаленной частью, именно той, которая стала потом царством Золотой Орды и простиралась от Украины до Аральского моря. Второму сыну достались два Туркестана — Восточный и Западный (древние тюркские земли), с VIII в. находившиеся в соприкосновении с исламом.

При Угеее, весьма посредственном государе, правившем половиной Китая, четырьмя пятими территории России и Ираном, китайское влияние приобрело

¹⁵ Автор имеет в виду Александра Македонского.

¹⁶ Невозможно понять, о каких «грабителях» говорит автор.

огромную силу благодаря одному выдающемуся министру. Но другие элементы империи, несторианские и мусульманские, боролись против этого влияния. Христиане помышляли о союзе монгольского императора с крестоносцами для победы над исламом (и эта мечта чуть было не стала действительностью во время крестового похода Людовика Святого в Египет). Мусульмане со своей стороны хотели, чтобы монгольский император восстановил мусульманское единство (их стремления будут осуществлены Тимуром и позднее османскими султанами). Но не желая больше выжидать и бессознательно поощряя монгольскую экспансию, одни убедили великого хана завершить завоевание Китая, другие добились похода в Иран, где в то время правил Джелаль ад-дин Мангуберти, тюрок, принявший ислам, сын последнего хорезмшаха. Он пробудил иранский национализм. Непоследовательный, но героический и темпераментный политический деятель, он вынужден был после поражения искать убежище в Индии. Затем, узнав, что монголы выступили против Китая, он возобновил военные действия, но стал воевать не с монголами, а со всеми своими соседями (с халифом, Айюбидами, анатолийскими Сельджукидами), так что оказался в конце концов один на один с монголами. После его смерти в 1231 г. государство, в состав которого входили Иран, Верхняя Месопотамия, Грузия, империя Сельджукидов в Анатолии, распалось. Дверь в Европу была взята приступом: монголы потоком хлынули в Россию, Польшу, Венгрию и появились под Веной: их быстрому продвижению способствовали раздоры в стане противников. Западную цивилизацию спасла смерть императора Угедея¹⁷, но впредь Запад был вынужден считаться с монгольским могуществом. Папа Иннокентий IV разрешил Парижскому университету организовать преподавание арабского и «татарского» языков. Кроме того, он отправил послов ко двору монгольского хана в Каракорум, где францисканец Плано Карпини¹⁸ при-

¹⁷ Западную Европу спасло сопротивление народов Восточной и Центральной Европы, в борьбе с которыми монголы исчерпали свои силы.

¹⁸ Карпини Плано (1182—1252) — итальянский путешественник, совершивший в 1245—1247 гг. путешествие в Монголию и обратно; оставил весьма содержательное описание этого путешествия.

существовал при избрании императора Гуюка. Смерть помешала Гуюку¹⁹, одинаково благожелательно относившемуся к несторианству, армяно-григорианству и буддизму, окончательно установить единство империи. Тогда-то одна монгольская княжна-христианка, племянница последнего царя кераитов («священника Иоанна» средневековых писателей), сумела добиться того, чтобы власть перешла к потомкам самого младшего сына Чингис-хана. Мункэ был первым просвещенным императором монголов²⁰. Он повелел составить словари и допустил к своему двору иранских ученых.

Кроме того, под влиянием своей матери он проявлял образцовую веротерпимость, окружив себя несторианами, буддистами, даоситами и мусульманами. «Все эти религии подобны пальцам на одной руке»,— говорил он францисканцу Рубруквису²¹.

Этот монах, как известно, передал в 1254 г. монгольскому императору от совершавшего в то время крестовый поход Людовика Святого предложение заключить союз против ислама; подобное предложение делалось уже не в первый раз. Царь Армении тоже требовал выступления монголов против ислама. Иран был охвачен анархией. Ассасины, которых Сельджукиды не могли уничтожить, продолжали совершать свои мрачные подвиги. Сирийские мамлюки парализовали торговлю. Брат монгольского императора, Хулагу, буддист, но сын христианки и женатый на христианке, вступил в Иран во главе войска, состоявшего из среднеазиатских тюрок, большинство которых было несторианами. Ассасины и халиф еще препятствовали объединению Азии под монгольской гегемонией. Хулагу, начав с ассасинов, сравнял с землей их крепости и предал смерти их главарей (1257 г.). В следующем году он завладел Багдадом и, сохранив жизнь христианам, бесчеловечно убил халифа и всю его семью. Так закончил свое существование традиционный ислам.

¹⁹ Гуюк правил с 1246 по 1248 г.

²⁰ Мункэ был «великим ханом» с 1248 по 1259 г.

²¹ Рубруквис (Рубрук) (приблизительно — 1220—1293) — фламандский путешественник; по поручению французского короля Людовика IX Святого совершил путешествие в Монголию в 1253—1255 гг. для переговоров с ханом Мункэ.

А между тем второй брат императора Мункэ — Хубилай²² — завершал завоевание Китая. Во время всех этих событий император умер. Тогда огромная империя, распалась сама собой на четыре больших государства: монгольскую империю в Китае, Кипчакское ханство (монгольская Россия), ханство в Туркестане и монгольское ханство в Иране. Центр тяжести империи переместился на Дальний Восток. Но Иран еще раз покорит своих победителей: завоевавшие его монголы станут мусульманами и цивилизованными людьми. К тому же новый император Хубилай, почти полностью китаизированный, принял на государственную службу некоторое количество иранцев. С тех пор китайский язык, на котором говорят в Китае мусульмане, смешался с языком фарси. Впрочем, язык фарси уже давно стал языком официальных и великосветских кругов при тюркских династиях в Индии и Средней Азии (мы уже видели, каким влиянием он пользовался у Сельджукидов). Это свое превосходство язык фарси сохранит у тюрков, пока османы не заменят его своим родным языком.

Это было хорошее время для христиан Ирана и Армении: на них опиралась политика монголов. То была политика покровительства национальным меньшинствам, которые содействовали Хулагу в его наступлении на последний оплот мусульман на Востоке — мамлюков Сирии и Египта. В 1259 г. монгольское войско под командованием военачальника-христианина взяло Дамаск и Халеб. Крестоносцам оставалось только присоединиться к монголам, чтобы покончить с мусульманами. Но они опасались могущества монголов, проявили колебания и дали египетскому султану время оправиться от поражения. В следующем году он нанес поражение монголам, слишком удалившимся от своей базы, и отбросил их за Евфрат. Поражение было таким же решающим, как то, которое потерпели арабы при Пуатье. Монгольская экспансия закончилась. Прямым следствием этого успеха мусульман явилась исламизация монгольских ханств на юге России и в Туркестане.

В то время Монгольская империя стабилизировалась. По ней спокойно разъезжали всякого рода путешественники, итальянские и арабские купцы и христианские

²² Хубилай, правивший в 1259—1294 гг., был основателем монгольской династии Юань в Китае.

миссионеры (достаточно упомянуть Марко Поло, Монтекорвина²³, Порденона). Самые различные религии основывали здесь свои многочисленные учреждения. В Азии царил мир, подобный «римскому миру»²⁴.

Сопrotивление ислама

Некоторые очаги сопротивления еще уцелели.

С одной стороны, самый выдающийся египетский мамлюкский султан Бейбарс не удовольствовался тем, что отбросил монголов. Он свел на нет значение армянских царей, крестоносцев и сирийских исмаилитов, а главное — приютил у себя одного из членов династии Аббасидов, бежавшего от монголов. Ловким ходом Бейбарса было признание этого беглеца халифом. Став, таким образом, покровителем халифата, он обосновал законность своей власти в глазах правоверных суннитов.

С другой стороны, империя Сельджукидов в Анатолии (бывшая тоже прибежищем суннизма), низведенная монголами до положения их вассала, разделилась на несколько княжеств. Одно из них положило начало империи османов, тюркского рода, который бежал перед монгольским нашествием. Эти османы, подлинные преемники Сельджукидов, станут тоже поборниками суннитского правоверия и в XVI в. возвратят утраченный блеск титулу халифа. В XIV в., покинув свои владения на плоскогорьях Анатолии, они с силой устремились к Мраморному морю. Благодаря столь же суровой, как и у монголов, дисциплине своих янычар они заняли побережье от Черного моря до Смирнского залива, затем переправились через проливы и повторили историю монгольских походов в Европе.

Наконец, ислам распространил влияние на монголов Ирана. Преемник Хулагу был, как и его отец, буддистом и другом христиан. Он женился на дочери императора Михаила Палеолога и воевал со своим двою-

²³ Марко Поло (1254—1323) — итальянский путешественник, прожил в Китае 17 лет, находясь на службе у монгольского хана Хубилая; оставил описание своего путешествия. Монтекорвин (1246—1328) — католический миссионер, францисканец, проповедник христианства в Китае.

²⁴ «Римский мир» — период правления римского императора Августа.

родным братом — туркестанским ханом. Борьба Ирана с Тураном и в то же время буддизма с исламом, таким образом, возобновилась. Ислам взял на короткое время реванш, став официальной религией Ирана при третьем государе династии Хулагуидов. Его преемник неоднократно предлагал королям Европы, в том числе Филиппу Красивому, вступить в коалицию против египетских мамлюков. А ислам, несмотря ни на что, укреплял свои позиции в Иране: лет через сорок после падения Багдадского халифата он внезапно восторжествовал в этой стране. Из монгольских государей только китайский император избежал его влияния. Это обращение в ислам иранских монголов, ставших уже утонченными и чувствительными под влиянием воспринятой ими цивилизации, совпало с распадением их государства: в различных провинциях возникли местные, монгольские или иранские, суннитские или шиитские династии, а с ними вместе начались гражданские войны.

Итак, политическое единство Западной Азии — мечта монголов — было уничтожено в первые годы XIV в. Эта анархия, как обычно, закончилась переворотом: около 1365 г. Тимур Ленг (Тамерлан)²⁵, тюрк и суннит, происходивший из знатной, жившей в Трансоксании семьи, начал с того, что восстановил порядок в этой стране, где шла война между тюрками и монголами. Сделав Самарканд центром своих операций, он решил восстановить единство Азии путем завоеваний во славу правоверного ислама. Несмотря на то что он воспринял иранскую культуру, он провел с жестокостью, достойной монголов, свои три похода против иранских княжеств, а также в Хорезм и Афганистан. Затем Тимур повернул в сторону России, где распри и междоусобицы раздирали Кипчакское ханство. После этого наступила очередь Индии, оставшейся в стороне от монгольского нашествия; в одной битве индо-афганцы были разбиты наголову. Тимур вернулся в Самарканд с богатой добычей, как некогда Махмуд Газневи. Наконец, Тимур был вынужден пойти на турок. Султан Баязид I распространил свое господство в Малой Азии, затем завое-

²⁵ Тимур (1336—1405) — среднеазиатский полководец, с 1370 г. — эмир; путем завоеваний создал обширную «империю», распавшуюся после его смерти.

вал Болгарию и в 1396 г. уничтожил под Никоподем армию последних крестоносцев, брошенную против него Европой, судьбы которой он после этого держал в своих руках. Шестью годами позднее Тимур дал Баязиду знаменитое сражение под Ангорой, которое изменило ход истории, задержав на полвека взятие Константинополя турками. Так Тимур стал властителем Азии. Западные государи отправили послов к тому, кто, сам того не зная, спас их. Один лишь Китай, где незадолго до того национальная династия Мин свергла монголов, пока еще не подчинялся власти Тимура. Последний собирался завоевать и его, но умер на заре XV в.

Объединение Азии сорвалось еще раз. Мамлюки держались в Сирии и Египте. В Индии делийские султаны (предки которых, начавшие со службы у Гуридов, основали первую династию, независимую от Газни) не могли воспрепятствовать возникновению целого ряда местных династий. В Восточном Иране и Трансоксиане (Герате и Самарканде) сын и внук Тимура правили как великие монархи, покровители наук и искусств. Следуя монгольской традиции, они больше всего заботились о безопасности и хорошем состоянии новых торговых путей, которым суждено было исчезнуть через некоторое время. В тот период началось развитие португальского мореплавания.

Но Западный Иран и Месопотамия, избегнув владычества Тимуридов, стали ареной гражданских войн во второй половине XV в. Вражда двух туркменских родов Черного Барана и Белого Барана напоминает Гвельфов и Гибеллинов²⁶. И подобно тому как прежде Рим старался заручиться поддержкой монголов против ислама, Венеция искала помощи туркменов против азиатских турок.

Новые времена. Образование трех больших азиатских государств

После смерти Тимура турки оправились. Взяв Константинополь в 1453 г., Мехмет II уничтожил Визан-

²⁶ Гвельфы — политическая группировка в Италии XII—XV вв., состоявшая преимущественно из купцов и ремесленников и боровшаяся против Гибеллинов, сторонников германских императоров.

тийскую империю и сделал бесполезным сопротивление венгра Хуняди и албанца Скандербега. Падение византийской столицы, событие не менее чреватое последствиями, чем падение Багдада, позволило туркам продвинуться на Балканах, захватить острова в Эгейском море и даже вступить в пределы Италии (в Отранто). К этим завоеваниям (Балканского полуострова и половины Малой Азии) присоединилось еще покорение Крыма. Эгейское и Черное моря стали османскими владениями.

К началу XVI в. Османская империя достигла своего апогея. Однако Селим I должен был повернуть с Запада на Восток. В Иране Сефевиды преобразовали страну и стали опасными вследствие их возросшего могущества. Сефевиды были потомками аскета, умершего в ореоле святости в области, прилегающей к Каспийскому морю. Этот аскет вел свою родословную от седьмого алидского имама, т. е. считал себя арабом по происхождению. Его внук примкнул к шиитам. Возвышение Сефевидов напоминало возвышение Аббасидов или Фатимидов. В начале XV в. они учредили религиозный орден, который вел пропаганду не только в Иране, но и в Малой Азии. Сефевиды были суфиями, которые, даже став государями, остались в глазах европейцев «великими суфиями» Ирана. В 1490 г. Исмаил (тот из них, кому было суждено завоевать Иран) лишился отца и брата, павших в боях с туркменами. Эти испытания закалили его, и, несмотря на свою молодость, он собрал своих приверженцев и, воспользовавшись несогласиями между двенадцатью разделившими между собой Иран царьками, разбил их порознь, одного за другим. В 1501 г.²⁷ он провозгласил себя шахом Ирана и объявил шиизм государственной религией. Так вместе с новым веком родилась новая империя, соперница Турецкой империи.

Шиизм постепенно распространился в Малой Азии, а за этим последовали массовые убийства. Война между османским суннитом и сефевидским шиитом становилась неизбежной. Судьба вынесла свой приговор в кровавый день Чалдырана (1514 г.): турецкая артиллерия разгромила иранскую конницу. Впрочем, Селим по-

²⁷ Исмаил провозгласил себя шахом в 1502 г.

чти не использовал полученного им перевеса, который мог бы быть решающим. Считая иранцев достаточно ослабленными, он двинулся на Египет, чтобы завоевать его²⁸ и получить, незадолго до своей смерти, чисто духовное наследство последних Аббасидов, которых приютили мамлюки. Кажется, Селим принял титул халифа еще до завоевания Египта, и официальное отречение Аббасида в его пользу — только легенда, созданная в более позднее время²⁹. Эта легенда привела к серьезным последствиям.

Но Иран пережил свое поражение так же, как Турция оправилась после разгрома под Ангорой. Второй Сефевид³⁰ более полувека правил страной, в которой было достигнуто политическое и религиозное единство. Его правление, как отмечал один хронист, было самым продолжительным во всей истории ислама, если не считать Фатимида Мустансира. Религиозная и политическая борьба против турок, достигших тогда вершины своего могущества, велась с переменным успехом. «Между нами и гибелью стоит только Иран — его войны с Турцией дают нам передышку», — писал австрийский посол Бусбек в то время, когда Сулейман, союзник французского короля и самый выдающийся османский султан, осаждал Вену.

Османская империя простиралась тогда от Дуная до Нильских порогов и от Евфрата до Гибралтара. В Северной Африке продвижение христиан (испанцев) было остановлено турецкими корсарами, занявшими все главные города на побережье. Только Марокко еще сохраняло свою независимость благодаря религиозному и национальному движению шерифов, напомиравшему движения Альморавидов и Альмохадов. Успехи шерифов были вызваны ослаблением Меринидов и набегами христиан. Мусульманские братства призывали к священной войне против христиан, а руководство в этой войне взяли на себя саадийские шерифы, пришедшие с Атласа и ведшие свое происхож-

²⁸ Войско Селима вначале 1516 г. завоевало Сирию, а затем в 1517 г. Египет.

²⁹ Как доказал акад. В. В. Бартольд (журнал «Мир ислама» за 1912 г.), передача сана халифа Селиму является легендой, сложившейся к концу XVIII в.

³⁰ Тахмасп I правил с 1524 по 1576 г.

дение от алидских имамов (совсем как Сефевиды в Иране).

«Причины окончательного торжества ислама среди берберского сельского населения Марокко в XVI в. заключаются в следующих трех фактах: ислам склоняется к мистицизму и сводится к чисто механической обрядности; религиозные братства организовали постоянные миссии апостолов этого мистицизма; культ святых приводит религию берберов в соответствие с их пониманием и вкусами, а ислам остается лишь легким покровом на нем» (Бель).

Бесполезно излагать дальнейшую историю Турции. Она имеет лишь второстепенный интерес при изучении религиозной эволюции ислама. Известно, что после Сулеймана (умер в 1566 г.) Турция понемногу утратила свою наступательную мощь. Неспособность освоить завоеванные страны, взяточничество, прихоти везиров, гаремные интриги, бунты янычар (напоминающие о преторианцах арабского халифата), очевидно, были основными причинами этого ослабления, из которого Сефевиды сумели извлечь пользу для себя.

За время своего долгого правления шах Аббас, один из великих государей Ирана, реорганизовал армию с помощью европейских инструкторов и, сражаясь одновременно против узбеков, турок и португальцев, вернул себе западные провинции своего царства и святые города шиитов (Неджеф и Кербелу). Предоставив убежище изгнанным из Турции армянам, он использовал их для того, чтобы придать грандиозный размах торговле. В его правление Иран окончательно установил экономические и политические связи с Европой. В первые годы XVII в. Иран в свою очередь достиг апогея. В следующем веке, когда на него одновременно напали турецкие и афганские сунниты, он был спасен гениальным авантюристом — Надир-шахом. Первоначально Надир-шах задался целью присоединить шиизм к четырем правоверным толкам, затем провел реставрацию суннизма в Иране и наметил даже (правда, вскользь) установление новой религии. Вскоре, в XIX в., в Иране, как увидим, возникнет новая, развившаяся из ислама религия — бабизм.

Наконец, третья империя родилась в Западной Азии. В то время как Исмаил закладывал основу мо-

гущества Сефевидов в Иране, другой монарх, Бабур, потомок Тимура со стороны отца и Чингис-хана — по материнской линии, начинал политическое и религиозное объединение Индии. Бабур наследовал своему отцу в Фергане, но не мог удержаться в Средней Азии. Перейдя Гиндукуш, он завладел Кабулом и задумал завоевать оттуда Индию. Он повторял историю Газневидов и Гуридов, тоже спускавшихся из Афганистана в Индию. В своих изумительных «Мемуарах»³¹ (которые смело можно сравнить с «Записками» Цезаря) Бабур рассказал о своей жизни, заполненной героической борьбой. Этот великий человек умер, когда ему не было еще и пятидесяти лет (в 1530 г.). В течение целого столетия созданная им империя Великих Моголов сверкала ни с чем не сравнимым блеском. Но с конца XVII в. начался ее упадок. В следующем веке она сделалась объектом соперничества между афганцами и маратхами, французами и англичанами. Эта борьба соперничавших сил привела к тому, что империя продолжала существовать лишь номинально под английской опекой. В 1857 г., через шестьсот лет без одного года после падения аббасидского халифата, последний государь монгольского происхождения закончил свои дни в изгнании.

Мы видим теперь, какое первостепенное место занимали в истории Азии монголы (туранцы с востока) и турки (туранцы с запада). В первый период монголы стремились установить политическое и экономическое единство Азии в форме светского государства, которое логически уничтожало государство халифов. Во втором периоде, когда монголы повернули к Дальнему Востоку, турки сменили их на Ближнем Востоке и стали опорой правоверного ислама. А между ними лежал Иран. Народы проходили через него, смешивались расы, а он оставался свидетельством несокрушимости индоевропейского гения.

Итак, благодаря этим трем великим государствам ислам окончательно водворился в Азии. Но не следует забывать об успехах, достигнутых им более или менее мирным путем в различных странах. Мы уже видели,

³¹ Имеется русский перевод «Бабур-наме» — «Записки Бабура»; Ташкент, 1958.

как он благодаря купцам и путешественникам проник на Мадагаскар, в Индонезию и Китай. С Суматры и Малайских островов ислам распространился на Яве (XVI в.), затем на Борнео и в следующем веке — на Целебесе. В Китае, несмотря на их небольшую численность (всего шесть миллионов)³², влияние мусульман возрастало, потому что они сосредоточились в важных центрах, в частности в Туркестане, которому, как известно, всегда принадлежала определенная роль в судьбах Китая. В Индокитае ислам был введен в XI в. арабскими мореплавателями, а затем распространился в стране чанов (XIV—XV вв.) и Камбодже (XVI в.). Что же касается Африки, то там исламизация протекала медленно. Проникновение ислама в Эфиопию началось в XII в. и с тех пор непрерывно продолжалось. В Западном Судане берберы ввели ислам в западной части этой страны. Это привело к образованию многих государств на развалинах империи Ганы. Только в XIV в. установила свою гегемонию новая империя, империя мандингов. В XVI в. завоевание Такрура язычниками — пэлами приостановило распространение ислама, и оно возобновилось только в XVIII в. Проникновение ислама в Центральный Судан началось в XV в. В Восточном Судане до XVI в. его признавали только нубийцы, и он широко распространился там только в XVI в. Наконец, следует отметить, что и в самой Аравии некоторые племена (например, ахль мурра) обратились в ислам лишь совсем недавно.

Последние религиозные нововведения

Акбар. Третий представитель династии, основанной в Индии Бабуром, император Акбар (вторая половина XVI в.) был гениальным человеком. Величие его философских и религиозных концепций затмевало его качества стратега и правителя. Акбар был, подобно Марку Аврелию³³, мудрецом на троне. Основной чертой его характера являлась просвещенная веротерпимость. Воспитанный в суннизме, он не замедлил предпочесть ему

³² В настоящее время в Китае 10 млн. мусульман.

³³ Марк Аврелий — римский император (161—180), родился в 121 г., видный философ-стоик.

шиизм, легче поддававшийся смещению с другими вероучениями, а это привело его к замене языком фарси арабского в подвластных ему государствах. Затем от шиизма он, вполне естественно, перешел к самому глубокому мистицизму и стал образцовым суфием. Под влиянием своего возвышенного мистицизма он разрешил потребление вина и свиного мяса и стал отрицать вечность адских мук, допуская, что осужденный грешник может искупить свои грехи путем ряда перевоплощений, веру в которые он заимствовал из брахманизма (в то время индийская секта сикхов, с которой Акбар поддерживал дружественные отношения, признавала переселение душ, — см. EI, art. «Sikhs»). Более того, в 1593 г. индусы, которые когда-то были насильственно обращены в ислам, получили разрешение вновь обратиться в свою прежнюю веру. То ли по политическим соображениям, то ли по личному убеждению Акбар ценил во всех религиях только чувство божественного и не придавал никакого значения расхождениям в вероучениях и обрядности. С одинаковой симпатией он относился к брахманизму, буддизму и христианству и созывал представителей всех этих религий на диспуты. Словом, он мечтал о религиозном синкретизме. Кончил он своего рода деизмом без священства, взяв в качестве видимого символа солнце в небе и огонь на земле (символ религии древнего Ирана, которую проповедовали зороастрийцы). Но деизм Акбара насчитывал лишь ничтожное число последователей. Это не мешало ему нанести чувствительный удар правоверному исламу в Индии. Сын и наследник Акбара поспешил вернуться к суннизму. Но подлинная правоверная реакция, имевшая весьма неприятные политические последствия, произошла только через столетие, при Ауренгзебе³⁴, старший сын которого, Дара Шикух, унаследовал от Акбара склонность к мистицизму и стремление к примирению различных вероучений. Несмотря на эту реакцию, синкретизм Акбара представляется самым сильным нарушением традиции в истории ислама.

В Индии синкретизм нашел для себя благодатную почву. «Индия с пестрой смесью разворачивающихся в ней религиозных феноменов представляется исследова-

³⁴ Ауренгзёб — император (1659—1707).

телю своеобразной школой сравнительного изучения религий, и так оно и было в действительности» (Гольдциер). Это смешение противоречивых верований проявилось в возникшем в Пенджабе учении ахмадийцев (ахмадийя), которые ведут активную пропаганду, главным образом на английском языке, в Европе и Азии. Глава этой секты Голам Ахмад (умер в 1908 г.) изложил основы учения в книге, написанной в 1880 г. Вопрос о смерти Иисуса остается неясным в Коране. В одном месте встречается отрицание распятия (4, 156: «...они не убили его и не распинали его, а только призрак являлся им»). В другом же месте как будто подтверждается его казнь (3, 48: «Бог сказал: «Иисус! Я подвергну тебя смерти, ко мне вознесу тебя и избавлю тебя от тех, которые не уверовали...»). Воспользовавшись такой неясностью, Голам Ахмад заявил, что смерть Иисуса была только кажущейся и что он вышел из могилы, отправился в Индию проповедовать Евангелие и умер там. Окончательно он был погребен якобы в Сринагаре. Одна суннитская фетва, естественно, осуждает этот вымысел. Стремление к синкретизму проявилось также в концепции махдизма, свойственной ахмадийцам. В то время как правоверные мусульмане считают мессию и махди двумя отдельно существовавшими лицами, Голам Ахмад объединил их в одно существо, воплощением которого объявил себя самого. По его учению, миссия махди безусловно мирная, и джихад следует понимать не как войну, а как исключительно духовную пропаганду. Все дело в том, чтобы объединить мусульман, индусов и христиан в одной и той же вере.

Ваххабизм. В XVIII в. в Аравии возникло движение ваххабитов. Это движение было порождено интересами, диаметрально противоположными стремлениям Акбара. Ваххабиты хотели вернуться к первоначальному правоверию. Как уже было отмечено, ваххабиты пошли дальше единобожия Альмохадов. Действительно, основываясь исключительно на тексте Корана и сунне, не допуская никаких толкований и разъяснений, они усматривали многобожие (ширк) во многих обычаях, уже давно допускаемых правоверными: в культе пророков, святых и могил. С их точки зрения, ни пророки, ни святые не могут в силу своей природы обладать познанием

сокровенного, если только аллах не дарует им его свыше. Считать их заступниками значит ставить какую-то другую силу выше могущества аллаха (только в день страшного суда пророк Мухаммед получит от аллаха власть для заступничества). Ваххабиты не допускали, чтобы почитали что-либо сотворенное, например, чтобы простирались перед могилой, даже если это могила пророка, или чтобы с благоговением обходили вокруг нее или целовали камень, считающийся священным. Они порицали суеверия (веру в счастливые и несчастливые дни, приметы, ворожбу), не разрешали клясться именем пророка или членов его семьи. Наконец, в обыденной жизни они запрещали спиртные напитки, табак, музыку, танцы и игры, совершенно так же, как хариджиты-ибадиты.

Ваххабизм, названный так по имени его основателя Ибн Абд аль-Ваххаба (умер в 1787 г.), произошел не от хариджизма (как можно было бы предполагать), а, по крайней мере теоретически, от ханбалитского толка, который тщетно стремился восстановить начальную сунну. В начале XIV в. ханбалитизм оживил выдающийся богослов Ибн Теймийя, противники которого ожесточенно спорили с ним; он умер в тюрьме. В XVIII в. Ибн Абд аль-Ваххаб воспринял его учение и положил его в основу ваххабизма, суть которого заключалась в сильной реакции против быстро развивавшегося культа святых. Около 1740 г. Ибн Абд аль-Ваххаб и Ибн Сауд объединились для того, чтобы вместе распространять ваххабизм; один взял духовную власть, другой — светскую. Они основали в Неджде государство, успехи которого встревожили Порту. В 1801 г. они разграбили шиитские святилища, а в 1806 г., повторив подвиг карматов, взяли Мекку, разрушили мечети и кафедры, пощадив только Каабу. Затем они овладели Мединой и осквернили могилу пророка. После этого их набеги, приостановившие движение паломников, распространились на Сирию и Месопотамию. Именно тогда, в 1811 г., Мухаммед Али, незадолго до того истребивший египетских мамлюков (противников Бонапарта), получил от Порты приказ обуздать ваххабитов. Он добился этого только к 1818 г., но его усилия пропали даром: ваххабитское государство вскоре было восстановлено. Примерно в то же время в Индии, где пережитки язычества

и культ святых господствовали с давних пор под влиянием брахманистского многобожия, Ахмед³⁵ стал проповедовать подобное же учение. В наши дни ваххабизм как в религиозном, так и в политическом отношении восторжествовал в большей части Аравии. Он проник даже в сопредельные с ней страны — Месопотамию и Сомали, особенно после того как султан Ибн Сауд низверг эфемерную хиджазскую шерифскую династию.

Бабизм и бехаизм. В то время как ваххабизм, чисто арабское учение, ставил своей целью вернуть ислам к его первоисточкам, бабизм и происшедший от него бехаизм, учения чисто иранские, ставили своей задачей дальнейшее развитие ислама. Ваххабизм ограничился пределами Аравии. Бехаизм, который в сущности является уже новой религией, с поразительной быстротой распространился из Азии в Америку.

С самого возникновения бабизма иранское правительство прекрасно понимало сущность этого учения и старалось уничтожить его всеми способами. На первых порах бабизм имел некоторое сходство с лютеранством. Он являлся пуританским восстанием против нравов официального духовенства. Недаром представители иранского духовенства, муллы, защищались от бабидов, называя их анархистами.

Известно, что махдистская идея (ожидание возвращения «скрытого имама») имеет большое значение в шиизме. Именно из этой идеи и исходил основатель бабизма Мирза Али Мохаммед, родившийся в 1819 г. в Ширазе. Паломничество в Кербелу, святое место шиитов, доставило ему случай завязать отношения с одним членом шиитской секты шейхитов, которые особенно чтили «скрытого имама» и противопоставляли себя ахбари (сторонникам священного предания). Вернувшись в Шираз, Мирза Али Мохаммед начал под влиянием шейхизма поучать и обличать официальное духовенство. Под влиянием того же учения он в 1844 г. (в 1260 г. хиджры, ровно через тысячу лет после таинственного исчезновения двенадцатого имама) объявил, что он Баб («врата», вновь открывающие доступ к познанию божественных истин). Этот титул не был новым:

³⁵ Сеид Ахмед (1786—1831) был солдатом в войске князя Индора, в начале XIX в. он объявил себя махди.

исмаилиты, друзья и нусайриты давали его некоторым своим высшим духовным особам. К проповедям Баб присоединил свои сочинения, в частности иносказательное толкование Корана (это напоминает исмаилизм)³⁶. Он быстро сплотил вокруг себя всех тех, кто, утомившись ригоризмом духовенства и мечтая о свободе и равенстве, ожидал прихода махди. Движение стало столь значительным, что Баба заключили в тюрьму. Незадолго до этого он обратил в свою веру одного из видных представителей тегеранского духовенства, специально прибывшего в Шираз, чтобы убедить его отречься от своего учения. Его приверженцы вели активную пропаганду. Среди них была женщина Зеррин Тадж («Хризостефан»), прозванная Куррат аль-Айн («Услада очей»), ум которой мог сравниться только с ее красотой; ее считают предвозвестницей женского движения в Иране. Эта пропаганда побудила правительство принять суровые меры. Среди бабидов появились тогда первые мученики, и можно прочесть у Гобино³⁷ рассказ о героическом сопротивлении их крепостей в Мазендеране. Таким образом, из религиозной, какой она была вначале, деятельность бабидов превращалась в политическую. Чтобы приостановить движение, которое все более распространялось, надо было его обезглавить. Баба приговорили к расстрелу. Первым залпом (в команду расстреливавших назначили солдат-христиан) были только оборваны веревки, на которых он был подвешен. Если бы у него хватило присутствия духа, чтобы скрыться в толпе, смотревшей на казнь, неизвестно, что бы еще произошло. Но обезумевший Баб побежал в сторону солдат и был убит ударом сабли (1850).

Его смерть не привела бабидов в уныние, а, наоборот, придавала им мужества. В 1852 г. трое из них совершили покушение на шаха, но сумели только ранить его. За этим последовали ужасающие репрессии, подробности о которых можно найти в работах Гобино и Нико-

³⁶ Баб написал «Беян», который, по его мнению, должен был заменить уже устаревший Коран.

³⁷ Гобино, Жозеф Артур (1816—1882) — французский реакционный социолог, один из создателей антинаучной расовой теории, в числе его сочинений имеются работы по истории религий Средней Азии и Ирана.

ля³⁸. В числе других несчастная Куррат аль-Айн была задушена и сожжена на костре.

Какие же опасные нововведения принес Баб? Его учение действительно привело к религиозной и социальной революции. Коран Мухаммеда он подменял кораном своего сочинения, который, по его словам, был дан ему в откровении. В то время как традиционный Коран придает большое значение ритуальной чистоте, Баб считал, что все сотворенное чисто и что чистота основана главным образом на воздержании. Что же касается социальных реформ Баба, то самыми важными из них были почти полная отмена развода, значительный рост уважения к женщине и ее правам. Следует жить, придерживаясь не буквы, а духа религиозного закона, — положение, напоминающее отношение христианства к иудаизму. Но к этим весьма разумным идеям Баб присоединяет какие-то арифметические комбинации, подобно тому как это делали исмаилиты и хуруфиты³⁹: бог создал мир при помощи семи атрибутов; число 19 следует считать священным, так как оно представляет числовое значение букв слова «вахид» — «единый» (бог).

После смерти Баба один из его учеников — Мирза Яхья, прозванный Собх-е Эзель («Заря вечности»), возглавил секту. Вместе со своими приверженцами он укрылся в Багдаде. Но турецкое правительство назначило его местопребыванием сначала Константинополь, а затем Адрианополь. Тогда-то, в 1863 г., произошел раскол: Мирза Хосейн, по прозвищу Бехаулла («Божественное сияние»), сводный брат Собх-е Эзеля, объявил, что он путем превращения, напоминающего превращение в учении исмаилитов, стал тем существом, пришествие которого возвещал Баб, — своего рода «утешителем».

Сторонники Собх-е Эзеля (умер в 1912 г.) — эзелиты, оставшиеся верными бабидскому учению, мало-помалу исчезли. Что же касается партии Бехауллы — бехаитов, то они продолжали вести активную пропаган-

³⁸ Николая А. Л. — французский исследователь бабизма, перевел на французский язык «Беян».

³⁹ Хуруфиты (хуруфи) — шиитская секта, возникшая в XIV в.; ее учение восприняли дервиши бекташи.

ду как в Иране, так и за границей. Какие же различия отделяют эти секты одну от другой?

Бабизм по сравнению с шиизмом представлял собой шаг вперед в направлении религиозного либерализма, но оставался чисто мусульманским, в частности иранским. Бехаулла же намеревался создать мировую космополитическую религию, отсюда его стремление к международному языку.

Он предлагал не уничтожить предшествующие религии, а объединить их в некоем идеальном учении. По сути, все религии хороши, надо только, чтобы они отказались от их излишних догматов и обрядов, и тогда их можно будет примирить. Пророки не отменяют один другого (как в исламе), так как все они провозглашают одни и те же принципы и являются своего рода посредствующим элементом между людьми и высшим духом, которого знают только по его атрибутам. Главное — любить бога, потому что любовь — условие прогресса и закон вселенной.

Что же касается внешней стороны учения бехаитов, то у них нет особых обрядов, потому что, по их мнению, религия должна проявляться не в церемониях, а во всех действиях человека. Они не признавали никакой священной иерархии. В обществе все люди, и мужчины и женщины, должны пользоваться равными правами; война должна исчезнуть, а всякий спор — улаживаться путем арбитража.

Словом, это скорее мораль, чем религия, но мораль с мистическим уклоном. Сын и преемник Бехауллы Аббас-эфенди в еще большей степени придерживался западных и рационалистических идей в руководстве своей сектой.

Модернизм. Конечно, ислам подвергся влиянию этих идей главным образом после французской революции, и приходили они главным образом из Франции.

Нет надобности подробно останавливаться на политической стороне этих модернистских тенденций. Поощряемые получившей большое развитие прессой, они в основном вылились в форму национализма, исторически обоснованного и получившего особенно яркое выражение после отмены османского халифата Ангорским собранием и падения мекканского шерифа, провозгласившего себя халифом (в 1924 г.). В наши дни

можно уже считать, что вопрос о халифате представляет только исторический интерес.

В области религии модернисты стремились восстановить иджтихад (право свободного рассмотрения и обсуждения религиозно-правовых вопросов).

В Индии Ахмад-хан Бахадур (умер в 1898 г.), основатель Алигархского университета, составил неомутази-литский, т. е. явно рационалистический, комментарий Корана. Его ученики считают, что мусульманская религия должна всемерно приспособляться к требованиям современности.

В Египте Мухаммед Абдо⁴⁰ (умер в 1905 г.) объединился с революционером Джемаль ад-дином аль-Афгани (умер в 1897 г.)⁴¹, и они совместно создали партию «Салафийя» (правоверных прогрессистов). Абдо преодолел влияние Европы (где прожил несколько лет). Основываясь на Коране и сунне, он отвергал таклид, ратовал за слияние четырех толков и сект. Он толковал Коран так, что находил в нем эквиваленты понятий современной науки: например, джиннов, упоминаемых в этой священной книге, он предлагал рассматривать как микробов и т. п. Впрочем, подобные рационалистические приемы он применял для доказательства идейного могущества ислама, другими словами — для доказательства преимущества ислама перед другими религиями. Абдо задался целью осуществить примирение ислама с наукой. Это заставляет вспомнить о том примирении правоверного ислама с мутазилизмом, к которому стремился Ашари, а также о примирении правоверия и мистицизма, о чем мечтал Газали.

На деле ислам уже не отказывался от практического применения науки: в 1935 г. хутба в месяц рамадан в Каире была передана по радио, равно как и тексты Корана; спустя два года в египетских школах были установлены громкоговорители, каждое утро передававшие несколько стихов из Корана. В то же время в этой стране был официально принят проект перевода Корана

⁴⁰ Мухаммед Абдо (1849—1905) — буржуазный реформатор ислама, египетский муфтий, преподаватель в аль-Азхаре.

⁴¹ Джемаль ад-дин аль-Афгани (1839—1897) — известный политический и общественный деятель, выступал против империалистического закабаления стран Востока, но вел эту борьбу под знаменем ислама.

на различные европейские языки. До тех пор священный текст этой книги правоверные считали неприкосновенным. Правда, этот текст уже раньше был переведен (помимо переводов, сделанных европейскими востоковедами) на фарси, урду, малайский и турецкий. С января 1932 г. в мечетях Стамбула читали Коран в турецком переводе.

Известно, что правительство Кемалю заменило арабо-тюркский алфавит латинским (даже для печатания Корана). Мусульманское право в Турции было заменено швейцарским гражданским кодексом. Западное влияние выразилось еще в осуществлении женского равноправия со всеми вытекающими отсюда последствиями (снятие чадры, доступ к образованию, занятие спортом, реформа законодательства о браке) не только в Турции, но в Иране и некоторых арабских странах, в которых читают и обсуждают книги европейских мыслителей и где явно сказывается их влияние.

В кемалистской Турции, упразднившей религиозные ордена и провозгласившей индивидуальную свободу религии, было осуществлено отделение духовного начала от светского. Конечно, ветер рационализма дует отовсюду, особенно среди интеллигенции. Но было бы неправильным делать вывод, что ислам отказался от своей экспансии. Например, в Индии, несмотря на противодействие индуизма, становится все больше медресе для мальчиков и девочек; активную пропаганду ислама ведут разные ассоциации (в частности, Ахмадия, которая обратила в ислам много париев). Растет число новообращенных также в Южно-Африканском Союзе. Следовательно, слишком смело прозвучало бы утверждение, что мистический зов уже более никогда не раздастся из таинственных глубин ислама в силу вечного закона действия и противодействия.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВНИК

- адат (عادة) — обычай
- азаб (عذاب) — наказание, мучение, право карать
- азан (اذان) — призыв к молитве
- айям ат-ташрик (ايام التشريق) — три праздничных дня после 10 числа зу-ль-хиджа
- акида (عقيدة) — основа вероучения, догма
- акика (عقيقة) — жертвоприношение при первой стрижке волос у ребенка
- акль (عقل) — разум
- аллах акбар (الله اكبر) — аллах превеликий
- амаль (عمل) — совершение добрых дел
- амир аль-муминин (أمير المؤمنين) — повелитель верующих, титул халифа
- амир аль-мус-лимин (أمير المسلمين) — повелитель мусульман
- амир аль-умара (امير الامراء) — эмир эмиров, командир халифской гвардии
- амсар (أمصار) — города, основанные мусульманами
- анва (عنوة) — завоевание путем применения вооруженной силы
- ансаб (أنصاب) — кумиры, идолы
- ансар (أنصار) — помощники, мединские последователи Мухаммеда
- араф (أعراف) — преграды; название 7-й суры Корана

аркан ад-дин	(أركان الدين) — столпы веры
ахбар	(أخبار) — рассказы, составляющие шиитское священное предание
ахбари	(أخباري) — признающий это предание
ахкам	(أحكام) — категории действий, поступков людей
ахль аз-зимма	(أهل الذمة) — податное немусульманское население в халифате
ахль аль-киتاب	(أهل الكتاب) — люди писания, преимущественно христиане и иудеи
ахль аль-хадис	(أهل الحديث) — сторонники и хранители сунны
ахль ас-сунна	(أهل السنة) — люди сунны, или сунниты
ашура	(عشورة) — траурный день у шиитов в месяц мухаррем
аят	(آية) — чудо, знамение, стих Корана
баб	(باب) — дверь, врата
барака	(بركة) — благословение, милость божия, духовная власть
батиль	(باطل) — ничтожное действие (по шариату)
бейт аль-маль	(بيت المال) — государственная казна
бида	(بدعة) — нововведение, новшество
бурда	(بردة) — плащ Пророка
ваджиб	(واجب) — необходимое действие
вакф	(وقف) — привилегированная форма собственности, находившаяся в распоряжении мусульманского духовенства
вали	(والي) — правитель, начальник стражи
вахид	(وحيد) — единый (бог)
везир	(وزير) — министр, сановник
вели	(ولي) — святой
витр	(وتر) — нечетный, название необязательной ночной молитвы
вуду	(وضوء) — омовение

газв	(غزو) — набег
гаиба	(غائبة) — отсутствие последнего шиитского имама
ганима	(غنيمة) — добыча, захваченная в бою
гияр	(غيار) — отличительный знак на одежде зимми
гулат	(غلات) — представители крайних верований
гусл	(غسل) — омовение (полное)
даджжаль	(دجال) — антихрист у мусульман
дан	(داع) — миссионер
дар аль-ислам	(دار الاسلام) — территории, населенные мусульманами
дар аль-харб	(دار الحرب) — территории, населенные немусульманами
дар ан-надва	(دار الندوة) — дом собрания в Мекке до ислама
дар ас-сульх	(دار الصلح) — территория, население которой платило дань в мусульманскую казну по договору
дахри	(دهري) — немусульманин, считавшийся материалистом
джабр	(جبر) — божественное произволение, провидение
джаиз	(جائز) — дозволенные действия (по шариату)
джамаа	(جماعة) — совместная молитва
джамра	(جمرة) — куча камней в долине Мина
джанаба	(جنابة) — большая нечистота
джанна	(جنة) — сад, рай
джаханнам	(جهنم) — геенна, ад
джахилийя	(جاهلية) — доисламский, или предисламский, период
джизья	(جزية) — подушный налог
джинн	(جن) — демон, дух пустыни
джихад	(جهاد) — священная война

джуз	(جزء)	— часть Корана; эта книга разделена на 30 джузов
джулус	(جلوس)	— молитвенный прием присаживания на колени
джунд	(جند)	— военный округ в Сирии
диван	(ديوان)	— податное ведомство, канцелярия; при Аббасидах — органы центрального управления
дин	(دين)	— религия, вера
дин аль-араб	(دين العرب)	— религия арабов
дня	(دية)	— выкуп за кровь, выкуп за убийство
дуа	(دعا)	— молитва, моление
завия	(زاوية)	— мусульманский монастырь
закят	(زكاة)	— подоходный налог, предписанный в Коране
закят аль-фитр	(زكاة الفطر)	— милостыня, раздаваемая после окончания поста
захир	(ظاهر)	— буквальное толкование
зикр	(ذكر)	— предостережение, одно из названий Корана; радение дервишей
зимми	(ذمي)	— иноверец
ибадат	(عبادات)	— обязательства, относящиеся к религиозному культу; составная часть шариата
иблис	(إبليس)	— дьявол
ид аль-газир	(عيد الغزير)	— праздник шиитов, годовщина признания Али
ид аль-фитр	(عيد الفطر)	— праздник разговения
аль-ид аль-кабир	(العيد الكبير)	— большой, великий праздник
аль-ид ас-сагир	(العيد الصغير)	— малый праздник
иджма	(اجماع)	— согласное мнение мусульманской общины
изар	(ازار)	— кусок ткани, покрывающий бедра в одежде паломника
икрар	(اقرار)	— признание, подтверждение, исповедание веры словом

ильм	(علم)	— традиционная теология и каноническое право
имам	(امام)	— руководитель молитвы, глава мусульманской общины
иман	(ايمان)	— вера
ислам	(اسلام)	— покорность
иснад	(اسناد)	— перечисление имен передатчиков хадиса
истиска	(استسقا)	— молитва о дожде (пост в случае засухи)
истислах	(استصلاح)	— изменение текста (священного предания во имя общественного блага)
истихара	(استهارة)	— молитва (перед важным решением)
истихсан	(استحسان)	— одобрение
итидаль	(اعتدال)	— выпрямление молящегося (после поклона)
итикад	(اعتقاد)	— внутреннее восприятие (веры)
ихрам	(احرام)	— состояние освящения, одежда паломника
ихсан	(احسان)	— добродетель, совершение добрых дел
ихтилаф мазахиб	аль- (اختلاف المذاهب)	— различия в учениях мазхабов
ишар	(اشار)	— мечение жертвенного животного паломником
кабира	(كبيرة)	— смертный грех
када	(قضا)	— совершение обрядов (в неурочное время), пост в возмещение пропущенных дней поста
кадам шериф	(قدم شريف)	— след ноги (пророка Мухаммеда)
кадар	(قدر)	— предопределение (приговор божий)
кади	(قاض)	— судья
калам	(كلام)	— мусульманское богословие
касида	(قصيدة)	— ода

катиб	(كاتب) — писец, секретарь
катль	(قتل) — убийство
кафир	(كافر) — неверный, немусульманин
каффара	(كفارة) — искупительная жертва (пост во искупление нарушения обрядовых предписаний)
кахин	(كاهن) — прорицатель (у древних арабов)
кисва	(كسوة) — одежда (наружный черный покров на Каабе)
китаб	(كتاب) — книга, писание
китман	(كتمان) — см. такыйя
Коран (журан)	(قرآن) — священная книга мусульман
кубба	(قبة) — купол; паланкин на верблюде
кусуф	(كسوف) — молитва при затмениях
куфр	(كفر) — неверие, безбожие
кыбла	(قبلة) — направление (лица молящегося к Мекке)
кыяма	(قيامة) — вставание (воскресение из мертвых)
кыяс	(قياس) — суждение (по аналогии)
лазим	(لازم) — связывающие действия (по шариату)
ля илях илля ллах	(لا اله الا الله) — «нет божества, кроме аллаха»
мавлид ан-наби	(مولد النبي) — праздник в ознаменование годовщины рождения Мухаммеда
маджнун	(مجنون) — одержимый
мазхаб	(مذهب) — юридическая школа (метод или система в суннитском исламе)
макрух	(مكروه) — предосудительное действие (по шариату)
маль аллах	(مال الله) — доля бога (имущество)
маль аль-мус- лимин	(مال المسلمين) — достояние мусульманской общины (имущество)
мандуб	(مندوب) — рекомендуемое действие (по шариату)

масджид	(مسجد)	— мечеть
матаф	(مطاف)	— вымощенная дорога (вокруг Каабы)
матн	(متن)	— текст хадиса
махди	(مهدي)	— мусульманский мессия
махр	(مهر)	— плата (за невесту)
мейсир	(ميسر)	— азартная игра
мейта	(ميتة)	— мертвечина (запрещенная к употреблению в пищу)
мимбар	(منبر)	— кафедра (для проповедника в мечети)
михраб	(محراب)	— ниша в мечети (показывающая местонахождение кыблы)
муамалят	(معاملات)	— юридические действия (составная часть шариата)
мубах	(مباح)	— дозволенное действие (по шариату)
муваххид	(موحد)	— сторонник единобожия
муджтахид мутлак	(مجتهد مطلق)	— непрекаемый авторитет (основатель одного из четырех правоверных мазхабов)
мукаррибун	(مقربون)	— близкие (к аллаху ангелы)
мунафик	(منافق)	— лицемер
мунзир	(منذر)	— предостерегающий
мурабит	(مرابط)	— житель рибата
мусаввир	(مصور)	— формировщик, творец
мусаннаф	(مصنف)	— сборник хадисов (в котором они расположены тематически, по содержанию)
муснад	(مسند)	— сборник хадисов (в котором они расположены по именам передатчиков)
мутакаллим	(متكلم)	— богослов
мутлак	(مطلق)	— абсолютный
муфтий	(مفتي)	— дающее фетву мусульманское высшее духовное лицо

мухаджир	(مهاجر) — переселенец (совершивший хиджру)
мухтасар	(مختصر) — краткое изложение
мухтасиб	(محتسب) — инспектор, контролер
мушрик	(مشرك) — сторонник многобожия
муэззин	(مؤذن) — призывающий на молитву
назар	(نظر) — взгляд, размышление, умозрительное познание
наиб	(نائب) — заместитель, представитель
нар	(نار) — огонь
нафид	(نافذ) — действительный поступок (по шариату)
нийя	(نية) — намерение (например, совершить молитву)
нисаб	(نصاب) — минимум имущества (подлежащий обложению закятом)
нусуб	(نصيب) — стоймя поставленный камень
раджа	(رجعة) — возвращение (скрытого имама)
рай	(راى) — личное мнение
райя	(رعية) — стадо; подданные
расул	(رسول) — посланник, посол
рахман	(رحمن) — милостивый (эпитет аллаха)
рибат	(رباط) — укрепленный монастырь
рида	(رداء) — кусок ткани (покрывающий левое плечо, грудь и спину паломника)
рисала	(رسالة) — послание, трактат
руку	(ركوع) — молитвенный поясной поклон
садака	(صدقة) — милостыня
садж	(سجع) — рифмованная проза
саджада	(سجادة) — ковер для молитвы
сай	(سعى) — бегание между холмами Сафа и Марва в Мекке
сакалиба	(سقالبة) — рабы-европейцы, служившие в мусульманских войсках

- саят (صلاة) — молитва
- саят аз-зухр (صلاة الظهر) — полуденная молитва
- саят ала-ль-мейит (صلاة على الميت) — молитва за покойника
- саят аль-аср (صلاة العصر) — послеполуденная молитва
- саят аль-джи-наза (صلاة الجنازة) — похоронная молитва
- саят аль-джу-ма (صلاة الجمعة) — пятничная молитва в мечети
- саят аль-иша (صلاة العشاء) — молитва в начале ночи
- саят аль-лейль (صلاة الليل) — ночная молитва
- саят аль-маг-риб (صلاة المغرب) — молитва при заходе солнца
- саят аль-хад-жа (صلاة الحاجة) — молитва об исполнении желания
- саят ас-субх (صلاة الصبح) — утренняя молитва
- саят аль-фаджр (صلاة الفجر) — утренняя молитва
- сар (ثار) — кровная месть
- сарик (سارق) — вор
- сахиб (صاحب) — сподвижник Мухаммеда
- сахиб аш-шур-та (صاحب الشرطة) — начальник полиции
- сахих (صحيح) — здоровый, правильный
- сахур (سحور) — еда на заре (вторичный прием пищи перед началом постного дня)
- синф (صنف) — род, вид, категория
- сира (سيرة) — житие Мухаммеда (биографическая литература о нем)
- сират (صراط) — мост в рай
- сифат (صفات) — атрибуты
- субха (مسبحة) — четки
- суджуд (مسجود) — земной поклон

сульх	(صالح) — мир (добровольное подчинение завоевателю)
сунна	(سنة) — мусульманское священное предание; образ поведения
сура	(سورة) — глава Корана
суф	(صوف) — шерстяной плащ
сухуф	(صحف) — листы (первоначального сборника текстов Корана)
габиун	(تابعون) — преемники (сподвижников Мухаммеда)
таваккуль	(توكل) — упование (на бога)
таваф	(طواف) — обход вокруг Каабы (обрядовые процессии паломников)
тавхид	(توحيد) — единобожие
тазир	(تعزير) — исправительное наказание (налагаемое судьей)
такбир	(تكبير) — произнесение формулы «аллах акбар»
такдир	(تقدير) — предопределение
таклид	(تقليد) — традиция (безоговорочное признание авторитетов)
такыйй	(تقية) — мысленная оговорка (внешнее отращение от веры)
талак	(طلاق) — развод
талим	(تعليم) — руководство (наставления имама)
талькин	(تلقين) — наставление
танасух	(تناسخ) — переселение душ
тарика	(طريقة) — путь, суфийский орден
тасдик	(تصديق) — внутреннее восприятие веры
таслим	(تسليم) — предание себя богу
таслим ат-тахлиль	(تسليم التحليل) — формула десакрализации (прекращение состояния ихрама)
татиль	(تعطيل) — обеднение (понятия бога)
тахаллуль	(تحلل) — частичное освобождение (паломника от ритуальных запретов)

тахара	(طهارة) — очищение
ташаххуд	(تشهد) — свидетельство (исповедание веры)
таяммум	(تيمم) — очищение (чем-либо сыпучим, например песком)
укуба	(عقوبة) — наказание (по шариату)
улема	(علماء) — суннитские ученые (богословы и правоведаы)
умма	(أمة) — мусульманская община
умми	(أمي) — неграмотный
умра	(عمرة) — малое паломничество
урф	(عرف) — обычное право
усуль аль-фикх	(اصول الفقه) — корни (основы правоведения)
ушр	(عشر) — десятина (поземельная подать, взимавшаяся с мусульман)
факих	(فقيه) — правовед
фана	(فناء) — уничтожение (личности путем слияния ее с божеством)
фард	(فرض) — обязанность (по шариату)
фард аль-айн	(فرض العين) — личная обязанность
фард аль-кифая	(فرض الكفاية) — дополнительная обязанность
фасик	(فاسق) — нечестивый
фатиха	(فاتحة) — название первой суры Корана
фатур	(فطور) — легкая пища (первая еда после поста)
фей	(في) — доходы казны, получаемые с недвижимого имущества (главным образом земли) с покоренного населения (подати, налоги)
фетва	(فتوى) — мнение религиозного авторитета
фикх	(فقه) — правоведение
фирка	(فرقة) — секта
фуру	(فروع) — ветви (разделы мусульманского права)
фуру аль-фикх	(فروع الفقه) — способы применения закона

хабус	(حَبُوس) — категория имущества (см. вакф).
хадас	(حَدَث) — малая или случайная нечистота
хадд	(حَد) — преступление (за которое в Коране предписано определенное наказание)
хадж	(حَج) — паломничество (в месяц зуль-хиджжа, месяц паломничества, 12-й месяц мусульманского лунного года)
хадис	(حَدِيث) — рассказ (входящий в сунну)
халик	(خالق) — творец
халифа расуль аллах	(خليفة رسول الله) — халиф, заместитель посланника аллаха
хальк	(خالق) — творение, процесс творения, тварь
хамр	(خمر) — вино
харадж	(خراج) — подать (в частности, поземельная)
харам	(حرام، حرم) — священный, заповедный, запретный
хиджра	(هجرة) — переселение Мухаммеда из Мекки в Медину; мусульманская эра
хизб	(حزب) — раздел Корана; всего в нем 60 хизбов
хилм	(حلم) — разум, интеллект
хитан	(ختان) — обрезание
хияль	(حيل) — ухищрения, уловки (допускаемые в фикхе)
худуд аллах	(حدود الله) — пределы, положенные аллахом (уставы божьи)
хумс	(خمس) — $\frac{1}{5}$ часть — налог на полезные ископаемые и на клады
хур	(حور) — гурии (в раю)
хутба	(خطبة) — проповедь
шаир	(شاعر) — поэт
шариат	(شريعة) — мусульманское право
шафаа	(شفاعة) — ходатайство (Мухаммеда за грешников)

шахада	(شهادة) — свидетельство, формула: «Нет божества, кроме аллаха, и Мухаммед — посланник аллаха»
шахид	(شاهد) — свидетель, мученик
шейтан	(شيطان) — дьявол, сатана
шейх	(شيخ) — старик, глава
шейх уль-ислам	(شيخ الاسلام) — глава мусульманского духовенства (в Османской империи)
шиа	(شيعة) — группировка, сторонники
шин	(شيعة) — шиит
ширк	(شرك) — многобожие

НАЗВАНИЯ И ПОРЯДОК МЕСЯЦЕВ МУСУЛЬМАНСКОГО ЛУННОГО ГОДА

1. Мухаррем	المحرم
2. Сафар	صفر
3. Раби аль-авваль	ربيع الاول
4. Раби ас-сани	ربيع الثاني
5. Джумада-ль-уля	جمادى الاولى
6. Джумада-ль-ахира	جمادى الاخرة
7. Раджаб	رجب
8. Шабан	شعبان
9. Рамадан	رمضان
10. Шавваль	شوال
11. Зу-ль-када	ذو القعدة
12. Зу-ль-хиджжа	ذو الحجة

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарон, брат библейского Моисея 147
- Аббас, дядя Мухаммеда 30, 36, 50
- Аббас I, иранский шах (1557—1628) 189
- Аббасиды, династия (750—1258) 51, 52, 54, 55, 66, 86, 137, 141, 188
- Аббас-эфенди, сын Бехауллы 198
- Абд ад-Дар, сын Кусая 26
- Абд аль-Вадиты, династия 171
- Абд аль-КаDIR аль-Гилани, основатель ордена Кадирийя в Северной Африке (XII в.) 161
- Абд аль-Малик, омейядский халиф (685—705) 47—49, 66, 121
- Абд аль-Мумин, основатель династии Альмохадов (1130—1163) 170, 171
- Абд аль-Мутталиб, дед Мухаммеда 26
- Абд ар-Рахман, кордовский эмир (756—788) 53
- Абд ар-Рахман III, кордовский эмир (912—961) 54, 173
- Абдаллах, отец Мухаммеда 26
- Абделлах ибн аз-Зубейр, правитель Мекки (ум. в 692 г.) 46, 47, 121
- Абдаллах ибн Абу Сарх, секретарь Мухаммеда 73
- Абдаллах ибн Масуд, сподвижник Мухаммеда, один из редакторов Корана 74
- Абдаллах, исмаилитский миссионер 145, 147
- Абд Манаф, сын Кусая 26
- Абдо Мухаммед, см. Мухаммед Абдо
- Абд Шамс, сын Абд Манафа, внук Кусая 26, 45
- Абу Абдаллах, исмаилитский проповедник (кон. IX — нач. X в.) 85
- Абу Бекр, первый халиф (632—634) 29, 33, 34, 30, 38, 39, 45, 74, 133, 134, 138
- Абуль-Маали, мусульманский богослов X в. 106, 140
- Абу Муса Абдаллах аль-Ашари, сподвижник Мухаммеда, один из редакторов Корана 74
- Абу Муслим, руководитель антиомейядского восстания (VIII в.) 51, 55
- Абу Суфьян, глава мекканских курейшитов 33—36, 41, 49
- Абу Талиб, дядя Мухаммеда 26, 29, 30
- Абу Убейда, арабский военачальник (VII в.) 38
- Абу Ханифа, мусульманский правовед (ум. 767 г.) 88
- Абу Хашим, шиитский проповедник (ум. в 716 г.) 51
- Август, римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) 23
- Авзай, мусульманский правовед (ум. 774 г.) 88, 91

- Авраам, мифический библейский патриарх 14, 24, 25, 32, 71, 81, 102, 110, 121, 147
- Ага-хан, см. Мухаммед-шах ибн Ага Али
- Агарь, мифическая мать Исмаила 121, 123
- Аглабиды, династия в Северной Африке (800—909) 54, 67
- Адам, библейский прародитель человеческого рода 100, 102, 147, 149, 152
- Адонис, финикийский бог 149, 163
- Азия, жена фараона 125
- Азраил, мусульманский архангел 100
- Аиша, жена Мухаммеда 34, 36, 38, 42, 43
- Айюбиды, династия (1171—1250) 149, 177
- Акбар, император династии Великих Моголов (1556—1605) 180, 191, 192
- Аксумская династия 16
- Алеви Ж., см. Галеви Ж.
- Александр Македонский, полководец, государственный деятель 52, 180
- Алиды, династия 46, 85, 141, 143
- Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда, халиф (656—661) 28, 29, 34, 38, 40, 42, 43, 45—47, 50, 55, 75, 124, 134, 135, 137, 139, 140, 141, 144, 146—148, 161
- Альманзор, см. Ибн Абу Амир аль-Мансур
- Альморавиды, берберийская династия (XI—XII вв.) 59, 166, 168—170, 177, 188
- Альмохады, берберийская династия (XII—XIII вв.) 144, 166, 170, 171, 186
- Амина, мать Мухаммеда 16
- Амр, арабский военачальник и правитель (VII в.) 41, 44, 59
- Антихрист (Даджаль) 103
- Аполлон, древнегреческий бог 19
- Арно Томас, французский врач, исследователь Южной Аравии 12
- Аршакиды, парфянская династия (250 г. до н. э. — 226 г. н. э.) 135
- аль-Асвад, религиозный проповедник в Южной Аравии (VII в.) 134
- Асиа, см. Азия
- аль-Аскари, Хасан ибн Али, см. Хасан ибн Али аль-Аскари
- Ассар, арабское божество 18
- Атлант, мифический полубог 100
- Ауренгзеб, император династии Великих Моголов (1659—1707) 192
- Афзан, см. Авзай
- Афина, древнегреческая богиня 121
- Ахмад-хан Бахадур, основатель Алигарского университета в Индии 199
- Ахмед ибн Ханбаль, мусульманский правовед (IX в.) 90, 91, 157
- Ашари, мусульманский богослов, основоположник калама (X в.) 157—159, 199
- Баб (Мирза Али Мохаммед), основатель бабизма 195—197
- Бабур, основатель династии Великих Моголов (1526—1530) 190, 191
- Бакыллани, мусульманский богослов (ум. в 1013 г.) 158
- Бармекид Яхья, везир 67
- Бармекиды, династия везиров в Багдадском халифате 51
- Бартольд В. В., академик, историк Востока 188
- Бахира, христианский монах 27
- Баязид I, турецкий султан (1389—1402) 185, 186
- Бейбарс, мамлюкский султан (1260—1277) 184
- Бель Альфред, французский востоковед 96, 162, 189
- Бену Ифрен, династия 54
- Бехаулла (Мирза Хосейн) основатель бехаизма (1817—1892) 197, 198

Бонапарт Наполеон 145, 194
Буиды, иранская династия
(932—1055) 58, 59, 173
Бусбек, австрийский посол в
Константинополе (XVI в.)
188
Буске, французский исламовед
96
Бухари, собиратель хадисов
(IX в.) 90

Вадд, арабское божество 19
Валид II, омейядский халиф
(743—744) 47
Василь ибн Ата, мутазилит
(VIII в.) 156
Вейль Г., немецкий востоковед
(1808—1889) 79
Вельхаузен Ю., немецкий во-
стоковед (1844—1918) 24,
102
Венсинк Арент, голландский
исламовед (1882—1939) 83,
109, 110, 115
Вольтер Ф., французский пи-
сатель 29

Гавриил (Джабраил), архан-
гел 28, 70, 71, 100, 110
Газали, мусульманский бого-
слов (1059—1111) 104, 117,
158, 159, 160, 163—165, 169,
175, 199
Газневиды, афганская дина-
стия (962—1186) 58
Галеви Ж., французский иссле-
дователь Южной Аравии 12,
16,
Гассаниды, арабская династия
(V—VII вв.) 17, 18, 20, 22,
56, 60
Гвиди Игнацо, итальянский во-
стоковед (1844—1935) 18
Гермес, древнегреческий бог 19
Глазер Э., немецкий востоко-
вед 16
Гобино Жозеф Артур, фран-
цузский востоковед (1816—
1882) 8, 196
Гог, фантастический народ 103
Годфруа-Демонбин, француз-
ский исламовед 90, 108, 120,
121, 124, 155

Голам Ахмад, глава ахмадий-
цев 193
Гольдциер Игнац, венгерский
исламовед (1850—1921) 7,
80—82, 84, 89, 91, 94, 110,
132, 141, 148, 153, 158, 159,
193
Гримме Губерт, немецкий исла-
мовед (1864—1942) 154
Гуриды, династия в Афгани-
стане 179
Гуюк, монгольский хан (1246—
1248) 177, 182

Давид, библейский царь 72,
102
Даджал, см. Антихрист
Даниил, библейский пророк
133
Дара Шикух, сын Ауренгзеба
192
Дарази, мусульманский мисси-
онер (XI в.) 148
Дарими, собиратель хадисов
(IX в.) 90
Дауд аз-Захири, мусульман-
ский правовед 91
Джабраил, см. Гавриил
Джами, иранский писатель 6
Джарир, отец Табари 91, 139
Джафар Садик, шиитский
имам 139, 145
Джелаль ад-дин Мангуберти,
хорезмшах (1219—1231) 181
Джелаль ад-дин Руми, см. Ме-
сневи Джелаль ад-дин Ру-
ми
Джемаль ад-дин аль-Афгани
(1839—1897), основополож-
ник панисламизма 199
Дутгэ, французский востоковед
114

Ева, жена библейского Адама
100
Ефрем, раннехристианский пи-
сатель 27, 105

Зайриды, см. Зириды
Заходер Б. Н., советский во-
стоковед 175
Зейд, приемный сын Мухамме-
да 29, 34, 35, 75, 77, 125

- Зейд, внук имама Хусейна (ум. в 740 г.) 143
- Зейд ибн Сабит, секретарь Мухаммеда 73, 74
- Зейнаб, жена Мухаммеда 34, 125
- Зеррин Тадж (Куррат аль-айн, Хризостефан), сподвижница Баба 196, 197
- Зириды, династия в Тунисе (972—1148) 56, 57, 170
- Зубейр, сподвижник Мухаммеда 43
- И**
- Иаков, библейский персонаж 102
- Иблис (Ибли), дьявол в исламе 100, 101
- Ибн Абд аль-Ваххаб, основоположник ваххабизма (XVIII в.) 194
- Ибн Абу Амир аль-Мансур (Альманзор), везир Кордовского халифата (XI в.) 54
- Ибн аз-Зубейр, антихалиф 135
- Ибн Араби, теоретик суфизма (XII в.) 160
- Ибн Исхак, автор биографии Мухаммеда (ум. в 767 г.) 78
- Ибн Масуд, автор одной из редакций Корана 75, 77
- Ибн Рустем, правитель Кайруана (VIII в.) 136
- Ибн Сабина, арабский философ (XIII в.) 160
- Ибн Сауд Мухаммед, эмир Неджда (1747—1765) 194, 195
- Ибн Ташфин, основатель династии Альморавидов (XI в.) 167—169
- Ибн Теймийя, мусульманский богослов (1263—1328) 92, 93, 160, 194
- Ибн Тумарт, основатель династии Альмохадов (XII в.) 144, 169, 170
- Ибн Хазм, мусульманский историк религий 91
- Ибн Халдун, арабский историк и социолог (XIV в.) 85, 102, 144, 145
- Ибн Хишам, арабский филолог (IX в.) 78
- Ибн Ясин, мусульманский проповедник (XI в.) 167
- Ибрахим, мусульманский пророк 19, 121
- Идрис, основатель династии Идрисидов (VIII в.) 55
- Идрисиды, династия в Марокко 54, 56
- Иегова, см. Яхве
- Иеремя, христианский проповедник 27
- Изабелла, кастильская королева 171
- Иисус, мифический основатель христианства 25, 70, 71, 72, 80, 81, 102, 144, 145, 147, 183
- Илат, см. Лат
- Индра, индусское божество 144
- Иннокентий IV, римский папа (XIII в.) 181
- Иоанн Креститель, предтеча, мусульманский имам 147
- Иоанн, священник 182
- Иов, библейский персонаж 102
- Иосиф, библейский персонаж 75, 102, 137
- Иса, см. Иисус
- Исаф-Наила, арабское божество 19
- Исмаил, сефевидский шах (1502—1524) 189
- Исмаил, сын библейского Авраама 14, 24, 81, 121, 123, 147, 149, 187, 189
- Исмаил, шиитский имам 145
- Исрафил, мусульманский архангел 28, 100, 104
- Ихшидиды, египетская династия 55
- Иштар, вавилонское божество 18
- К**
- Казанова Поль, французский востоковед 144
- Кальвин Ж., деятель Реформации (1507—1564) 50
- Карим-хан, глава исмаилитов (с 1957 г.) 151
- Карл Мартел, майордом Франкского государства (715—741) 49

- Кармат Хамдан, см. Хамдан Кармат
- Карлини Плано, см. Плано Карпини
- Карра де Во, французский востоковед 98, 105
- Кахина, предводительница берберов (VII в.) 48
- Кахтан, мифический родоначальник южных арабов 14
- Каэтани Леоне, итальянский исламовед (1869—1935) 26, 110
- Кемаль Мустафа, турецкий государственный деятель 200
- Кербелы, мученик, сын Хусейна 51, 139, 140
- Колумб Христофор, путешественник 171
- Курейшиты, арабское племя 43
- Куррат аль-айн, см. Зеррин Тадж
- Кусай, мифический родоначальник курейшитов 26
- Ламмес Анри, бельгийский исламовед (1862—1937) 7, 13, 19, 20, 22, 23, 31, 35, 37, 40, 43, 44, 93, 128
- Ландберг, исследователь Южной Аравии 12
- Лат (Илат), арабское божество 18, 19
- Лат-Узза, богиня 19
- Латона, божество 19
- Лахмиды, арабская династия 22, 56, 60
- Лев III, римский папа (VIII—IX вв.) 130
- Лэн-Пуль Стенли, английский востоковед 70
- Людовик IX Святой, французский король 181, 182
- Людовик XVI, французский король 42
- Лютер М., религиозный деятель (1483—1546) 169
- Маад, см. Низар
- Магог, мифический народ 103
- Мазда, бог-благодетель в Иране 82
- Макдиси, арабский географ 102, 104
- Макдональд Дункан, английский исламовед (1863—1943) 99, 102, 164
- Макру, вавилонское божество 18
- Малик, мусульманский ангел 89, 93, 100
- Малик ибн Анас, мусульманский правовед (ум. в 795 г.) 87, 88
- Мамун, аббасидский халиф (813—833) 53, 62, 155, 157
- Мансур, аббасидский халиф (754—775) 51, 53, 65, 67, 155
- Марк Аврелий, римский император (161—188 гг.) 191
- Марко Поло, итальянский путешественник (1254—1323) 184
- Марсэ В., французский востоковед 85
- Марсэ Ж., французский востоковед 115, 171
- Марут, мусульманский ангел 101
- Маскерэ, французский востоковед 136
- Массиньон Л., французский востоковед 11, 146, 147, 159
- Масуди, арабский историк, географ, путешественник, (X в.) 65
- Махди, мусульманский мессия 103
- Махмуд Газневи, тюркский султан (998—1030) 58, 173, 185
- Мейергоф, немецкий востоковед 121
- Мелик-шах, сельджукский султан (1072—1092) 175, 176
- Мериниды, арабская династия 171
- Меровинги, франкская династия 53
- Месневи Джелаль ад-дин Руми, поэт, мистик (1207—1273) 161
- Мехмет II, турецкий султан (1451—1481) 95, 186
- Мидрадиты, династия в Сиджильмесе 54, 55

- Михаил, мусульманский архангел 100
 Микдад ибн Амр, сподвижник Мухаммеда, один из редакторов Корана 74
 Мин, китайская династия (1368—1644) 186
 Мирза Али Мохаммед, см. Баб
 Мирза Яхья (Собх-е Эзель), ученик Баба 197
 Мирза Хосейн, см. Бехаулла
 Михаил Палеолог, византийский император (XIII в.) 184
 Моисей (Муса), библейский пророк 25, 71, 72, 102, 110, 147
 Монкорвин, христианский миссионер 184
 Муавия, омейядский халиф (661—680) 41, 43—46, 59, 64, 134, 135
 Муавия II, омейядский халиф (683) 47
 Мункар, мусульманский ангел 100, 106
 Мункэ, монгольский хан (1248—1259) 182, 183
 Мурат I, турецкий султан (1359—1389) 95
 Муса, см. Моисей
 Мусейлима, вероучитель, лжепророк (VII в.) 74, 133, 134
 Мустансир, фатимидский халиф (1036—1094) 149, 150
 Мутаваккиль, аббасидский халиф (847—861) 157
 Мустасим, аббасидский халиф (1242—1258) 65
 Мухаммед, вероучитель, основатель ислама (570—632) 6, 11, 12, 14, 15, 18, 20, 22—27, 29—31, 33—36, 39, 60, 62, 64, 69, 70—73, 77—84, 87, 89, 98, 101, 102, 104, 106, 108—111, 113, 115, 120, 124—126, 132, 134, 138—140, 144, 147, 148, 154, 157, 159, 170, 194, 197
 Мухаммед, исмаилитский имам 147
 Мухаммед, шиитский имам (XI в.) 143
 Мухаммед Абдо, буржуазный реформатор ислама (1849—1905) 199
 Мухаммед Али, правитель Египта (1805—1849) 194
 Мухаммед ибн Али, правнук Аббаса 51
 Мухаммед ибн Ханафийя, шиитский деятель (VII в.) 47
 Мухаммед-шах ибн Ага Али (Ага-хан), глава исмаилитов (1875—1957) 151
 Навави, передатчик текста Корана 85
 Наджда, ставленник хариджитов (VII в.) 47
 Надир-шах, иранский шах (1736—1747) 189
 Найла, арабское божество 19
 Накир, мусульманский ангел 100, 106
 Накрух, арабское божество 18
 Наллино К. А., итальянский востоковед (1872—1938) 152
 Нестор, христианский монах 27
 Нёльдеке Теодор, немецкий востоковед (1836—1930) 75, 79, 80
 Нибур Каретен, датский путешественник (1733—1815) 12
 Низам аль-Мульк, государственный деятель сельджукского государства (XI в.) 158, 175
 Низар (Маад), легендарный предок северных арабов 15, 149, 150
 Низар, сын халифа Мустансира (XI в.) 15
 Николая А. Л., французский востоковед 197
 Ной (Нух), библейский пророк 102, 147
 Обен Э., французский путешественник 124
 Окба, арабский военачальник (VII в.) 48
 Омар, арабский халиф (634—644) 29, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 45, 59, 63, 66, 74, 124, 134, 136, 138, 139, 170

- Омар II, омейядский халиф (717—720) 47, 50, 64
- Омейя, правнук Кусая, родоначальник халифов омейядов 26, 27
- Омейяды, арабская династия (661—750) 20, 35, 42, 43—45, 47, 56, 59, 64, 66, 86, 135, 138, 141, 155, 159
- Осман, арабский халиф (644—656) 42, 43, 45, 59, 64, 74—76, 85, 134, 159
- Пеллио, французский востоковед (род. в 1878 г.) 177
- Плано Карпини, итальянский путешественник (1182—1252) 182
- Плотин, философ (204—270) 160
- Поло, см. Марко Поло
- Порденон, христианский миссионер 184
- Рашидад Дин Сина, глава сирийских ассасинов 151
- Реза, шиитский имам 124
- Ренан Э., французский востоковед (1823—1892) 8, 22, 53
- Ридван, мусульманский ангел 100
- Роман Диоген, византийский император (1068—1071) 174
- Ромул, легендарный основатель Рима 26
- Рубруквис (Рубрук), фламандский путешественник (1220—1292) 182
- Рустемиды, династия в Тахерте 55, 136
- Саади (Муслихиддин), персидский поэт (1184—1291) 6
- Саблуков Г. С., русский арабист 10
- Саджах, арабская пророчица (VII в.) 133
- Саладин, см. Салах ад-дин
- Салах ад-дин, египетский султан (1169—1193) 149, 151, 173, 176, 177
- Сальман, сподвижник Мухаммеда 34, 148
- Саманиды, династия в Мавераннахре и Иране (875—999) 57, 58, 143
- Самарканди, толкователь Корана (X в.) 78
- Санджар, сельджукский султан (ум. в 1157 г.) 176
- Сасаниды, династия иранских царей (224—651 гг.) 16, 17, 40, 41, 44, 47, 57
- Саффариды, иранская династия (868—909) 57
- Сеид Ахмед, основоположник ваххабизма в Индии (XIX в.) 195
- Селим I, турецкий султан (1512—1520) 187, 188
- Сельджукиды, тюркская династия (X—XI вв.) 58, 59, 158, 176, 177, 181, 182, 184
- Сергий, христианский монах 27
- Сефевиды, иранская династия (1502—1736) 145, 189, 190
- Сид (Родриго Диас де Вивар), кастильский идадьго (1043—1099) 168
- Сиди Халиль, мусульманский правовед 93, 96
- Сим, мифический сын библейского Ноя 147
- Симон-Петр, евангельский апостол 147
- Син, вавилонское и арабское божество 18
- Сиф, мифический сын библейского Адама 147
- Скандерберг, возглавил борьбу албанского народа против турок (1405—1468) 187
- Снук Хюргронье, голландский исламовед 7, 8, 84, 90, 94, 106, 130
- Собх-е Эзель, см. Мирза Яхья
- Сулейман I эль-Кануни (Великолепный), турецкий султан (1520—1566) 95
- Сулейман, омейядский халиф (715—717) 47, 188, 189
- Суфьян ас-Саври, мусульманский правовед (VIII в.) 91
- Суюты, арабский ученый (XV в.) 93

- Табари, арабоязычный историк (838—923) 91
 Тальха, сподвижник Мухаммеда 43
 Тамерлан, см. Тимур Ленг
 Тахириды, иранская династия (IX в.) 57
 Тахмасп I, сефевидский шах (1524—1576) 188
 Темучин, см. Чингис-хан
 Тезей, мифический царь Афин 26
 Тимур Ленг (Тамерлан), среднеазиатский полководец (1370—1405) 173, 181, 185, 186, 190
 Тимуриды, династия (1370—1507) 186
 Тогрул бек, сельджукский военачальник (XI в.) 174
 Тор Андре, французский исламовед 27, 105
 Тулейха, арабский пророк (VII в.) 133
 Тулуниды, египетская династия (868—905) 55

 Убейи ибн Кааб, секретарь Мухаммеда 73, 74, 75
 Убейдаллах, основатель династии Фатимидов (909—934) 55, 144, 146—148
 Узза, арабское божество 19
 Угедей, монгольский хан (1229—1241) 180, 181

 Фатимид Мустансир 188
 Фатимиды, египетская династия (969—1171) 8, 55—57, 95, 96, 136, 146, 151
 Фатима, дочь Мухаммеда 28, 38, 55, 124, 125, 144, 146
 Фердинанд, арагонский король (XV в.) 171
 Филипп IV Красивый, французский король (1285—1314) 185
 Фирдоуси, иранский писатель (934—1020) 6
 Форскаль П., датский натуралист 12
 Франциск I, французский король (1515—1547) 52

 Хадиджа, жена Мухаммеда 23, 27, 28, 30, 43, 125
 Хадждадх ибн Юсуф, правитель Ирака (VII—VIII вв.) 47, 121, 136
 Хакам II, кордовский халиф (961—976) 54
 Хаким, фатимидский халиф (996—1021) 147—149
 Халид, арабский военачальник (VII в.) 33, 35
 Халладж, мусульманский мистик (X в.) 163
 Хамдан Кармат, предводитель антифеодалного восстания в IX в. 145, 146
 Хаммадида, алжирская династия 56, 57, 170
 Харун ар-Рашид, аббасидский халиф (786—809) 51, 53, 65, 67
 Харут, мусульманский ангел 101,
 Хасан, сын халифа Али 38, 45, 46, 150
 Хасан ибн Али аль-Аскари, шиитский имам IX в. 140
 Хасан ибн Саббах, основатель секты ассасинов (XI в.) 149, 150, 151
 Хафса, жена Мухаммеда, 36, 74
 Хафасиды, династия в Тунисе 171
 Хашим, прадед Мухаммеда 26, 27, 45
 Хишам, омейядский халиф (724—743) 47
 Христофор Колумб, см. Колумб Христофор
 Христос 103
 Хубал, арабское божество 19
 Хубилай, монгольский хан (1259—1294) 183
 Худейфа, арабский военачальник 74
 Хулагу, монгольский хан (1217—1265) 182, 184
 Хулагуиды, иранская династия 185
 Хунияди, венгерский военачальник 187

Хусейн, сын халифа Али (ум. в 680 г.) 38, 46, 51, 124, 139, 140, 149

Хутсма Мартин Теодор, голландский востоковед (1851—1943) 110, 123

Цезарь, римский полководец (I в. до н. э.) 190

Цин, китайская династия (1644—1911) 178

Чингис-хан (Темучин), монгольский завоеватель (1206—1227) 178, 179, 180, 182, 190

Шафни, мусульманский правовед (767—820) 88—90, 91

Шейх Машук, святой в Сирии 163

Шефер, французский востоковед 175

Эвд, французский феодал 49
Элохим, см. Яхве

Юань, династия в Китае (1280—1368) 183

Юстиниан, византийский император (527—565) 18

Язид I, омейядский халиф (680—683) 46, 47, 135

Язид II, омейядский халиф (720—724) 47

Яхве (Иегова, Элохим), древнееврейский бог 98, 130

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абиссиния, см. Эфиопия
Авиньон, г. 65
Адрианополь (Эдирне), г. 197
Азербайджан 4, 82
Акабский зал. 12
Аламут, крепость 150, 151
Аларкос, г. 171
Албания 3
Александрия, г. 41, 155
Алжир 56, 93, 95, 96, 119, 168, 171
Алтай 3, 57
Альхамбра 130
Америка (Новый Свет) 171, 195
Амалек, см. Мелух
Амр, г. 130
Аму-Дарья, р. 40, 48
Анатолия 48, 174, 175, 181, 184
Англия 5, 33
Ангора, см. Анкара
Анкара, г. 186, 188
Антиохия, г. 175
Арабистан 11
Аравия (Джазират аль-араб, Аль-Джазира) 11, 15, 20, 22, 23, 26, 35, 39, 44, 72, 86, 101, 123, 125, 128—130, 133, 136, 139, 146, 172, 191, 193, 195
Аравийский п-ов 11
Аральское море 180
Армения 24, 41, 42, 48, 172, 174, 176, 182, 183
Арафа, холм 123
Ассирия 40
Атлантический океан 3, 49, 56, 170
Атлас, горы 188
Афганистан 3, 47, 151, 176, 179, 180, 185, 190
Афганские горы 58
Африка 3, 4, 23, 57, 135, 146, 168, 171, 172, 191
Багдад, г. 51, 52, 54, 55, 57—59, 65, 66, 124, 143, 159, 163, 174, 182, 187, 197
Багдадский халифат 172, 185
Бактрия, гос-во 40, 52, 180
Балеарские о-ва 48
Балканский п-ов 187
Басра, г. 43, 65, 67, 74, 75, 135, 159
Башкирская АССР 4
Бахрейн, о-ва (Лхаса, Аль-Хаса) 13, 39, 62
Бедр 33, 61, 77
Бейрут, г. 8
Берег Ладана, см. Хадрамаут
Берберия 166
Ближний Восток 82, 190
Болгария 3, 186
Бордо, г. 5, 49
Борнео, о-в 191
Бужи, г. 56, 169, 170
Вавилония 23
Вавилон (Старый Каир), г. 17, 41
Вади Румма, долина 13
Васит, г. 65
Ватикан 168
Вена, г. 181, 188
Венгрия 181
Венеция, г. 186

- Верхний Атлас, горы 169, 170
 Верхний Египет 92
 Верхняя Месопотамия 181
 Византия (Византийская империя) 16—18, 23, 35, 36, 40, 46—48, 57, 59, 60, 130, 135, 174, 187
 Вифлеем, г. 71
 Восточная Африка 92
 Восточная Европа 180
 Восточная Монголия 180
 Восточный Иран 176, 186
 Восточный Судан 191
 Восточный Туркестан (Кашгар) 173
 Газни, г. 58, 176, 186
 Гана 167, 191
 Гасконь, г. 49
 Гаронна, р. 49
 Гватемала 15
 Геллиополис, г. 41
 Герат, г. 47, 186
 Гибралтар, прол. 188
 Гималаи, горы 3
 Гиндукуш, горы 40, 190
 Голландская Индия, см. Индонезия
 Гоморра 110
 Гренада, г. 130
 Гренадское гос-во 171
 Греция 23, 55, 121, 173
 Грузия 181
 Дагестан 4
 Дальний Восток 23, 57, 67, 183, 190
 Дальний Магриб 166
 Дамаск, г. 18, 45, 50, 51, 65, 74, 75, 86, 130, 135, 183
 Дахна, пустыня 13
 Двуречье 40
 Джазират аль-Араб (Аль-Джазира), см. Аравия
 Джебель Нуфуса, обл. 136
 Джерба, г. 136
 Джерид, обл. 48
 Джидда, г. 120
 Диар-Модар, обл. 15
 Диар-Рабиа, обл. 15
 Дорилей, г. 175
 Дунай, р. 188
 Европа 11, 67, 165, 177, 184—186, 189, 193, 199
 Евфрат, р. 11, 13, 15, 23, 39, 44, 177, 183, 188
 Евфратская долина 11
 Египет 3, 24, 39, 41, 42, 44, 55—59, 64, 66, 77, 92, 95, 121, 145, 146, 149, 161, 163, 173, 174, 176, 177, 181, 183, 186, 188, 199
 Женева, г. 50
 Забайкалье 178
 Заорданье, обл. 35
 Закавказье 180
 Заллака, г. 168
 Занзибар, о-в 131, 151
 Западная Азия 150, 175, 176, 185, 189
 Западная Аравия 11, 23
 Западная Африка 3, 92
 Западная Европа 5, 168
 Западный Иран 186
 Западный Судан 167, 191
 Земзем, колодец 22, 121
 Золотая Орда 178, 180
 Зу-Кара 17
 Немама, обл. 89, 133
 Иерусалим, г. 32, 71, 103, 104, 120, 124, 174
 Израиль 32
 Инд, р. 47—49
 Индия 3, 16, 23, 52, 58, 62, 92, 95, 109, 151, 162, 176, 181, 183, 185, 186, 190—194, 199, 200
 Индийский океан 16
 Индокитай, п-ов 191
 Индонезия (Голландская Индия, Малайский архипелаг) 3, 7, 53, 92, 95, 191
 Иордания 65, 92
 Ирак 14, 15, 43, 46, 58, 65, 87, 88, 128, 136, 146, 149, 153, 159, 173
 Иран (Персия) 3, 6, 8, 9, 16, 17, 23, 24, 39, 40—42, 44, 57—60, 65, 66, 82, 95, 119, 124, 133, 135, 139, 143, 145, 149, 151, 172, 174, 175, 179, 180—183, 185, 187—190, 192, 196, 198, 200
 Испания 33, 48, 49, 51, 53, 54, 56, 58—60, 91, 92, 165, 166, 168, 170—173, 175, 177

Италия 33, 55, 187
Ифрикия, обл. 48, 54, 55, 146

Иемен (Счастливая Аравия)
11—13, 16, 22, 23, 42, 134,
142

Кааба 22, 25, 29, 32, 35, 36,
46, 120—123, 129

Кабилия, обл. 48

Кабул, г. 190

Кадисия, г. 40

Казахстан 4

Казимейн, г. 124

Каир, г. 55, 56, 58, 92, 130, 199

Кайруан, г. 48, 136, 167, 170

Калаун 130

Камбоджа 191

Канны, г. 17

Каракорум, г. 182

Карфаген, г. 48, 49, 53

Каспий (Каспийское море) 49,
187

Катабан 16

Каф 99

Кашгар, см. Восточный Тур-
кестан

Кембридж, г. 5

Кербела, г. 46, 124, 189, 195

Киликия 65

Киннасин, г. 65

Кипчакское ханство 163, 185

Киргизия 57

Киренаика 39, 41

Китай 13, 23, 48, 52, 53, 92, 172,
176, 178—181, 183, 186, 191

Константина, г. 54

Константинополь (Стамбул),
г. 5, 186, 197, 200

Кордова, г. 54

Кордовский халифат 53, 54,
168

Королевство Меровингов, см.
Франция

Красное море 12, 16, 23, 36

Крым, п-ов 187

Ктесифон, г. 44

Кум, г. 124

Куфа, г. 17, 44, 46, 51, 65, 74,
75, 134, 135

Лас Навас, г. 171

Лейден, г. 27

Лхаса (Аль-Хаса), см. Бах-
рейн
Льеж, г. 5

Маан (Маган, Маин), обл. 15
Мавераннахр (Трансоксиана,
Трансоксания), обл. 48, 58,
173, 176, 179, 185, 186

Магриб 3, 48, 55, 91, 119, 135,
136, 144, 162, 163, 169

Мадагаскар, о-в 52, 191

Мазаб 136

Мазендеран, обл. 196

Малайский архипелаг, см. Ин-
донезия

Малая Азия, п-ов 42, 174, 185,
187

Марва, холм 122, 124

Марокко 48, 54, 55, 94, 162,
167, 168, 171, 188, 189

Марракеш, г. 167, 169, 170,
171

Маскат (Сохара), г. 13, 136

Махра, обл. 13

Медина (Ясриб), г. 12, 15, 22,
24, 30, 31, 33—36, 43, 45, 46,
50, 66, 72, 75, 82, 86, 87, 88,
120, 124, 194,

Мекка, г. 7, 12, 15, 22—32, 35—
38, 46, 47, 55, 72

Мелух (Амалек) 15, 78, 111,
120—124, 163, 194

Мерв, г. 27

Мертвое море 35

Месопотамия 23, 24, 44, 52,
92, 124, 146, 176, 185, 186,
194, 195

Мешхед, г. 124

Мзаб, обл. 136

Мина 123, 124

Монголия 178, 182

Москва, г. 5

Мосул, г. 41

Мраморное море 184

Муздалифа 123

Мута 35, 36

Мюнхен, г. 5

Нарбонн, г. 49

Неджеф, г. 124, 189

Нежд, обл. 11, 13, 19, 23,
194

Неджран, г. 22

Нефуд, пустыня 13
Нехавенд, г. 40, 41
Нигер, р. 167
Нигерия 3
Нижний Египет 92
Нижняя Месопотамия 135
Никополь, г. 186
Нил, р. 41
Нильские пороги 49, 188
Новый Свет, см. Америка

Оман 13, 136, 151
Ор, обл. 39, 48
Османская империя, см. Тур-
ция
Отранто, г. 187
Отрар, г. 176
Оход, гора 12, 33

Пакистан 3, 92
Палестина (Святая земля) 17,
23, 62, 65, 92, 174
Пальмира, г. 23
Париж, г. 5, 6
Пелузиум, г. 41
Пенджаб 193
Передняя Азия 23
Персидский зал. 11, 13, 23,
53
Персия, см. Иран
Пиренеи, горы 49
Поволжье 178
Польша 181
Пуатье, г. 17, 49, 183

Рабат, г. 167
Ракка, г. 44
Рамла, г. 65
Рим, г. 50, 55, 135, 186
Римская империя 166
Рона, р. 49
Россия 173, 180, 181, 183, 185

Саба 16
Самарканд, г. 185, 186
Самарра, г. 65, 124, 140
Санаа, г. 12, 16, 134
Сарат, горы 124
Сардиния, о-в 55
Саудовская Аравия 92
Сафа, холм 122
Сахара, пустыня 48, 136, 167
Святая земля, см. Палестина

Северная Аравия 17
Северная Африка 9, 42, 44, 48,
54, 56, 57, 60, 74, 88, 92, 95,
113, 136, 161, 162, 166—168,
170, 188
Северный Иран 180
Сеистан, обл. 57
Сенегал 167
Сибирь 178
Сиджильмас, г. 54, 55, 167
Синай, горы 12
Синайский п-ов 12, 123
Сирия 16, 18, 23, 27, 33, 35,
36, 40, 41, 43, 46, 49, 52, 56,
65, 66, 87, 88, 92, 128, 133,
145, 148, 149, 151, 153, 154,
161, 163, 171, 174—177, 183,
186, 194
Сирийская пустыня 13, 17
Сиффин 44
Сицилия, о-в 55, 170
Смирнский зал. 184
Согдиана, обл. 52
Содом, г. 110
Сомали 3, 195
Сохара, см. Маскат
Спа, г. 5
Средняя Азия 4, 40, 41, 53,
151, 172, 174, 177, 178, 183,
190
Средиземное море 23, 33, 56,
67
Средиземноморье 23
Сринагар, г. 167
СССР 3, 4
Стамбул, см. Константинополь
Старый Каир, см. Вавилон
Судан 92, 167
Суматра, о-в 53, 130, 191
Счастливая Аравия, см. Йемен
США 5
Сыр-Дарья (Яксарт), р. 48, 173

Танф, г. 12, 23, 30, 36
Таласс, р. 53
Такрур, обл. 167, 191
Танжер, г. 48
Танта, г. 163
Татарская АССР 4
Тахерта, г. 54, 55, 136
Тебук, обл. 12, 36
Тихама 11, 22
Тлемсен, г. 48, 54, 169—171
Толедо, г. 49

Трансиордания 130
Трансоксiana (Трансоксания),
см. Мавераннахр
Триполитания 48, 57, 167, 170
Тунис 54, 55—57, 96, 166, 171
Туран 9, 41, 57, 173, 175, 176,
179, 180, 183, 185, 191
Туркестан 57
Турция (Османская империя)
3, 92, 95, 152, 187—189, 200
Тянь-Шань, горы 3, 173

Уаргла, г. 136
Указ 22, 23
Украина 180

Фарс, обл. 57
Фергана, обл. 190
Фес, г. 54, 94, 170, 171
Финикия 17
Франция (Королевство Меровингов) 13, 33, 49, 52, 55, 67,
165, 174, 198
ФРГ 5
Фустат, г. 65

Калев, г. 149, 183
Халдея, обл. 40
Хадрамаут (Берег Ладана),
обл. 12, 39
Хариди, гора 163
Харран, г. 62
Харура 134
Аль-Хаса, см. Бахрейн
Хауран 148
Хеврон, г. 71
Хейбар, г. 22, 34, 35
Хива, г. 176
Хиджаз 11, 12, 19, 22, 24, 37,
46, 92

Хилла, г. 145
Химьяритское царство 16
Хира, г. 17, 23
Хомс, г. 74
Хорасан, обл. 50, 57, 58, 173,
180
Хорезм (Хорезмское гос-во)
178, 179, 185
Худейбия 34, 77
Хузистан, обл. 146

Целебес, о-в 191
Центральная Азия 41, 173, 179
Центральная Аравия 18
Центральный Судан 191

Черное море 184, 187

Шираз, г. 195, 196

Эгейское море 41, 42, 187
Эдирне, см. Андрианополь
Эритрея 3
Эфиопия (Абиссиния) 3, 16,
23, 24, 29, 34, 38, 191

Югославия 3
Южная Аравия 12, 15—19, 39,
46, 92, 135
Южная Африка 92
Южное Марокко 48
Южная Франция 165
Южно-Африканский Союз 200
Юкатан (Юнтингтон), п-ов 15
Юнтингтон, см. Юкатан

Ява, о-в 113, 130, 191
Яксарт, р., см. Сыр-Дарья
Ярмук, р. 40
Ясриб, см. Медина

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Глава I. Возникновение ислама	11
Арабские племена. (13). Царства Южной Аравии (15). Царства Северной Аравии (17). Арабское язычество (18). Иноземные влияния (22). Евреи и христиане (24). Мухаммед. Детство и юность (25). Мухаммед. Откровение и первые пророчества (28). Хиджра (30). Мухаммед в Медине (30).	
Глава II. Арабское господство	38
Первые четыре халифа (38). Династия Омейядов (45). Аббасиды (51). Условия арабской экспансии (59). Священная война (джихад) и положение покоренного населения (60). Административное устройство (65).	
Глава III. Основы мусульманского права	69
Коран	69
Мухаммед и откровение (70). Установление текста Корана (73). Содержание и хронология Корана (77). До хиджры (78). После хиджры (80)	
Сунна	82
Предания (хадисы)	84
Правоведение (фикх)	86
Глава IV. Догматика и право (шариат)	97
Догматика	97
Вера в аллаха (98). Ангелы и демоны (100). Пророки (101). Страшный суд (102). Предопределение (106).	
Право	107
Культ (108). Предписания (124).	
Глава V. Религиозная и философская эволюция	132
Появление пророков (133). Хариджизм (134). Мурджизм (138). Шизм (138). Махдизм (143). Карматы и исмаилиты (145). Проблема свободной воли (153). Мутазилиты (156). Ашаризм (157). Мистики (158).	

Глава VI. Турецкое и иранское преобладание	166
Реакция берберов в Северной Африке	166
Альморавиды (166). Альмохады (168). Раз-	
дробленность (171).	
Тюрки и монголы	172
Сельджукиды (173). Монголы (177).	
Сопrotивление исламу	184
Новые времена. Образование трех больших	
азиатских государств	186
Последние религиозные нововведения	191
Акбар (191). Ваххабизм (193). Бабизм и бе-	
хаизм (195). Модернизм (198).	
Терминологический словарь	201
Названия и порядок месяцев мусульманского лунного года	213
Именной указатель	214
Географический указатель	223

А н р и М а с с е

И С Л А М

Очерк истории

*Утверждено к печати
Редакционным советом
востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
АН СССР*

*

Редактор издательства Ю. Н. Зотова
Художник И. Н. Давыдов
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры А. С. Киняпина и М. А. Столбова

*

Подписано к печати 12/Х 1961 г.
А-03657. Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 7,25
Усл. п. л. 11,89 Уч.-изд. л. 12,62
Тираж 7000 (2-ой завод — 2000 экз.) Зак. 45
Цена 75 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Офсетное производство
Издательства восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Вышли в свет:

М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана.
440 стр. Цена 1 р. 90 к.

М. Н. Иванова. Национально-освободительное движение в Иране (1918—1922 гг.). 182 стр. Цена 70 коп.

А. К. Лаврентьев. Империалистическая политика США и Англии в Иране. 93 стр. Цена 30 коп.

**МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГА
ПРИНИМАЮТ
ЗАКАЗЫ НА ЭТИ КНИГИ**

КНИГИ МОЖНО ТАКЖЕ ЗАКАЗАТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б. Черкасский пер., 2/10,
отдел «Книга—почтой» Академкниги.